

Сергей Фаустов
КРУПНЫМ ПЛАНОМ

ФАУСТОВ
КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Вологда 2008

С. Фаустов. Итоги литературного 2004 года. ВОУНБ им. Бабушкина.

ФАУСТОВ КРУПНЫМ ПЛАНОМ : [сборник авторских материалов С. Фаустова и статей о нем]. Библиотечная серия, выпуск 5, посвящается 60-летию со дня рождения. Составитель Щекина Г.А. В книге использованы фотографии из личного архива С. Фаустова. Работа по подготовке издания проводилась совместно с Центральной городской библиотекой и лично Молчановой Л.А.

Вологда. Свеча, 2008. Тираж 100 экз

Виталий Пуханов. Далеко от Москвы

Эссе, статьи, очерки **Сергея Фаустова** ("Харизма вологодской литературы") заслуживают серьезного разговора. Можно с уверенностью сказать, что его творческая воля многое определяет в молодой вологодской литературе последнего десятилетия. Книга "Харизма вологодской литературы" самим названием способна вызвать улыбку у столичного литературоведа. Но при знакомстве и с книгой, и с творчеством вологодских авторов становится понятным, что перед нами литературный материк, существующий отдельно и независимо от московско-петербургского книжного круговорота. Можно даже говорить о действующей школе.

Фаустов – природно-одаренный критик, носитель реликтового на сегодняшний день видения литературы и ее роли в жизни человека. Такой была нарождающаяся критика первых лет перестройки, вымороженная постмодернистским дискурсом последнего десятилетия. Достаточно назвать некоторые главы книги Фаустова, чтобы представить угол зрения автора: "Геолитература", "Провинция как литературное пространство", "Анатомия мистификации", "Инстинктивная литература". Фаустов работает без оглядки на столицу, у него нет публикаций в центральной печати. Конечно подобная оторванность сказывается: можно сравнить труд Фаустова с проклятием краснодеревщика, вынужденного всю жизнь строгать из осины. Избранные им тексты вологодских авторов не всегда ярко иллюстрируют его спорные, но интересные выводы. Но такие критики как он, могут вплавить вологодский феномен в общероссийский контекст. Вообще, не тронутая деструктивными веяниями последнего времени, вологодская литература сохранила, обогатила и очистила то лучшее, что создала русская словесность советского периода. К сожалению, наиболее интересные вологодские прозаики не представлены в нашем обзоре книгами, и только по нескольким рассказам, опубликованным в том или ином сборнике, можно судить об уровне письма и его тематической глубине. Сближение с писателями из Вологды более необходимо Москве. Вологжане полны своим миром, и многие их произведения лучше представляют «русский космос», чем произведения иных признанных столицей писателей...

(Фрагмент статьи в сетевом журнале «Пролог»)

СЕРГЕЙ ФАУСТОВ. КОРОТКАЯ ПРОЗА**Вхождение**

Я родился в ночь с 21 на 22 апреля 1948 года, а именно - в 1 ночи. В метриках записали день рождения 21-го, но с детства, насколько я мог помнить, его праздновали 22 апреля. Вместе с Лениным.

У меня было счастливое детство, оно продолжалось до 14 лет, пока мои родители жили в Якутске, где мой отец работал министром пищевой промышленности. Все мои друзья тоже были детьми номенклатурного начальства, что давало нам возможность вести познавательный образ жизни. Здесь я, прежде всего, имею в виду большую домашнюю библиотеку, в которой основное значение имела русская литература в виде собраний сочинений классиков. Так я научился читать тома.

Потом был переезд в Калининград, где я проучился три класса - с 8 по 10. Калининград был насыщен заморским, и тоже познавательным духом, привозимым китобоями со всех океанов земного шара. Сингапурское тряпье, испанская жвачка, английские грампластинки, шведские порножурналы...

Мои родители не могли долго выжить в такой атмосфере, предвещавший кризис капитализма, казавшийся неизбежно связанным с будущей войной, и уехали подальше вглубь России - в Вологду.

У меня был еще один класс, одиннадцатый, который я и закончил благополучно в городе, где и живу до сих пор - в Вологде.

Мне предстояло идти в армию. В Вологде был пединститут, которые закончили многие вологодские писатели. Однако, только сойдя со школьной скамьи, я и в голову не мог взять, чтобы туда вернуться, хоть и в другом качестве. К счастью, совершенно неожиданно в Вологде создали вологодский филиал СЗПИ, я сдал экзамены и стал студентом-вечерником. Вечером - на занятиях, днем - на работе. Так я проучился шесть лет в институте, выучился на инженера-механика, одновременно работая конструктором в КБ по деревообработке.

Почти на пределе призывного возраста я ушел в армию, где год прослужил делопроизводителем в штабе, дослужившись до

звания гвардии сержант. Как это ни странно звучит, но в армии у меня были друзья, с которыми мы проводили литературные конкурсы. До сих пор у меня хранятся те рассказы. Прослужив один год, я вернулся в Вологду и поступил на работу в политехнический институт, где свыше 20 лет работаю на преподавательской должности. В 1980 году женился и за время совместной жизни с Галиной Щекиной родились у нас дочь и двое сыновей. В том же году поступил в аспирантуру, а в 1985 году защитил кандидатскую диссертацию по специальности промышленная теплоэнергетика.

Так получалось в течение всей моей жизни, что решение каких-то учебных, технических, а главное, личных проблем было связано с написанием текстов, каждый раз требующих быть разной степени точности, образности, эмоциональности и прочих свойств. Более всего проблемы создания текстов были связаны с написанием формул изобретений, когда совершалась настоящая литературная работа, работа над словом, над фразой, с привлечением всех возможных и невозможных потенциалов русского языка. Это была настоящая многолетняя школа литературной работы.

Первые публикации в областной печати относятся к 1976 году, они были на тему рок-музыки. А самиздатский журнал "Поп магазин" был выпущен мной еще в 1971 году. Позже, в 80 годах, опубликованы комментарии из области живописи и театра.

Жизнь в Вологде обладает познавательным свойством во многих сферах жизни, но более всего, глубже всего, доступней, понятней - в области литературы. В "Харизме вологодской литературы" я описал, каким неожиданным и тайным образом происходило мое вхождение в литературу. Оно было медленным на протяжении десятилетий, по касательной, а не прямо, с остановками, а не непрерывно, в общем, это происходило неотвратимо. Процесс этот ускорился с приходом в Литартель "Ступени", где оказалось очень много пищи для размышлений, исследований и обобщений. Тогда же появились и рассказы.

Мне интересно находить аналогии в разнородном. Сходство в различиях, различия в сходном. И теперь, занимаясь литературной работой, я обнаруживаю неисчерпаемые и нераскрытые возможности русской литературы.

Фарфоровая чашка

У меня есть чашка. Когда-то мне подарили ее на день рождения. Внешне она ничем особым не выделяется среди других, чашка как чашка, но если ее поднять со стола и поднести ко рту, то она начинает играть "Happy birthday to you...". В ее утолщенном дне спрятано светочувствительное устройство и чип с музыкальной программой. Чашка с музыкальной душой.

В последнее время я ею не пользуюсь. Стоит она в шкафу на кухне забытая, в одиночестве, на холодной на стеклянной полке. Но когда луч весеннего солнца падает на нее, она напоминает о себе, начинает играть

Иногда она начинает играть при включении света, иногда даже в сумерках, когда проходишь мимо, отбросив на нее бледную тень. Как будто ее чувствительность усилилась от одиночества, от бездействия.

Вчера ночью я услышал, как она заиграла. Я пошел на темную кухню узнать, откуда источник света? Я отодвинул занавеску и посмотрел в окно. В небе, над крышей соседнего дома, среди редких облаков ярко светила звезда.

Холодок пробежал по моей спине.

Заснеженный тамбур (встреча с Бродским)

Я возвращался из Великого Устюга по железной дороге. Моим соседом по купе был некий господин, который внимательно и очень долго читал газету с объявлениями, а затем с шумом пил чай, звеня ложкою, перемешивая в стакане сахар (возможно, нужно переставить фразы). Я лег спать, хоть солнце светило и снег, искря, летел за окном.

Я проснулся, когда поезд по-обычному долго стоял на станции Котлас, верней сказать, вагон взад-вперед возили, прицепляя к другим. Взглянул в окно, но там не было ничего интересного, только снег кругом и дул ветер Борей.

В расписании я увидел, что в три часа ночи будет станция Ерцево. Я много раз проезжал мимо нее, но никогда не видел, как она выглядит. Конечно же, она ничем не отличается от тысяч других, но все-таки...

Я поставил будильник на без десяти три и опять лег спать. Мне снился звон бубенцов и храп коней, но в тот момент подал сигнал будильник, и оказалось, что мой сосед опять размешивает ложкой сахар в стакане и хлебает чай.

Я встал, взял сигарету и вышел в тамбур. Он изнутри был весь заиндевелый, заметен снегом и в нем гулял морозный ветер - дверь почему-то оказалась без стекла. Странно, днем стекло было. Я увидел приближающиеся огни, фонари, прожектора, фигуру станционного дежурного с флажком, здание вокзала Ерцево, похожее на огромную трибуну или корабль, столб с надписью 683 - расстояние от Москвы. Видно было, что здание старое, обито зелеными узенькими дощечками. Я выглянул через дверь, мысленно благодаря судьбу за то, что не было стекла, и посмотрел вдоль поезда. Никто не выходил и не входил в вагоны. Стоянка две минуты.

Здесь сорок лет назад в такую же февральскую ночь (а может, был день) тех двух минут хватало, чтобы сосланные граждане, «группа тунеядцев» - успела выпрыгнуть на снег. Потом на грузовике их везли дальше - в село Норенское. Так Бродский ехал в ссылку.

Поезд тронулся, морозный ветер усилился и вихрем закрутился в тамбуре, я видел убегающий назад вокзал и треугольные дома, чья геометрия еще резче выступала на фоне белого безмолвия, погружающегося во тьму ночи. Вспомнились стихи, описывающие ландшафт за тем окном.

Заносит пульмана в полночной мгле,
заносит крыши, окна, стенки, двери,
подножки их, гербы, замки, суфле,
зато внутри темно, по крайней мере.
Пути в снегу, составы, все в снегу,
вплетают ленты в общий снежный хаос,
сливаясь с ним, срываясь с ним в пургу.
Исчез вокзал...

Сквозь ветра вой несутся хлопья, что "быстро льнут к ночным путям, к флюгаркам мертвых стрелок и к перьям их, огни на миг сверкнули и вновь лишь ночь видна". Вихрь не дает ни смотреть, ни дышать - "дуй, дуй, кричи, свисти им вслед невнятно, пусть

круг, пятно сольются в ленту, в крест".

У меня кружилась голова, я рисковал получить воспаление легких, но я стоял, прижавшись к стене тамбура, следя за вакханалией стихии, которая сегодня, как и тогда "...ревет - верней, один гудок взревел во тьме - все стадо спит - и скрежет стоит такой... гляди, как рог, в пустой буфет громадный буфер врежет".

Воющим снарядом ворвался встречный поезд, ослепил огнем. Набрав воздуха, я что-то закричал.

«Улисс огня плывет в ночной простор.
Кусты чадят. Вокруг трава ослепла:
в былую жизнь прожектор луч простер...»

Потрясенный, я вернулся на свое место, дрожа от холода. Или от встречи с этим стихотворением, написанным сорок лет назад? Господин сосед с хрустом мял газеты.

Я видел то, что видел Бродский, то, о чем он писал и, как в колодец, с этими воспоминаниями я рухнул в сон. Я мог спать, потому что я ехал домой.

февраль 2004г.

Анестезиолог

На лавку под солнцем садится тухлявая старуха. Она явно очень стара и явно с печатью болезни на лице. И эту свою печать она не скрывает, а наоборот, бережно хранит, чтобы не исчезла. Болезнь делает ее значительнее в собственных глазах и позволяла разговаривать с другими старухами на равных.

- Я тебе рассказывала вчера о своей болезни, - говорит она сидящей рядом старухе, - так ты мне что-то ничего не ответила.

- А что я могу тебе ответить? - говорит та. - Отрицательно отношусь к твоей болезни, продолжай выздоравливать.

- Ты бы хоть доводы привела: как выздоравливать, что надо делать, что не надо.

- О чем разговор? - подходит третья старуха.

- Вот я говорю ей, что надо продолжать выздоравливать, а она недовольна.

- А у меня есть новая болезнь, - говорит третья старуха, - послушайте.

Первые две старухи слушают и чувствуют, что они этой болезнью уже переболели.

- У тебя начало болезни затянуто, а в середине что-то непонятно, - говорит первая.

- Зато кончается -то хорошо, - добавляет вторая.

- А мне не понравилось. Думаю, врачи не вникнут и не отправят в стационар.

Подходит к лавке старик.

- Вот еще один старпень, - оживляются старушки. - Ну-ка, расскажи, чем болеешь?

- А ничем!

- Так уж и ничем?

- Завязал болеть. Надоело.

- А глаза-то налил. Ведь вредно, поди.

- А у меня всегда в глазах налито.

- Намедни, - заявляет одна старуха, - не успела прикончить одну болезнь, как другая привязалась.

- Расскажи, - просят остальные.

Старуха живописует, при этом старик хлопает себя по колену, говорит: "Ай, хорошо!" Потом говорит так:

- Выздоровливать лучше всего именно с такой температурой.

Разгорается дискуссия.

- Здесь есть немножко от моей болезни, слава Богу, что мало, всего на три копейки, но конец болезни мне не ясен.

- А чем не ясен? Нормальный конец, главное не пропустить ни одного признака.

- А я, как болеющая, жажду новых медицинских открытий. Но я хочу и могу сопереживать, поэтому продолжай болеть и держи в курсе.

- А я думаю, что описывая свою болезнь, не следует точно называть больные органы. Надо как-то обобщенно или даже совсем изменить, чтобы создать общность, единение организма...

- Как для простудного процесса здесь нормально. Но для настоящего заболевания симптомов недостаточно. Надо еще поболеть, понаблюдать...

Обсуждение заканчивается. Болезни дают о себе знать. Тут мимо проходит седой старик с бородой. Видно, что его болезням вряд ли кто составит конкуренцию. Он понимающе смотрит на компанию и тихо говорит:

- А где Марфа? Давно ее не видал.

- Больше не болеет. Умерла Марфа.

- Вот! Потому что не приходила она давно сюда, не обсуждала свои болезни.

- Да, закономерный конец.

- Прописал бы я вам анальгину, пока он не исчез, но тебе, - говорит он третьей старухе, - это не поможет, пока другие будут смаковать твои симптомы. И нет неожиданных синдромов в старых болезнях. Смени лавку - и ты познаешь много нового.

Анестезиолог-2

Евдокия сидела на скамейке в окружении знакомой группировки. Старушки.

- Евдокия, послушай...

- Нет, ты меня послушай, что я тебе скажу. Вот давеча...

- Давеча, - перебила ее другая, - не считается, если мы говорим про сегодняшний день!

- Так вот, давеча мне выписали рецепты, ты посмотри, Евдокия, тут целая подборка! Ведь ты этим интересуешься. Ты только посмотри! Помнишь, я тебе рассказывала про мою болезнь? Так вот, я по этим рецептам и вылечилась. А еще я принесла тебе подборку рецептов моей подружки старинной, которая живет в другом городе. В Воронеже. Тут целая пачка.

- Да зачем они мне? Ты их раздай сейчас всем, почитают, потом обсудим вместе. Если кому не хватит, то могу отксерить.

- Вот это хорошо.

Потянулись руки, зашелестели бумажки. Евдокия внимательно следила за происходящим.

- Сегодня у нас что? Сегодня кто не пришел? Живы ли? Оправились ли от предыдущего? Может, устроим сборную солянку? Каждый расскажет, что нового к сегодняшнему дню заболело. Давай, пори, Манька.

Баба Маня начала рассказывать о новых ощущениях, но все уже поняли, что это перепевы старого.

- У тебя стандартный набор признаков, - Евдокия со скучным видом помахала платочком. - Ты как бы играешь все одними и теми же кубиками. Какой-то конструктор. В детство впадаешь. Так и запишем - детский конструктивизм.

Начался галдеж.

- Клиникой попахивает.

- Ну, это же ее анамнез. Куда от него денешься?

- Это с утра набор элементов в организме такой, а в другой день будет все иначе.

- Нет, это неизлечимо... Конец близок.

- Какой конец? Да она всех нас переживет.

- Ей нужен вот такой рецепт. Передайте ей.

Обсуждение было долгим. Как всегда. Неожиданно прорезался голос бабы Анфисы, досель в обсуждении почти не участвовавшей. Она ревностно относилась к другим, с трудом терпела чужую старость, ненавидела все чужое и старое, хотя сама была едва ли не самой ветхой.

- Ты, Евдокия, сильно устаешь. Тебе бы надо отдохнуть. Освободить бы тебя от наших посиделок.

- А ведь верно, замучалась совсем. И так ведь все про каждого знает. Лучше участкового.

- Лучше обоих участковых.

Ежась, все стали собираться, затем засемили прочь.

Анфиса подошла к Евдокии и сказала так, чтобы никто не слышал:

- Ты завтра приходи ко мне обязательно. Я тебе что-то покажу и расскажу.

- Ладно, - Евдокия с готовностью согласилась.

Едва она осталась одна, как подошла баба Маня.

- Евдокия, не слушай ты эту Анфису, брось ее, и всех остальных. На что они тебе сдались. Это же все старье несусветное. Подумай о себе, в конце концов. Ты вот приходи завтра ко мне обязательно. Я тебе покажу рецепты, каких ты еще не видела. А про остальных забудь.

Следующей подошла старушка, ранее раздававшая рецепты.

- Евдокия, мы с тобой в чем-то очень похожи. Мне кажется, только мы с тобой можем понять друг друга. У нас одна судьба,

одна болезнь. Не слушай никого. Подумай сама о своих болезнях. Ведь надо что-то делать. Нельзя запускать. Вот об этом мы и поговорим, если завтра мы с тобой встретимся. Приходи ко мне. Прямо с утра. Проговорим до вечера, и не заметишь.

Евдокия посмотрела вокруг. Она высматривала, кто еще хочет подойти.

- Обязательно, - только и сказала.

Навстречу шел старик с бородой.

- Здравствуй, Евдокия!

- Здравствуй.

- Что еле ноги волочишь? Устала, что ли?

- Не то слово, пойду отдыхать. Сам-то как?

- У меня все в порядке. Болезнь - это то, что заболело. А болезненный абсцесс - это те обстоятельства, которые ее окружают. Болезнь - это худшие ощущения в худших случаях. Но болезнь и старость неотделимы. Они более настоящие, чем сама жизнь. Счастливо!

Евдокия улыбнулась. И все увидели, что рот ее был беззубым.

Праздник

Я позвонил коротко, как бы нажав на кнопку калькулятора: звук не последовал, но темный глазок изнутри засветился. Замок щелкнул, дверь отворилась. Первой вошла моя тень.

- А, заходи, - сказала жена моего одноклассника, одноклассника, даже односельника, если не сказать больше. Он меня пригласил отметить встречу Нового года.

- Здравствуй, Саша, - сказал одноклассник Боря. - С наступившим.

- Да что там, обыкновенная жизнь, обыкновенный праздник.

Снимая шубу, заглядываю в комнату. Поздравляю с Новым годом. Поздравляю классически, без наворотов.

- О, Саша!...

Поставив на стол полбутылки водки, оставшейся после вчерашнего, я уселся около жены одного из гостей. Муж - Петр, жена - Люся. Люся кивнув мне, сказала, что я пришел к шапочному разбору.

Я знаю, что в бутылке из-под шампанского с затертой этикеткой, которая стоит сейчас на столе, слиты очень давнишние недопитки от предыдущих застолий, которые в этом доме бывают не чаще раза в год. Помню, как в прошлом году, я ее открывал, разматывая проволочный камуфляж и долго выкручивая присосавшуюся к бутылке пробку. В бутылке выдохшееся вино образовало торричеллеву пустоту, вакуум. Предчувствую, что если придется пить пеструю разбавленную смесь разных алкогольных напитков цвета спитого чая, то этот Новый год запомнится. Добрые надежды обманывают чаще, чем худые предчувствия.

Со словами: «Выпей шампанского!» - мне налили фужер. Петр, открыв полбутылки водки, которые я принес, ухитрился ее опрокинуть на свои брюки. В бутылке осталось уже треть половины. Со словами: «Штрафная, штрафная!» - остатки этой трети Петр налил мне в фужер, а оставшиеся капли - в свой наперсток. Потом встал и ушел в другую комнату, избегая развязки. Все женщины, а их три, сдвинули все блюда ко мне, и наклонили тарелки почти перпендикулярно. Они стали угощать меня так стремительно, что это напомнило сброс остатков... Так оказался в тарелке салат со сметаной, превратившейся в творог. Со словами: «Закусывай, закусьвай!» - положили склизких огурцов с еще более склизким репчатым луком.

Я огляделся. В углу комнаты стояло пианино, наполовину скрытое елкой.

На большом блюде там лежала истерзанная курица, целыми в ней были только крылья с коричневой корочкой с пупырышками.

- Загнанных куриц пристреливают, не правда ли? - говорю я, придерживая локтем качающийся стол.

Вошел Петр в спортивных штанах, которые у него были заранее надеты под брюками. Войдя, включил телевизор.

Джентльмен - тот, кто, сняв брюки, сохранил приличный вид, оставаясь в тренировочном костюме.

Я сказал тост о том, чтобы прежнее счастье оставалось и в будущем.

Все смотрели на меня, пока я в одиночестве отхлебывал нечто штрафное из фужера. Остальные из осторожности ничего

не ели и не пили. Для видимости я тыкал вилкой в тарелку. Страшно было, что начнут накладывать еще.

Стул подо мной скрипел и качался все время. Мне говорили, что все хотели бы, чтобы вместо меня пришла моя жена, чтобы послушать ее песни под гитару.

Борис принес гитару и начал петь сам. Как всегда первой и единственной похвалила его жена. Потом передали гитару Петру, чтобы тот спел Высоцкого. А он мне: «Спой, Саша, спой». Меня, как всегда, спасла одна фраза: «На гитаре я играю один раз, и этот раз уже БЫЛ». Гитару поставили обратно в угол.

Тут все посмотрели на жену Петра Люсю. Она не заставила смотреть дважды, надела очки, достала из сумки толстые папки сборников песен. Хотела сесть за пианино, но правая половина клавиатуры была загорожена колючей елкой. Хозяева передвинули ведро, в котором стоит елка, но дальше не дал двинуть шнур гирлянды. Все: «Может, достаточно?». Но в таком случае можно было играть только на басах, и в правый бок кололи ветки. Петр отогнул ветки и удерживал их. Люся ударяла по клавишам, обнаруживая, что пианино издает только диезы и бемоли. Кто-то предложил: «Может, пианино отодвинуть?». Жена Бориса принесла веревку, и мы завязали елку.

Это была уже четвертая веревка в комнате. Другими тремя оказались привязаны: дверь, чтобы не закрывалась, штора, чтобы не опускалась, накидка на телевизоре, чтобы не свалилась. Все сели позади пианистки, устремив взоры в тексты. Начали петь песню: «Мне сверху видно все, ты так и знай!». Борис не пел и уходил в свою комнату готовить слайды. Его жена листала сборник песен и, обращая ко мне, говорила, что надо переписать слова песни «Журавли». Люся пыталась строго по нотам сыграть сольный проигрыш, но ей не нравилось, что пианино выдает элементы спонтанного авангардизма.

Я пошел смотреть, как Борис перебирает слайды. На батарее сохли его брюки. На тумбочке - магнитофон, как бы говоривший - «ровесник, вызывающий отвращение к музыке». Впрочем, пианино тоже создало отвращение у женщин, и они сели смотреть журнал «Бурда». Точнее, раздел о макияже, но он не вызывал у меня интереса, что и обозначил термином «штукатурка».

Однако разговор о красоте поддержала жена Бориса.

- Вот на пианино - вы заметили? - стоит букетик в премиленькой вазочке. Ведь он сделан из травы и стеблей чертополоха, они были опущены в рассол и вот теперь блестящий вид от кристаллов соли.

- Хорошо к пиву, - сказал я.

- Когда воблы нет, - добавили другие и засмеялись.

Появился Петр в высушенных брюках и попросил прощения за подтяжки. К шторе пятой веревкой привязали простыню и Борис начал показ слайдов - это отчеты о его путешествиях на Гавайские острова, на Домбай, в Прилуки, в Вышний Волочок.

Цветные слайды вызвали оживленное обсуждение. Изумительны изумрудные склоны гор, аквамариновые небо и море, крапак курток и охра изб на фоне снега, контраст монастырей и девушек в бикини... Это был другой мир, на который все смотрели с ленивым интересом.

Неожиданно показ прервался морганием лампочки и треском в розетке.

В вынужденную паузу унесли посуду со стола, чтобы освободить место под чай. Унесли и мою недопитую водку, и мой недопитый фужер с «гремучей смесью». Я знал, что на кухне их сольют в старую бутылку. Ее закроют пробкой и замотают проволокой. Я под видом помощи быстро унес свою опасную недоеденную тарелку. Не знаю, как с ней поступили на кухне, может, еще рассортировали.

В чашку с изображением океанского шторма налили слабый чай, и мне единственному подали оставшийся от прежних застолий кусок пирога. Избытком сахара я компенсировал вкус прокисшего молока в пироге.

Праздничное застолье перешло в новую фазу: загадывание загадок. Борис сказал:

- Восемь ног, два крыла, три головы, два хвоста. Что это такое?

- Драка, - отозвался я.

- Неправильно.

- Тогда дракон.

- Тоже неправильно.

- Ну-у... не знаю.

Все задумались, но на границе общего нетерпения он дал отгадку:

- Это человек сидит на лошади с курицей в руках.

Я сразу вспомнил курицу на тарелке и тут же загадал свою загадку:

- Джентльмен ли тот, кто загадывает леди загадку, на которую та не знает отгадки?

Все и в самом деле подумали, что это загадка, но я первый подсказал, что ответа нет.

- Ну, хорошо, вот серьезная загадка. Два копыта, два рога, посередине хвостик.

- Козел.

- Нет.

- Вот черт!

- Правильно.

Загадал Петр: есть восемьдесят одна монета. Одна из них фальшивая. Как с помощью четырех взвешиваний найти фальшивую? Никто не смог догадаться, но и Петр, томя ожиданием, молчал. Тут положение спас Борис. Он вспомнил новую загадку:

- Джон и Мери собираются ложиться спать. Джон идет закрывать входную дверь и слышит в спальне звон разбитого стекла, грохот. Он прибегает и видит открытое окно, а Мери лежит на полу на последнем издыхании в луже воды. Вопрос: что произошло? Допускается задавать десять наводящих вопросов, на которые можно отвечать «да» или «нет».

Женщины спрашивали, я считал вопросы. После восьми вопросов грянул крах. Наконец меня осенило:

- Мери - женщина?

На это следует: нет. И тут все догадались, что Мери - рыбка.

- Или русалка, - добавил я.

Все обрадовались и я тоже.

Праздник продолжался. Это не было скучным. Это было уже интересным. Какой-то сломанный мир, существующий вопреки логике, вопреки законам. Или здесь действуют только психологические законы? Это загадка - почему еще существует сломанный мир? Потому что в нем спрятаны поддерживающие связи, веревочки, разглядев которые, я смогу найти отгадку.

Я пошел на кухню. Бутылка стояла еще на подоконнике. Тут неожиданно заработал давно включенный телевизор. Я взял веревку, привязал за горлышко бутылку и подвесил под самый потолок к плафону. Выйдя в комнату, спросил:

- Предлагаю сыграть в игру "Тепло-холодно". Надо на кухне найти бутылку.

Петр вскочил и крикнул:

- Я первый, - и пошел на кухню.

- Тепло, тепло, горячо... - обронил я, предвкушая, что игра может быть длинной.

Письмо

Пишу файл в два города одновременно, поэтому называю всех вас - мои дорогие! Давно я не писал, думал, что освобожусь от разных забот, потом и напишу. Но от них не освободиться. Жена с сыном уехали под Харовск на отдых. Дочь больше месяца уже в Академгородке, пора бы и возвращаться. Сейчас мы живем втроем: бабушка, средний сын и я. Мы второе лето так проводим: природа нас перестала интересовать. Но если в прошлый раз это было плодотворно - много сидели в Интернете, работали, то на этот раз бестолково. Главной моей заботой и тревогой в этом году оказался средний сын. Год у него действительно был напряженный, кроме школы он ходил на подготовительные курсы, потом сдавал экзамены в ГАИ на права (успешно), потом выпускные. Сразу после выпускного подхватил вирус, два дня поболел - он со всеми простудными болезнями всегда справлялся за два дня - и все вроде бы прошло, было только слабое недомогание, которое не помешало ему даже искупаться в речке на даче. А потом у него появились слабость, вялость, он начал кашлять с задыханиями, мы даже «скорую помощь» вызывали. Врачи, не слыша кашля, посчитали, что он здоров, отлежится. Но в один день стало невыносимо, мы забили тревогу, в общем, через три дня его положили в больницу без всякого диагноза, но было понятно, что это осложнение после ОРВИ. Подозрение на пневмонию. Самое страшное - это было видеть его приступы, когда он кашлял, возникал спазм горла, и он не мог вдохнуть, чтобы кашлянуть еще раз, он напрягал диафрагму, чтобы хоть сколько-

то заглотнуть воздуха, от этого у него начиналась рвота, он десятки секунд ничего не мог сделать, и никто не мог сделать. Когда это было на моих глазах, то единственное, что я ждал, вот если сейчас упадет, буду делать искусственное дыхание. То же у него было в больнице, но я надеялся, что там персонал, но он таков, что его как бы нет, его не видно по полезной деятельности. Позднее сын сказал, что он, будучи в полном сознании, испытал: вот она, смерть, пришла - она тут, рядом, еще секунду и... Так было до шести раз в сутки. В те дни я очень волновался, ходил к нему утром и вечером.

Вдруг он попросил принести ему учебник, а я его даже не понял. Его же до панического состояния тревожило, что он не успеет выписаться до вступительных экзаменов. Когда стало заметно улучшение состояния, он спрогнозировал дату выписки за два дня до первого экзамена и выдержал ее. Окончательный диагноз ему поставили такой - "риноларингобронхит с ларингоспазмами".

Математику и физику сдал одинаково - по 3,5 балла. Мог бы 4 получить, если б не сделал одинаковые ошибки, между выкладками опустил комментарий, сократил ходы, и, несмотря на правильные ответы, задачи засчитали нерешенными. На апелляциях доказать обратное не удалось. Задача приемных комиссий - отсеять максимум, чтоб было легче работать. Технология приемной комиссии доведена до автоматизма, как машина, состоящая из винтиков, вмешаться в ее работу невозможно, если даже договориться со всеми винтиками, то изменить ничего не удастся. Вот эта приемная машина - гордость ректора, некому взятку дать, не с кем договориться. К детям работников института дополнительная подозрительность - нет ли попыток вмешательства и воздействия? У меня были такие попытки на всех уровнях, но потом я увидел, что лучше гусей не дразнить. Вообще-то это правильно, в существующих условиях комиссии должны быть такими, члены приемных комиссий - винтики, а абитуриенты - быдло, так все они себя и друг друга и ощущают. Так вот, третий - сочинение - у сына был незачет. На дневное очное обучение он уже не мог поступить. Тут у меня есть друзья, которые очень близко переживали все беды с сыном, да они и по мне видели, что все непросто, а тут еще осложнения. Мы решили, что он будет поступать на

заочное, сдаст русский язык, а потом перейдет на платное дневное. С оплатой договорились безналом взаимозачетом, какие-то долги института за тепло, в общем, по пословице, не имей сто рублей... а после первого семестра он перейдет на бюджетное дневное отделение, потому что места обычно освобождаются. Вот такие планы сейчас, главное - написать русский. Я нанял репетитора по русскому, надеюсь, что обучит, как писать надо, где запятые ставить. Сын же не знает, зачем запятые существуют. Вот на сегодняшний день такая ситуация. Вот почему я долго не писал. Август 2000

Президент

Паша не хотел идти в армию. Молодость наградила его странным, но свойственным ей сладким желанием работать. Он хотел быть директором собственного и непременно развивающегося предприятия. Давать команды подчиненным на ковре, несомненно, было более разумным занятием, чем подчиняться другим командам, на плацу.

К тому времени, как он зарегистрировал предприятие, ему удалось стать студентом-первокурсником института. Однако неприятие армии вкупе с желанием разбогатеть, заставило его быть директором и студентом одновременно. Вскоре он понял, что это несовместимо. Все-таки чековая книжка занимала в голове больше времени и места, чем зачетная. Паша взял академический отпуск, что позволило ему целый год пробыть в спокойствии. За это время он сумел создать дочернее предприятие.

Но год прошел. Военкомат замаячил на горизонте листками повесток. Он восстановил старые связи, знакомства, нашел рычаги влияния на декана, и ему второй раз подряд, учитывая внезапную астму, дали возможность получить академку. Вопреки всем правилам и законам.

И следующий год он прожил спокойно, подразумевая под этим, что ни разу не вспомнил об армии. Предприятие развивалось, были сотрудники, офис, склады, реклама, транспорт, бухгалтер, налоги, сигнализация, охрана, наличка. Список уже полный, но его еще можно было продолжать.

Он не хотел идти в армию, потому что она лишала его должности генерального директора, к которой он не столько привык, сколько ощущал приятное - в отличие от армии - чувство ответственности.

И вот прошел еще один год, и кончилась академка. Паша почувствовал, что его рычаги воздействия сменились, стали другими - длиннее и сильнее. Через знакомых он вышел на медицину. Один врач за мебельный гарнитур устроил ему «белый билет» еще на год.

Паша теперь уже знал, что и этот пройдет быстро. А до 28 лет еще ой как долго. Он решил жениться. Невеста, да не простая, а настоящая топ-модель, нашлась быстро. Он надеялся на двойню. Жена родила, но, к несчастью, только одного ребенка - девочку. Паша задумался. Он понял, что теперь ему надо стать депутатом.

Предвыборная кампания проводилась под руководством психоаналитика и специалиста по паблик рилейшнз. Предприятие приобрело газету. В ней все было бесплатно - и реклама, и объявления и сама газета.

На выборах Пашина группа поддержки констатировала победу своего кандидата. Он стал депутатом областной Думы.

К сожалению, срок полномочий Думы опять заканчивался через год. Паша понял, что ему предстоит еще более трудное испытание. Он пошел на штурм Госдумы. Свое предприятие он включил в состав учредителей нового банка, собиравшегося крутить бабки вокруг газопровода.

Рычаги стали еще длиннее. Приближалась осень, а с ней вставала в полный рост шинель или ее призрак, что для Паши было одним и тем же.

Паша выдвинул себя. За этой короткой фразой стояла индустрия раскрутки кандидата. Все закончилось победой молодого претендента, и он получил кабинет, квартиру в Москве, машину, помощников, "Моторолу". (Список уже полный, но его еще можно продолжать).

Армию он не забывал. Паша предложил в порядке законодательной инициативы законопроект об уменьшении предельного возраста призыва в армию с 28 лет до 25. К этой черте он был уже близок. Проект был зарублен коммунистами. Паша задумался в очередной раз. Теперь он пошел на штурм

политической партии. Он ей дал название "альтернативно-плюралистическая партия". Сокращенно «АППАРТ». Как ни странно, партия не потребовала жертв. Спонсоры и деньги потекли сами. Газеты тоже пришли сами. И, главное, люди пошли сами. Им нравился пацифизм партийного вождя.

Волна подкинула Пашу над стихией политики, придав ему статус кандидата в президенты. Тут он уже не мог и не хотел сопротивляться. Его поведение было противоречивым и непредсказуемым, что говорило о глубоком подсознательном страхе перед армией, но об этом страхе никто не знал. Комментаторы такое поведение объясняли прирожденным талантом, политической гениальностью. Интервью, которое он давал западным корреспондентам, содержало в себе убежденность миротворца, соглашавшегося с любой идеологией, лишь бы она не требовала применения армии. Он клеймил американскую военщину за ее агрессивное миротворчество и одновременно обещал после своего избрания отдать ей, этой военщине, все ракеты. «Друзьям не жалко!»

Его выбрали президентом, хотя он был еще в том возрасте, когда должен был бегать кросс в противогазе или чистить по ночам картошку в армейской столовой, или болеть в санчасти, или сидеть на губе. Список уже полный, но его можно продолжать.

Его избрали в президенты. Больше всего это событие потрясло его самого. Вместо радости постигло щемящее чувство страха от свершившегося. «Зачем они меня избрали? Зачем они это сделали? Знали бы они, чего я больше всего боюсь... Как они не смогли разглядеть во мне труса?» - шептал он, зажав голову руками.

Став президентом, он не забыл про свой законопроект. Паша издал указ об увеличении призывного возраста. До 33 лет. Это был риск. Даже для него. Но сам он был спокоен, ведь армия, вернее страх перед ней, двигатель успеха, а значит - прогресса.

Он встал на лыжи и направил их к Олимпу, но не для медалей. Он решил стать президентом Международного Олимпийского комитета. Пасьянс, на который он загадал такое желание, сошелся и предрек через два года переезд в штаб-квартиру МОК, куда никогда никакие повестки уже не приходят.

Аллегория

В Вологде проходил фестиваль под названием "Новое кино России". Под закрытие показывали фильм "Возвращение". Сцена была украшена шарами и цветами. Играл духовой оркестр городского Дворца культуры, кстати, хорошо играл, преимущественно американскую музыку. Администрация дарила режиссерам и артистам подарки и цветы, были выступления и т.д., все длилось полтора часа. А только потом кино.

На фильм "Возвращение" приходишь с готовой установкой, что этот фильм хороший: он получил главный приз, даже два, престижного кинофестиваля. Такая установка не мешает восприятию, однако, ценнее те случаи, когда до этого приходишь сам, а потом вдруг оказывается, что хорошая собственная зрительская оценка подтверждается и победой фильма на кинофестивале. Но это к делу не относится. Этот абзац для разгона мысли... И вот она разгоняется.

В фильме показаны три протагониста - отец и два его сына-подростка, с которыми отец не виделся с их младенческого возраста. Они отправляются в таинственное неизведанное путешествие. Таинственное как для детей, так и для зрителей. Режиссер постоянно показывает происходящее глазами младшего сына. Отец немногословен, суров, даже слишком. Вырвавшиеся из-под опеки матери и бабушки, братья испытывают нечто похожее на почитание отца, но больше сопротивление его непомерным, непосильным для них требованиям, иногда доходящим до рукоприкладства, разбитого носа, слез и... ненависти к отцу.

Он жесток, но справедлив, он добр, но справедлив. У него непререкаемый авторитет взрослого для старшего сына и ощущение постоянного сопротивления со стороны младшего. В фильме идет непрерывный показ становления характеров. О чем фильм? О том, как мальчики становятся мужчинами, приобретая волю, характер, силу, терпение и прочие атрибуты, необходимые для жизни в суровой действительности. Но именно так жизнь и учит. Именно так человек, выходящий в жизнь, получает синяки, набивает шишки.

Отец очень странный. Он не умеет улыбаться, он разговаривает только в повелительном наклонении. В нем есть тайна и о ней можно только догадываться, откуда он. Из зоны? Из плена? Из разведки? Из милиции? Из коммерсантов? Ясно только, что не из журналистов, не из телеведущих.

Троица отправляется в путешествие, о цели которого знает только отец. Но зритель оказывается свидетелем того, что они едут долго по полям, по лесам, нынче здесь, завтра там, потом по воде, добираются до острова, там, в заброшенном доме, под полом закопан в яме ящик, а в нем спрятан сундучок. Что в сундучке? Богатство? Никто не знает! Линия русской народной сказки - "найди то, не знаю чего". Только отец знает, что в нем.

Отец ломает характеры детей. Старший Андрей, бывший вначале смелым, независимым, становится при отце покладистым, ведомым и подчиненным даже младшему брату. Младший, Иван, бывший в начале трусом, при отце стал ершистым, гордым, независимым, самостоятельным лидером, который не потерпит второго медведя в своей берлоге. После смерти отца Андрей вновь стал ведущим, а Иван сопливым - не стало объекта ненависти.

Отец же только в конце был вынужден считаться с детьми, как с личностями, и в этом его убедили своим яростным сопротивлением его же дети. Сцена, где отец бежит за Иваном (он заставил его!), одна из сильнейших в фильме. Здесь видно, что не отец руководит событиями, а Иван. Но мы не увидим и не узнаем, как он, отец, изменится. Тайна и фабула фильма этого не позволяет. «Бог» умер! Иван в конце погони забрался на вышку, а отец, догоняя его, сорвался с нее и разбился.

Отец. Отчизна. Именно так Отчизна, Родина, Россия обращается со своими людьми жестко, жестоко, мордой об стену, до крови, пощечинами, силой, законами, правилами, установлениями, директивами, бюрократией, государственной властью. У Отчизны в недрах спрятаны богатства, но Отчизна не дает их своим детям, не дает знать о них и видеть их. Так она и пропадает вместе с ними, обрекая детей своих на страдания и невзгоды. Кто подлаживается под силу государства (Андрей) и доволен услужить власти, тот сыт, кто сопротивляется (Иван), вынужден бежать. Или обречен копаться в «недрах в поисках

червей и добывать себе пропитание, ловя рыбу на полузатонувших полустлевших баржах. Иван делал и то, и другое. И копался в червях, и рыбачил, и бежал.

Понял ли Путин государственную аллегория фильма, вызывая режиссера Андрея Звягинцева к себе в Кремль? Об этом ли они говорили? Я не знаю.

Операторская работа напоминает то ли полузабытого Антониони, то ли еще каких-то западноевропейских операторов, снимавших известные фильмы. Жестокость же фильма напоминает японский характер, показанный еще в 60-х годах («Голый остров», например). Но фильм русский, что тоже экзотично. Наверное, эти три фактора объясняют победу фильма на кинофестивале. Я, как зритель, конечно же рад, тому что российскую интеллектуальную собственность покупают в мире. Это лучше, чем богатства недр, они нам и самим пригодятся.

В фильме отец выкопал сундучок и спрятал его в лодке. После гибели отца дети долго и тяжело тащили его тело к лодке и долго плыли с ним, а когда доплыли до места, пока разгружались, лодка с телом отплыла от берега, вода просочилась, и все утонуло, и сундучок тоже. Почему бы не сделать хэппи энд? Дети находят и открывают сундучок, а там золото! Ан нет, фильм русский.

В кино меня водили мои знакомые - Татьяна и две Ленки. Потом они захотели выпить по сто грамм водки, и мы нигде не могли найти бар, все было забито народом. Наконец, нашли в драмтеатре. Они выпили 300 гр. водки с бутербродами с ветчиной, а я выпил наперсток кофе, ну такой маленький дали - один глоток! Он совершенно не стоил 30 рублей.

Экстрим

Новогоднюю ночь мы праздновали как все - с вкусной едой, напитками, президентским поздравлением, курантами. Были у нас и гости, они приехали из Москвы.

В два часа ночи мы пошли к центральной елке, там иногда бывает салют. Салют нам был нужен для полноты ощущений.

На центральной площади разместился Луна-парк с каруселями,

аттракционами, "американскими горками" и прочими прибабасами массового ажиотажа веселья. Однажды я видел в морозный день, как на быстрой карусели катался человек, и у него сорвало шапку, он размахивал руками, и не понять было, то ли он просил срочно остановить его, то ли он был в пьяном угаре. Таков новогодний экстрим.

И была там карусель под названием "Летающие Дональды". Один человек спрашивал у меня - это как называется? Я ему говорил просто - утки.

В каждую утку могло сесть два человека, а всего уток двенадцать. Там есть рычаг, с помощью которого пассажир, кружась, может подниматься в высоту. Задумка была хорошая - дать людям впечатление, заряд бодрости, возбудить эмоции, улыбки. Острота еще и в том, что утки-люльки поднимаются медленно, а опускаются рывками, как в воздушную яму, при этом вся конструкция начинает раскачиваться.

В кассе, продающей билеты на все аттракционы, народу не было, потому что люди подают 50 рублей и быстро взамен получают билет, 100 рублей - два билета.

А на самом аттракционе оказалась очередь. Нас было пять человек, и мы купили четыре билета, потому что я отказался. Встали в очередь и, спустя минут двадцать, поняли, что это был рудимент очереди советских времен за колбасой или водкой. Споры, ругань, мат, локти, крики, («куда прешь!?»), «пропустите с трех летним!»).

Один мужчина, уже немолодой, не попав в очередной раз на аттракцион, сует парню, который пропускает, красную книжечку. Тот вертит ее в руках и говорит: «И что? Мест нет, даю», даже не подозревая, что обозвал его уткой - «дак» по-английски. Он, тем временем, как герой Шипки, стоял наверху и отражал натиск турок, поливая их одной фразой: «Куда прете?»

И народ напирал, кавалеры, культурно пригласившие своих девушек покататься на карусели, проявляли всю мощь, дабы протолкнуть спутницу на ступеньки, отчего перила выгибались, а спутницы с яростным выражением на лицах берегли свои сбитые шапки и распутившиеся волосы, чтобы с них не сняли скальп.

Один кавалер обвинял двух молодых женщин, что «они тут не стояли», хотя те пришли раньше его. Я это сам видел!

Перепалка вылилась в трехэтажные матюги в адрес кавалера, при этом его спутница спокойно стояла в его объятиях, делая его руки занятыми и не давая им ходу.

Было три часа ночи. Вокруг стояли деревья, разукрашенные инеем, искрящимся снегом, мигающими разноцветными огнями. То тут, то там раздавались хлопки петард, играла музыка.

Недалеке были красивые хрустальные ледяные горки, сделанные приезжими мастерами из кусков льда. Они очень скользкие, но из-за оттепели горизонтальный участок горки протерся до асфальта и народ, на большой скорости съезжая, испытывал резкое торможение, рвя на себе одежду, ударяясь носом об асфальт, кувыряясь, падая.

Народ рвался получить впечатления. И он их получал, гораздо больше, чем за потраченные 50 рублей. Деньги можно было и не платить. Новогодний экстрим был бесплатным.

На следующий день мне нужно было идти в дежурную аптеку за лекарствами, и я, спустя двенадцать часов, проходил мимо этих каруселей. Все было так же, тот же молодой парень, та же очередь, те же утки, но не было драки, не было толкучки, потому что были дети, дети третьего тысячелетия.

1 января в городе ничего не работало, кроме этих аттракционов и аптеки. В аптеке было два окна, и к обоим длинные, но спокойные очереди. Я, как всегда в соответствии с законом Мэрфи, встал в ту очередь, которая движется медленнее. Так начался 2004 год.

Трещаловское. Партизанен!

(о пользе партизанской романтики)

Т. хоть и знает правила ношения оружия, но идет по городу с автоматом. К нему подходят милиционеры.

— Вы задержаны.

— А вот у меня заявление в милицию, я несу сдавать автомат.

— А почему идете в другую сторону?

— Так я в туалет хочу зайти. Могу доказать, что хочу в туалет... Вот... видите? Уже доказал...

Т. знал, что автомат — одна из принадлежностей партизан.

Зима. Т. выходит на улицу. Перебегает через дорогу перед машиной и с разбегу попадает в сугроб. На мгновение он чувствует себя партизаном, перебегаящим линию фронта. Когда он выберется из сугроба-окопа, то будет оштрафован милиционером. Обидно, думает Т., ничто не надо делать в одиночку, только в коллективе, в отряде. Разведка — удел одиночек. Но ходить в разведку надо с кем-то.

У Т. будут товарищи. И он будет говорить такую речь.

— Друзья! Я вас очень люблю и уважаю. Если бы во время войны мы были в одном партизанском отряде и немцы стали прочесывать лес, я бы сказал: "Уходите, ребята! Я вас прикрою!"

Однажды ночью в бессонице Т. будет лежать и ради шутки и хорошего настроения, а скорее эксперимента, подтверждающего здоровую психику, он выкрикнет в ночную тьму: "Я вас прикрою!"

Утром жена скажет, что это все кошмары. "Я вас прикрыл, чего же боле?" — подумает Т.

Т. выйдет из дома, вскочит в стоящий на остановке автобус и тут же выбежит через другую дверь. Он так сделает, потому что это единственное дело, которое можно сделать на остановке, пока автобус стоит. Это единственная возможность к месту показать, например, проездной билет. Это хороший психофизический тренинг для партизана.

Здесь психология важнее смысла факта, поэтому, скажем, ехать зайцем в ожидании опасного контролера приятнее, более того, необходимее, чем факт прибытия к месту. Партизанская романтика. Засада. Естественно, за такую романтику иногда надо платить.

Два партизана сидят в засаде, один другого спрашивает:

— Как надо правильно говорить - феномен или феномен?
Ударение на каком слогe?

— Спроси у немцев, - отвечает другой.

Есть сотни историй, как партизаны брали "языка", чтобы задавать им разные вопросы. Это гораздо интереснее, чем то, что он, "язык", потом рассказывал. Действие важнее информации, полученной в результате действия. Это и есть романтика. Война осмысленна добываниями "языков". В библиотеках много информации, но она приходит туда сама, ее

не завоевывают, поэтому нет романики. Вот есть ли бибромантики? (Я слышал только о "виброманах", получающих удовольствие от вибраций. Но это другая отдельная тема.)

Интересная книга должна начинаться так.

"Колонна немцев на мотоциклах въехала в лес и группенштурмбанфюрер СС (именно он!) крикнул: "Партизанен!" Ответ из леса принесло эхо: "Хенде хох!".

Юный читатель после знакомства с этой интересной книгой спреем рисует на стенах кинотеатра свастику и эмблему СС. Этим он удовлетворяет свой романтический интерес к запретной экзотике. Это вовсе не баловство.

Константин Заслонов удовлетворял свой интерес к этой же самой романтике тем, что одевался в немецкую форму и ходил в тыл врага. Психологическое ощущение быть своим среди чужих важнее, чем истребление врага. Это настоящая разведка. "Успех нашего дела зависит по крайней мере от того, чего мы не делаем" — один из принципов профессиональных разведчиков. Психология здесь важнее дела.

Что создал Юлиан Семенов? Сериал? Да, но он же инициировал создание абстрактных, абсурдных анекдотов про Штирлица.

Штирлица спросили:

— Какой чин вы бы присвоили Гришке Распутину?

— Группенсексштурмбанфюрер СС.

Так возникают радостные взволнованные лица и светлая душа просит больше света, и тьма скрывается и дремучесть исчезает.

Чапаев и его отряд были по сути партизанами. Чапая и Штирлица роднят смех и анекдоты и любовь народа. На этом Трещалов базирует свои анекдоты, героем которых является.

Анекдоты Арика Трещалова

Петька спрашивает Чапая:

— Василий Иванович, отгадай загадку — красный конь скачет в огонь?

— Мировая революция, Петька.

— А голубой конь скачет в огонь?

— Сексуальная революция, Петька.

— А черный конь скачет в огонь?

— А это, Петька, я — кочерга всех революций.

Персонажи Достоевского говорили бы — Чапаев-с. Про Чубайса — Чубайс-с.

Диалог.

— Чем отличается Чапай от Чубайса?

— У Чапая маузер, у Чубайса — ваучер.

Вернемся к Т. Он только что выпрыгнул из автобуса, стоящего на остановке. Он только что реализовал на деле свое убеждение, что психология важнее дела, факта. И произошла у него идентификация своего баловства, как части чего-то целого. И заслонили и заполонили его крутой лоб сексуальные революции и озабоченности, и тронул он в кармане деньги - есть(!), и засмеялся он свету и облаку, и почти физически ощутил он необъятность, грандиозность своего отечества и всего, что происходило на его просторах. И испытал он необыкновенную полноту ощущений, и захотелось петь: еще никогда он, Т, так хорошо и ясно не видел, не чувствовал, не представлял себе своего места в жизни великой страны, в ее титанической борьбе за будущее. И был он вместе с народом и народ был вместе с ним.

В данном тексте самое ценное - эксперимент. Соединение несоединимого в одно целое. Ведь анекдоты хороши и по отдельности. Но теоретически есть смысл нанизать их на один вертел по принципу темы, все про партизан. А могут быть и другие принципы. Жирный текст торчит отдельно, особняком и не сливается с Т.

А Т. симпатичен, потому что простодушен. Хотя по мне он слишком похож на героя "Тедиумма". Его надо туда вставить со ссылкой либо убрать, чтобы не было плагиата.

Это шутка, конечно. Но намек в ней есть. м в ожидании опасного контролера приятнее, более того, необходимее, чем факт прибытия.

Анекдоты Арика Трещалова-2

Петька спрашивает:

- Василий Иванович! Красный конь скачет в огонь. Что это?
- Мировая революция, Петька.
- А голубой конь скачет в огонь. Что это?
- Сексуальная революция, Петька.
- А черный конь скачет в огонь?
- А это, Петька, я - Чапай - кочерга всех революций.

* * *

Собрал Фурманов всех на политзанятия, видит Петьки нет. А Петька накануне перепил, спал. Чапаев тут подсказывает:

- Чапаев в бурке, а Петька в дурке.

Другой раз наоборот, Петька быстрее протрезвел. Фурманов опять посчитал - не хватает. Петька подсказывает:

- Петька в бурке, Чапаев в дурке.

Фурманов сплюнул:

- До чего ревизионизм дошел! Даже комдив свое лицо потерял.

Записная книжка Арика Трещалова

Улетели листья с тополей.

Зачитали Тополя до дыр,

* * *

В часы печали человека

Черпаю веру в чарах вальса,

В летучей рыночности века

Продам я ваучер Чубайса.

* * *

Халва и сало, день чудесный.

Ты загрустила, друг прелестный?

Так по Бывалову промчись,

На сало в мыслях облизнись.

Дикие ликатесы: деликатесы по диким ценам.

* * *

Раньше были “гарики” Губермана, теперь - “арики” Трещалова. Да и с виду он еврей.

* * *

Худо- бедно, но с удовольствием...

* * *

Что касается пятого пункта, ответить однозначно не могу. В Москве, например, сидя в пивнюшках, то и дело слышал - “ты прибалт?” В глуши никольской, харовской или кирилловской меня то и дело принимали за уроженца, пастух Женя, бывало разговорится и подосиновики дарит. Хотя мне нравится японская техника и японская литература, и хотел бы сам быть японцем. А музыку люблю и знаю английскую. А вот когда выступал в салонах и меня снимали на кино- и фото пленку, все сказали, что на еврея очень похож.

* * *

Синдромы смеха

Гелотология - наука о смехе (гелос - смех, греч.)

Смехофобия - человек боится смеха до смешного

Смехофилия - непрерывно смеется, боится перестать до ужаса

Смехопатология - то же, что сексопатология, только наоборот. Когда надо заняться любовью - душит смех, когда расскажут анекдот - раздевается.

Смехмелье - боли в мышцах брюшного пресса после длительного смеха.

Смехоэротоман - смеется только в постели.

* * *

Утренней гимнастикой полезно заниматься хотя бы потому, что к водным процедурам переходишь не держась за стенки коридора.

Акробатом пера полезно быть хотя бы потому, что можешь вынуть занозу из сердца без усилий, как из пятки.

Воскресные лыжные прогулки полезны хотя бы потому, что отвлекают от разглядывания порножурналов, кроме того, такие прогулки делают вас сексапильней.

Упражнения на кольцах полезны хотя бы потому, что можно оттянуться в полный рост.

Приседания полезны: можно без грохота сесть в кресло на встрече с читателями.

Писатели и поэты! Вы хозяева в своем доме. Возьмите это на заметку!

Помни девиз: "Прочти меня, как я тебя!"

Книги бывают интересные и неинтересные. Неинтересные в библиотеке, а интересные у любовницы.

Додумать: Корбаков, Рыбаков, Рыбопункт, Рыбокор, Робокоп...

Арик Трещалов прогулял два дня, потом пришел в редакцию:

- Я два дня ничего не знал, пока не взял всех за ворот.
- И как?
- Теперь возьму два дня, чтобы узнать, чей ворот.

* * *

У канализационного люка стоит рабочий человек и напряженно ждет. Наконец оттуда вылезает Арик Трещалов и рабочий его спрашивает:

- Ну как, нашли свой кошелек ?
- Нет, но если б вы туда слазили сами, вы бы поняли, что не в деньгах счастье.

* * *

Арик Трещалов писал мало материалов в газету. Его раз и спросили:

- Мало строчек, почему тогда не пишешь стихи? От чего страхуешься?
- От издателей.

* * *

Арик Трещалов дает интервью "Губернским новостям":

- Мы люди темные, живем в медвежьем углу, до нас гуманитарная помощь только с божьей помощью доходит...

- Через епархию?
- Да нет, я про дождь говорю.

* * *

Литсеминар, а Трещалова нигде нет. Некому около литературы побыть.

Потом его спрашивают : где был? А он:

- Работаю над новой книгой, материал собираю.
- А как книга называется?
- "По усам текло, а в рот не попало".
- Фольклор, что-ли?
- Фольклор, только особый. Гомосексуальный.
- А где собираешь материал?
- Это город такой... Секс...кс...кс. Секск.
- Там и улицы есть?
- Ну. Улица Петтинга, проспект Куннилинга, бульвар Лесбиянок, площадь Сексуальной Свободы....
- И эпиграф у книги есть?
- Как же. Любимый афоризм. Бетховен говорил: "Жизнь есть трагедия. Ура." Трещалов говорит: "Вива! Жизнь игрива!"

* * *

Трещалов приходит на дачу после того, как он там пикник сам себе устраивал, чтоб не скучно поливать. Соседка и говорит:

- Что это, Арик, у вас вчера было?

- Ничего, пикник.

- А кто это у вас там кричал, что любовниц много? Что по номерам все. Что пора изучить, одинакового ли вкуса сперма, а также деятельность бартолиновых желез. Изучили?

- Не знаю, - сказал Арик, смутившись, - много народу было. И ушел редиску поливать.

Трещалов любил продолжать традиции великих. Так он продолжил Хармса....

"Однажды Гоголь был маленький и любил баловать со спичками. То портьеры сгорят, то кошка за ними. Говорили ему:

- Брось это дело. До добра не доведет это занятие.

Он так и не бросил. И в конце концов спалил целый том "Мертвых душ"

- Арик, ты нашел свои рукописи?

- Нет...

- А в дипломате? Давай кота. Он сегодня в корытце не был...

Кот прыгнул в открытый дипломат и зашкреб лапами. Бумаги полетели во все стороны.

- Вон она, рукопись!

По ночам Арик Трещалов был не очень скромный - вечно тянул на себя одеяло. Любил в тепле понежиться. А по утрам Арик Трещалов был очень скромный. Никогда не тянул на себя одеяло в виде яичницы.

Арик Трещалов всегда так вдохновенно писал статьи. Пишет - ничего не слышит. Вот после выхода своей очередной колонки в газете к нему звонит читатель:

- Товарищ Трещалов, я тут прочитал вашу новую статью, так у меня родилось много доводов и контрдоводов...

- Ну как можно так сразу обсуждать? Дайте я хоть с материалом ознакомлюсь...

Решил Арик имидж поменять. Кругом все узнают, останавливают, сколько можно. Пошел состриг бороду, усы, стал чистенький с лица, кругленький. С Ариком перестали здороваться, как будто он что плохое сделал. Начнет Арик кого-то по делам искать - не может. И его самого никто не может найти - его никто не видел. Через месяц молодой поэт звонит в дверь, Арик открывает.

- Скажите, Арика Трещалова нет дома? А когда он будет?

Арик надулся и стал бороду отпускать.

Трещалов сидит с ребенком

- Давай песню учить про новый год.

- Давай. А как?

- Я буду петь "сколько на елочке...", а ты подпевай - сколько. Цифрами.

- Давай.

- "Сколько на елочке шариков цветных?"

- Де-есять...

- "Розовых пряников?.."

- Де-е-сять!

- Опять десять... Ну ты пой другое число.

- А ты мне потом споешь "все-го", да? А я считай...-
возмущается сын.

- Папа, что за сумасшедший на этой картинке?

- Джон Леннон, сынок, ты его знаешь.

- Даша, что такое краковяк?
- Это крокодил в виде червяка.

- Илюша, сейчас я тебя свяжу по рукам и ногам и уложу спать!

- А как же я буду чесаться?

У нас в садике заставляют гладить кровати не утюгами, а руками.

Сын Илюша сердится: "Кокс-пердокс". "Пердотка говяжья"
Море жиже речки. Спиртакль.

Спрашивают у Илюши:

- Где Родина?
- Около нас.

Илюша утром просыпается и первое слово, которое говорит:
"Начинается..."

В музыкальной школе Илюша показывает на портрет Баха и говорит: "А что это за тетка в бигудях?"

"Человек с теткой" - такое название картины придумал он.

Эссе о литературе, культуре

Провинция как столица

Несколько лет назад в Вологде проводился круглый стол «Русская провинция в культурном сознании». Идейным вдохновителем ее был профессор Игорь Шайтанов из Москвы, выходец из Вологды. Среди участников стола мне запомнился профессор Майкл Николсон, приехавший из Великобритании.

Он прочитал доклад «Провинциальность как явление английской литературы». Он говорил о провинции, как

представлял ее себе по европейским меркам. Даже будучи уроженцем Ливерпуля, он не смог привести явных провинциальных примеров, поэтому ему пришлось выбрать образцы молодежной культуры в качестве провинциального явления, и он начал доклад с рассказа о провинциальном парне Джоне Ленноне, выпустившего книгу со своими новоязными текстами и уродливыми рисунками еще в далеком 1965 году. Николсон считал, что из всего репертуара Битлз только песня «Пенни Лейн» может быть отнесена явно к провинциальной тематике. Сами же тексты Леннона были литературным авангардом, доселе неизвестным поэтическому истеблишменту Лондона.

Николсон прочитал отрывок из стихотворения Эйдриана Хенри (Adrian Henri): «Ливерпуль, я люблю твои тонны грязи с мозолистыми руками». («Liverpool I love your horny-handed tons of soil».) Особенность стихотворения проявилась в специальной выразительности чтения вслух по-английски, которую Николсон продемонстрировал под аплодисменты присутствующих. Он прочитал также стихотворение Карла Крига в переводе с немецкого, как образчик уже германской провинциальности. Стихотворение называется «Превращение». "Ледерхозе/ останется ледерхозе/ неважно кто в нем/ пруссак/ американец/ или даже баварец/ Ледерхозе/ это фольклор/ неважно кто в нем/ Пруссак становится баварцем/ американец становится баварцем/ баварец становится подозрительным.

Заключительный тезис выступления Майкла Николсона был сформулирован примерно так: «Любой человек может проявить свои чувства и мысли искренне, и в той форме, которая ему по душе, например, в стихах, и это будет явлением культуры. Провинциальность здесь уже ни при чем».

Думаю, что происходящие в провинции творческие процессы имеют гораздо больше энергии, чтобы со временем стать классикой, как это произошло с провинциальным вологодским поэтом из Череповца, Александром Башлачевым, который вышел за рамки андеграундной рок-поэзии и стал классиком:

И труд нелеп, и бестолкова праздность,
И с плеч долой все та же голова,

Когда приходит бешеная ясность,
Насилюя притихшие слова.

Об этом я писал еще давно, и никак не думал, что спустя почти 10 лет получится продолжение. В прошлом году мне довелось побывать в том самом провинциальном городе Ливерпуле. Я увидел широкую реку Мерси, на которой стоял город, а за ней, где-то там на западе был необъятный Атлантический океан. Я увидел растущие во дворах за заборчиком экзотические растения, похожие на пальмы, подпитываемые горячим Гольфстримом, превратившим север Англии в субтропики. Я увидел памятник уходящему в море рыбаку, который оставлял на берегу жену с маленькими детьми. Серые гранитные дома, сохранившие на своих стенах ни разу не смываемую угольную копоть позапрошлоговековой промышленной революции - именно таким выглядело здание мэрии. Старые кварталы окраин с не менее старыми плакатами о продаже домов. Чистые ухоженные улочки, в том числе и Пенни Лейн. Дом, где жил Джон Леннон, для посещения которого, нужно заранее договориться чуть ли не с самой Йоко Оно, нынешней владелицей дома.

И вправду, провинциальный город.

Я вспомнил Майкла Николсона, как он рассказывал мне о том, что в начале 60-х годов он играл в группе (название мне было незнакомо, и я не запомнил его), которая выступала в клубе Ливерпуля в двух шагах от "The Cavern", где в то же самое время выступали Beatles. Позже Николсон предпочел учебу в университете карьере рок-музыканта.

Развивая точку зрения Николсона, можно, наверное сказать, что вообще все творчество Beatles провинциально. Ведь есть еще и Strawberry Fields, невзрачные ворота, засыпанные листьями, и многое другое. Наверное можно было бы так говорить, если б этот термин существовал не только в России, но европейское понимание провинции очень нечетко и расплывчато, и очень далеко от наших гипертрофированных взглядов, считающих провинциальным все, что не гламурно.

Beatles никогда не были гламурными. Даже обложка "Sgt, Pepper's" в то время не казалась таковой, Glam-рок возник позже, вместе с панками.

В Ливерпуле нас встретила гид Женя Ененко, девушка лет 25, родом из Челябинска.

Она достойна отдельного и долгого рассказа, скажу только, что увидев в 13 лет фильм Beatles "Hard Days Night", она стала битломанкой, а потом, после разных длительных приключений, достойных отдельных описаний, попала в Ливерпуль, познакомилась с Полом Маккартни и стала работать гидом в музее Beatles. Познакомилась она с ним, кстати, на концерте, где он читал свои стихи. Я очень удивился этому факту и стал расспрашивать ее. Она ответила, что действительно всего у Маккартни было 3 или 4 поэтических выступления. "Он что, выходит и читает свое стихотворение, например, "Penny Lane"? "Да, - сказала она, - читает, и очень выразительно". "А как он относится к мифу о том, что он не Маккартни?" "С юмором", - ответила Женя. "А что это за реклама pop-festival везде в Ливерпуле"? Она сказала, что каждое лето до конца августа в Ливерпуле проходят рок-концерты, на которых выступают лучшие британские группы, которые считают для себя честью выступить в этом городе. Поэтому сегодня в Ливерпуле происходят музыкальные события, уникальные в своем роде.

Я несколько не удивился, узнав, что ЮНЕСКО назвал Ливерпуль европейской столицей культуры. Подтверждение этому витрина, на

которой золотые пластинки разных групп, внесших вклад в развитие музыки, в первую очередь Битлз. Так и написано - "европейская столица культуры", эту надпись я и сфотографировал.

Я рассказал так подробно о Ливерпуле в связи с тем, что любой провинциальный город может стать уникальным в своем собственном роде, потому что город и его культура создаются людьми, населяющими его, и больше никем. Людьми, творящими в живой и свободной среде. Дирижер Петр Белякин, который бывал во многих странах мира, однажды сказал: «Вологда похожа на Лиссабон». Почему нет? Одни только Шаламовские чтения каждый раз привлекают в Вологду поклонников и исследователей этого писателя из четырех-пяти государств.

Укоренившиеся традиции делают Вологду если не столицей, то одной из таких литературных столиц в России, а их действительно может быть несколько, потому что русская литература многогранна и многолика, я бы даже назвал ее чудом света. Вологда могла бы быть такой общепризнанной столицей, но думаю, что не ближайшем будущем, а с каждым годом шансов становится меньше.

Роман «Рой» Сергея Алексеева

Сибирь всегда считалась чем-то вроде Эльдорадо: сказочная, богатая страна. Такова она даже в современной прозе Астафьева и Распутина. У Алексеева мы видим истерзанную, опустошенную землю, точно много рожавшую женщину. И это не опровержение стойкого привычного образа, скорее вопль – «если даже в Сибири...»

Почему? Почему пахали и жали, пока росло? Потом лес рубили, пока не свели совсем, пока пожар не сгубил. Потом пчел стали водить, пока не выдохли от заразы. Потом снова пахать, из земли болото делать. Может, потому, что в борьбе за существование, в попытках переделать природу и подчинить ее себе люди брали слишком круто, а она им мстила? Ведь перед нами в романе не сезон, не одно гиблое лето, а десятки лет проходят - от столыпинской реформы до наших дней. Результаты все страшнее, знаменитая сибирская земля все мертвее. А, может, дело в тотальном сплошном расслоении: вятичи оторвались, на беду себя обрекли, пчелы отроились – погибли, сыновья отделились – даром жизнь прошла. Может, сила не в дроблении, а в единении, и надо прислушаться к древним инстинктам?

Только это не экологическое исследование, а картины самой жизни. Хозяева худые – верно, выродки?

Люди с фамилией как визг полозьев – Заварзины. Взять сыновей. Иона – классический русский мужик не знающий, куда силу девать и растративший ее зазря. Природно-цельный, он в жизни беспомощен. Сергей – в люди вышел, умница, преподаватель, человек с душой и совестью, но - горе мает. Тимофей один не подвел. Парень честный и горячий, но много

не рассуждал, бросался на Зло в открытую, самый лучший — первый и погиб. И старый Заварзин с кучей малолеток опять остается один, без продолжения, без помощи.

В этом есть свой горький и правдивый смысл. Хоть и старый, а надеяться можно только на него. Неспроста лучшая в Стремянке женщина выбирает не сына, а его, ведь именно он настоящий хозяин этих мест, и за них сердце у него болит. Иначе — зачем смешной патриархальный терем, зачем тысячу сулил за каждого внука!

Впрочем, выродки тоже есть: они мордуют старика у горящего дома, они убивают Тиму с беременной женой, они покрывают убийц, последние соки из земли тянут, прикрываясь богатством и властью. Вообще черные стороны жизни, в частности, городская запутанная жизнь Сергея — это нестерпимый упрек большинству читателей. Сейчас все так живут: в люди вышли, семью, деньги, квартиру — наладили — и хорошо. А что пользы от таких нет — дело пятое. А что без них где-то что-то рухнуло — неважно. Некоторые моменты живо напоминают апокалипсическую вещь Василия Белова «Все впереди» (читай — «ничего впереди нет»). Особенно тогда, когда речь идет о могуществе блата или о неласковых неряшливых женах...

Так где искать и чистоту, и смысл, и правду? Неужели всем гужом ехать в Тимонику или в Стремянку? Может быть. А может, схватиться за голову и отношения с миром пересмотреть.

То, что один из героев — медведь — тоже примета времени. У Алексеева медведь, у Айтматова — волк. Неслучайно и он стрелян не раз, перекалечен, превращен из царя леса в разбойника. Его вынудили... Неслучайно, вскормленная в городской неволе собака, от хозяев убегает — рану извечному врагу, медведюлизывать. Изнасилованная природа корчится и невольно объединяется против человека, пытается найти спасение. Не подсказка ли это?

Что делать с Японией?

(размышления после публикации в «Вологодском подшивнике» повести «Цена лебединого пуха» Владимира Васильева)

Надо что-то делать с Японией, как-то приблизить ее к себе. Греция, Турция, Франция понятны. Может, назвать «Японция»? Как нам привыкнуть, что самураи вспарывают животы себе и другим? Они научились вживлять застежки в брюхо, чтоб без хлопот...

Нужно время, чтобы привыкнуть к японскому языку. Но как быть, если времени нет? А пока мы привыкаем, они уже скрылись. У них в каждой квартире «Сони» и «Панасоник», а у нас – каратэ и ниндзя. Мы можем увидеть ниндзя на самых лучших видеомагнитофонах (потому что они близорукие, все ходят в очках, кроме ниндзя).

Они говорят «забитарсоу» - так произносят «Битлз», без буквы «л». Надо им обратиться к логопеду, тогда их ожидает стресс...

Японец заходит в винный магазин, просит «алиготе». Получив бутылку, говорит «аригато». Первое – сорт вина, второе – спасибо. Третьего не дано. У нас ничего не дано. От сакэ до харакири один шаг. Но его никто не делает. А надо что-то делать с Японией. Или с нами?

У них аппаратура исчерпала ресурсы качества: лучше уже не получается. А у нас еще «есть резервы». Надо нам что-то делать с этим. Начать с того, чтоб читать о них больше. Думать в иероглифах и косить глаза. Носить кимоно и на выглядывающей из-под него ноге вытягивать кверху большой палец.

Васильев-сан знает «Цену лебединого пуха».

А вы себе еще не сделали харакири? Интеллектуальное харакири. Это когда тыпнешь сорокаградусной, окосеешь и на следующий день мучаешься вчерашним спектаклем. Васильев-сан знает, о ч е м пишет. Фаустов-сан знает, о чем читает. Оба любят японское. Как и Джон Леннон из «Битлз», у которого была жена японка Йоко Оно. Вот она всегда знала, что надо делать. Тимофей Дряблый из «Цены лебединого пуха» напоминает Джона Роттена из «Секс пистолз». Или рецидивиста Корявого, на которого в угрозыске есть особые приметы – «совсем корявый». (1991)

«Умница Джек» Юрия Богословского

В рассказе Ю. Богословского сам пес Джек отрицает, что он Шарик. При этом рассказ становится замешанным на булгаковщине, чертовщине, правда, эпитафии настраивают на материалистическую реальность. Английский анекдот. Один говорит – моя собака такая умная, она ходит в киоск и покупает для меня газету. Другой – «подумаешь, а моя собака их сама читает». «Умница Джек» - заголовок для такого джентльменского анекдота.

В рассказе Жора Пищурина «обрадовано кричит, орет в восторге, чертыхается, обзывает товарища дураком, и т.д» и вообще ведет себя как недалекий и не очень культурный тип, инженер, мало напоминающий джентльмена. По материалу рассказ вполне в английском духе. Но написан как приземленная бытовая история для начальников ОТК, закрывающих глаза на качество и пропускающих брак. Для такой истории более подходящим было бы название «Недотепа Жора» или что-то в этом роде.

Его литературные муки творчества вращаются вокруг фраз типа: «вбежала на строительные леса и, кинув в него раствором...». Но очевидно и для менее подготовленных, что эти фразы абсолютно неприемлемы. Таким образом построен конфликт рассказа.

Психология творчества всегда была загадкой. В некоторых рассказах и историях подобные конфликты разрешаются с помощью дьявола («Фауст»). Автор же рассказа «Умница Джек» оглуляет инженера Пищурина, одновременно позволяя ему смелые, не от мира сего, размышления, тем самым придавая рассказу некоторую выпуклость, ограниченность. Такой метод, однако, делает рассказ похожим на многие фильмы о войне, где глупых неуклюжих фашистов любой обведет вокруг пальца, Красная Армия сильна благодаря глупости немцев. Это что же – инопланетянин умен благодаря тому, что землянин глуп? Мы ищем внеземные цивилизации, потому что сами глупы?

Возможно ирония допускает множественность трактовок, как астрофизик И. Шкловский вслед за Н. Кузанским допускает

множественность миров. (В том числе и психическое заболевание инженера Пищурина).

В рассказе есть некое противоречие между материалом, содержанием и формой, методом его изложения. Содержание заманчиво, привлекательно, но для изложения не хватает «умного Джека». В качестве такого может выступить талант. Талант, наделенный природной естественностью, какая есть у разума собак.

В таком контексте рассказ был бы более глубок по смыслу, чем он заявлен по существу и в эпиграфах. Рассказ более интересен с точки зрения необходимости и наличия таланта, чем наличия и возможности внеземных цивилизаций. Для недотепы Жоры талант недосыгаем как внеземная цивилизация.

Рассказ ставит проблему и дает на нее ответ.

Я представляю, как автор искал имя Пищурина... Если бы Джек говорил «Саша», «Витя», то получился бы бурлеск, фарс. «Жуора» - это по-собачьи естественно и даже делает инопланетянина более естественным и достоверным. По-моему, дело скорее в поисках внеземного, чем земного таланта. Недаром в рассказе последние слова о братьях по разуму зачеркнуты, а вместо них стоит «Жуора».

1989

Грустный таксидермист (о Вади Смите)

«Никто ничего не читает. Все читают все». Тезы (не антитезы) не противоречат друг другу, более того, они несут один и тот же смысл. Нет ни одной книги, которую прочитали бы все, нет ни одной книги, которую хоть кто-то бы не прочитал.

Эту книгу мало кто прочитает, не потому, что тираж небольшой. А просто нет такой книги, которую прочитали бы многие. Я пытаюсь определить обстановку, окружающую среду литературной жизни.

Начнем издалека. В средневековой западноевропейской поэзии отношение рыцарей к прекрасной даме, отличавшееся особыми куртуазными манерами, выражалось, кроме прочего, и в песнях. Тексты тех песен остались в истории мировой литературы как поэзия вагантов, трубадуров, миннезингеров.

Рыцарь – это тот, кто намерен добиться. Рыцарство – это намерение, вдохновение. Рыцарство пассионарно, а потому для рыцаря привлекательно продолжением этого состояния. Намерения не бесконечны и когда-то заканчиваются. И если это случается, то происходит катастрофа рыцарства, она очень болезненна, и единственное, что получает рыцарь в память о прошлом, это закалку сердца.

С первых строф в этой книге мы видим и катастрофу, и закалку. Из поэзии миннезингеров можно вспомнить Рейнмара: «Меня, печального, утешить бы не грех. \ Пора моей прекрасной даме \ Моими говорить словами. \ Не ведаю других утех». Или Фридриха Фон Хаузена: «Пришлось расстаться с ней. \ Утрата из утрат! \ Она мне всех милей, \ И жизни я не рад».

Такова историческая подводка, литературная преамбула к стихам Вади Смита. Мне кажется необходимым ее привести, потому что первая авторская строка синонимизирует матюг, и вовсе начинается с маленькой буквы – «раскудрить тебя налево». А дальше боль, любовь, страсть, ненависть, трагедия...

Я не буду касаться художественных достижений (а для тех, кому не понравятся стихи – недостатков.)

Меня больше всего привлекает форма литературных текстов Вади Смита. Она музыкальна, что не означает, что она певуча. Как в течение целого часа можно слушать музыку Перселла, характерную тем, что в ней одна тема повторяется и развивается в различных ее вариациях, так и здесь в стихах видна одна тема и тоже в бесконечных ее вариациях и обработках. Рондо. Стихотворное рондо. Вращение по кругу. Эволюция по спирали. Одна тема. Поливариантное ее выражение. Смит (как удобно набирать это слово на клавиатуре – все буквы рядом и следуют одна за другой) разлагает слова-выражения на составляющие, как пишут слоги слов над нотами – раздельно. Поэтому тексты ритмичны.

Кто присутствовал на музыкальных перформансах Вади Смита, знает, что голос, произносящий тексты, тоже участник действия, выступающий как музыкальный инструмент, способный нести плач и нежность, дикость и страдание, гнев и любовь. Как музыкант, Вади Смит уже больше не мыслит музыки без человеческого голоса. У него голос в том же подчинении *du holde kunst*, что и остальные инструменты. Вади

Смит сам подбирает слова, расчленяет их, сам читает, сам играет и создает материю духа подневольного, у любви подневольного, как у настоящего рыцаря. Вади Смит рыцарь, вот почему он байкер.

Курехин также эксплуатирует одну тему. Вполне допустимо сказать, что по форме они похожи. Но содержательность их музыки различна. Если у Курехина ирония, пародия, стеб, ерничество, переходящие в веселость, то у Смита печаль. Аналогий много, но приведу британского композитора и певца Ника Кейва, тоже рыцаря, как бы пришедшего к нам из кельтского прошлого. Нельзя петь песни печальнее, чем он. Кстати, в своей «Харизме...» я уже сравнивал методы творчества Курехина и нашего вологодского поэта Валерия Архипова. Думаю, что имеющиеся аналогии между Архиповым и Смитом можно объяснить и через Курехина.

Нет, «байкера печального образа» надо слушать и видеть. Словами дальше уже не объяснить. Словами хорошо объяснять слова. Вот к ним и вернемся.

Обратимся к форме психологического выражения стихов Вади Смита. Он пишет: «засушил мозги \ ушел с тоски \ за край своих снов \», «тихо лежу, \ душу стужу, \ тело сушу \ впрок, \ как фараон \ мумии челн \ в дрейф через жизнь \ лег». Речь идет о сохранении памяти о прекрасной даме, о том, как он это делает. То, что описывает Вади Смит не что иное, как создание мумии или чучела, сохранение формы без содержания, и это единственное утешение материализованной памяти. Чучела создают таксидермисты. Вот и стихи, как мумия образа. Я бы сказал - мумия плача, но он сам описывает страдания как процесс гниения: «отмираю издыша \ хриплый посвист нутряной \ свежий ветра пережной». Психологическое состояние подобно ноющему, гнойному, гниющему, противному, ненавистному ощущению. Но что же нам делать, если оно закаляет, добавлю, удобряет сердце. Как удобрение. Пережной. Торфокомпост. Без этого не прожить живому существу. И в память о прошлом останется образ и останется чувство. Которое после перейдет в другие формы.

Таксидермист и торфокомпост. Что между ними общего? Общее между ними – звучание шелканья соловья, который

прилетит весной в зеленеющую дубраву, чтобы возвестить теплым вечером о скором восходе солнца.

Глушитель

Передо мной газета "Красный Север" №43 от 03.03.04. В нем опубликован рассказ Александра Цыганова "Глушитель". У меня уже было написано несколько статей о его творчестве, поэтому я всегда с интересом встречаю его новые публикации, наверное, я когда-нибудь выпущу монографию о его творческом методе.

Преамбула

"Вологодская литература - не фантом, а факт, это любой внимательный читатель скажет". Мне очень приятно это видеть, но надо было бы указать на первоисточник: Сергей Фаустов, "Харизма вологодской литературы", "Свеча", Вологда, 1998г. До меня этот термин не применял никто. N лет назад, когда у меня вышла эта книга, Владимир Бараков, писал: "...понятия "вологодская литература" нет и быть не может", ("Русский Север", от 20.01.98). Но это не помешало ему использовать "Харизму", вернее, ее раздел, посвященный И. Бродскому и Н. Рубцову в своей докторской диссертации. И вот прошли годы и теперь можно видеть на первой странице газеты "Красный Север" не просто открытое и свободное применение этого словосочетания, признаваемое как факт, а более того - рубрику "вологодская проза".

Это я прокомментировал первую фразу.

Теперь вторая фраза преамбулы: "Но ведь школа - это не просто общность местопребывания, это и творческое единство».

Кто бы мне объяснил, что такое творческое единство? Если бы спросили меня об этом, я бы сказал, что это очень плохой признак, характеризующий очень невысокий уровень культуры в обществе. Ведь известно, что только творческое разнообразие, творческие споры, непохожести, да что говорить, это и так каждому понятно, - дает развитие культуры, развитие

художественной мысли, развитие искусства. А "творческое единство" означает подчинение всех кому-то одному. Вертикаль власти над творчеством. В истории известны примеры творческого единства. Например, Дионисий в Феррапонтовом монастыре оставил на фресках надпись о том, что росписи делались "со товарищи". Микеланджело нанимал ремесленников для росписи Сикстинской капеллы. У них было настоящее творческое единство, благодаря которому и возникли чудеса света. А здесь что? Писатели подчиняются одному? А ради чего и кому? Василию Белову? Александру Цыганову? Я не могу даже представить себе, что Михаил Сопин с кем-то, хоть с кем(!), будет находиться в творческом единстве. Кто бы мне показал пример "творческого единства" в русской литературе? Поэтому вторая фраза преамбулы и непонятна по терминологии и, скорее всего, не правильна по сути. Впрочем, все понятно, слово "единство" газета обязана применять чаще других в самых разных контекстах.

Переходим к третьей фразе.

"Есть ли оно у таких разных писателей, как Василий Белов, Александр Яшин, Николай Рубцов, Михаил Сопин, Александр Романов, Дмитрий Ермаков и многие, многие другие?"

Вопрос поставлен верно и на него я уже ответил. Странно, правда, видеть Д. Ермакова рядом с А. Яшиным..., да ладно. При чтении происходит накопление несообразностей.

Далее четвертая фраза.

"Общее у них есть, и это - отношение к жизни; для вологодских писателей она - не игрушка, не предмет умозрительных спекуляций, а возможность построить бытие не по звериным законам, а по Божьим заповедям, которые только и делают человека - Человеком".

Вот теперь стало более определено. О литературе, оказывается, речь не идет. Творческое единство - это отношение к жизни и построение бытия по Божьим заповедям. Ладно, согласимся с этой фразой, однако, публикуемый далее рассказ решительно ей противоречит! Но об этом ниже, а пока последняя фраза преамбулы:

"Об этой возможности всегда - при любых сюжетных перипетиях - помнят и герои Александра Цыганова, и любого писателя, достойно представляющего вологодскую литературу".

После прочтения рассказа приведенная мысль кажется или стебом, или приколом, или очень тонким юмором, или случайно залетевшей первоапрельской шуткой, или издевательством газеты над своими читателями, над здравым смыслом. Я лично склонен к последнему.

Предварительное замечание

Вначале скажу, что я давно изжил в себе стремление критиковать какое-либо произведение как проявление "инстинкта критиканства", у меня никогда нет потребности разругать произведение, я понимаю пишущего человека прежде всего как пишущего для себя. Я уже писал, что сегодня общество сильно изменилось и невозможно писателю, как пушкинскому пророку, "глаголом жечь сердца людей". Каждый писатель прежде всего пишет потому, что глаголом жжет собственное сердце, это его личное дело, его потребность, и влезать с критикой в творчество писателя негоже.

Но в данном случае и дело другое. Газета "Красный Север" с настойчивостью, достойной лучшего применения, в течение многих лет представляет А. Цыганова как самого замечательного продолжателя традиций вологодской литературы, современного классика Вологды, единственного и т.д. А это уже подаваемая сверх меры дезинформация, сокрытие настоящей современной литературы, литературного процесса в Вологде. Но первый толчок к написанию этой статьи дала, конечно же, преамбула публикации. На главной странице сайта в Интернете газеты "Красный Север", где размещен этот рассказ, преамбула составляет одно целое с рассказом, под которым стоит его подпись, из чего следует делать вывод, что и преамбула написана им же, Александром Цыгановым. Но гораздо хуже, если она написана редакцией.

Итак, наконец-то переходим к рассказу.

Мне интересно было читать, потому что в "Харизме" у меня уже был опубликован отзыв на рассказ А. Цыганова под названием "Русак", опубликованный в 1997 году. Интересно проследить, как изменилось и развилось творчество писателя. Как и ожидал, никакого процесса в его творчестве нет, сохранение традиций превратило его в музейного работника, архивариуса литературы, принципиально не допускающего ни нового, ни развития, ни эволюции, а только статус неподвижности, стагнация, замороженность.

Начнем с синопсиса повествования.

Синопсис

Русанов с женой и приятелем на его старом "жигуленке-колымаге" без глушителя едут в лес за грибами. На обратной дороге они видят инцидент, связанный с тем, что двое "не атлетических" молодых человека вытаскивают из машины голое по пояс тело другого молодого человека и относят за обочину в кусты.

Грибники проехали мимо, но потом развернулись и остановились у места происшествия, где уже никого не было. Русанов с приятелем, кстати, медиком по профессии, нашли в кустах тело, которое показывало признаки жизни, но они решили думать так, что тот человек пьян и пусть проспится, а потом сам до города доберется.

Приехав в город, супруги Русановы увидели спящего сына в наушниках, который запросил есть. Отец пошел за продуктами и рассказал знакомому "Вите-Машине времени" о случившемся. Тот посоветовал из телефона-автомата все-таки позвонить анонимно в милицию и сообщить о происшествии, что Русанов и сделал. После этого они сели неподалеку выпить пива и увидели, как приехал оперотряд «Барс» и стал искать звонившего. Русанов с Витей быстро разошлись в разные стороны, а Русанов даже побежал бегом домой "к своим, к своим".

Подобие

Сюжет обыкновенный, в нем нет ничего особенного. Но если вспомнить рассказ "Русаков", то окажется, что оба этих рассказа очень схожи, подобны, конгруэнтны.

В обоих рассказах главный герой носит однокоренную со словом русский фамилию – Русаков там, Русанов здесь.

В обоих рассказах в самом начале герой выезжает или на стареньком "Запорожце" или на старом "Жигуленке-колымаге" без глушителя.

В обоих рассказах герой попадает в криминальный переплет.

В обоих рассказах герой в нравственном замешательстве от происшедшего, в страхе перед властями, перед милицией, перед необходимостью принимать самостоятельное решение, независимое от других. Его запуганность принимает совершенно уродливые формы.

И в обоих рассказах финал одинаков - Русаков(нов) бежит домой с одной спасительной мыслью: "К своим, к своим..."

В обоих рассказах он мается в поисках тихого и спокойного решения выхода из казалось бы ясной и понятной ситуации, в которой он совершенно потерялся, растерялся из-за своих собственных фобий. В обоих рассказах, по сути, герой один и тот же.

Язык

"...Хорошенько намазались средством от известных лесных паразитов: те нынче всерьез ополчились на род человеческий, отправляя в медицинские учреждения целые бригады грибных пилигримов". "Он так и не смог подняться, повыкатывав наподобие пьяного глаза, а затем опять сунулся в осоку, лицом вверх."

В приведенном отрывке образец далеко не художественной прозы, скорее, плохой журналисткой, или хорошей ведомственной, канцелярской, бюрократической. Подобных образцов в рассказе, да и вообще в прозе Цыганова много. Вот почему он может публиковаться только в Вологде - потому что

здесь его никто не редактирует. Однако для него самого этот статус почетен как необходимое состояние для хранителя традиций. В том числе и собственных. Он пишет рассказы с автоповтором, с традиционной для себя фабулой.

"...Грибы, серые и красноголовики, были не помехой, то и дело будто понарошку оказываясь под ногами". Русанов брал только те грибы, которые оказывались под ногами. Конечно же, их было мало, так мало, что даже потом не хватит на жаренину и после приезда домой Русанову придется идти в магазин за продуктами. Да и жена его тоже хороша! Зная, что дома ничего нет, а тут грибы можно набрать вдвоем, так нет - "Русановы же решили побродить по окрайкам, спокойно и отрешенно переговариваясь и больше помышляя не о грибах, а о своем, наболевшем".

Вот этого "наболевшего" лучше не касаться. Речь там идет о сыне, и я уверен, что сын в рассказе - единственный положительный персонаж, который, конечно же, таким не выглядит в глазах его родителей.

"...В лес все трое забрались с некоторой радостью, точно в дуду на незримую секунду божественно дохнуло волшебным зноем детства". Автору, наверное, кажется, что это красивая фраза. Но я ей не верю. Таков стиль Цыганова - искусственное совмещение в одной фразе совершенно противоречивых слов и эпитетов.

"Только сейчас Русанов и понял по-настоящему, как он за этот денек поизмотался". Это значит, Русанов не насобирал грибов, ничего не сделал для спасения "лежащего навзничь человека", заранее не подумал о том, чтобы в доме была еда, нарушил, в конце концов, заповеди... Теперь до него дошло, что поизмотался.

Русанов обеспокоен судьбой сына, который "отбивается от рук", но, тем не менее, зная, что тот голодный дома сидит, с Витей идет пить пиво, прихватив с собой авоську. Странный этот Русанов, то ли тормоз, то ли немного не в себе.

Почему же Цыганов так странно пишет? Нарочито странно, казенно. Он пишет вопреки традициям русской литературы,

пишет так, чтобы знатоки литературы, да и "просто внимательные читатели", недоумевали. И, наоборот, чтобы именно не знатоки понимали с первого взгляда. Кто эти "не знатоки"? Это те, кто говорит на таком же языке - чиновники.

Художественный метод Цыганова - редукция, снижение емкости и смыслового наполнения фразы до уровня ведомственной терминологии. В этом смысле чтение постановлений - лучший способ изучения художественного метода писателя. И наоборот, остается впечатление, что проза Цыганова не для народа, не для читателя, а для администрации области, как отчет о работе писательской организации, находящейся в "творческом единстве". Ну, да ладно, это не главное.

Криминал

"...Автомобиль иностранного производства, темно-зеленый, красивый, весь какой-то удобно-ладный, недоступный..., иностранного зеленого чуда..., иностранное чудо-юдо, безномерная иностранка". Навязчивая идея автора связать иномарку с криминалом. Правда, в "Русакове" "Запорожец" не называется иномаркой. Нетрудно догадаться, почему.

"Притель, немного не доходя до незнакомца, приостановился, профессионально изучая обстановку. В это время лежащий в осоке парень чуток очнулся и попытался приподняться: заоткрывал, выпучивая, непослушные глаза".

"- Видишь, вид не бледный, дышит ровно, это хорошо. С ним все в порядке, - но он привык убеждаться в диагнозе собственноручно, поэтому в голосе все же была неуверенность. И хотел еще раз двинуться к осоке, но русановская жена опять тревожно отстучала в стекло. Мужикам с этим и пришлось вернуться восвояси".

Итак, притель Русанова, врач по профессии, нарушил клятву Гиппократова, оставив умирающего на произвол судьбы.

Русанов, хоть и не врач, но тоже оставил без спасения живого человека. Ведь он по себе знал, что надо спастись мазями от "лесных паразитов: те нынче всерьез ополчились на

род человеческий, отправляя в медицинские учреждения целые бригады". Здесь же человек лежал в кустах без движения голый по пояс, явно обреченный пострадать.

Жена Русанова, хоть и пассивно, но препятствовала им выполнить свой человеческий долг, проявить гуманность.

"Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом" - так звучит статья 124 в Уголовном кодексе РФ. Суд без труда доказал бы, что они все трое преступники. Вот где, оказывается, истинный криминал.

"Ухо, слышавшее меня, ублажало меня; око видевшее, восхваляло меня. Потому что я спасал страдальца вопиющего..." (Иов. 29:11, 12).

Это не про Русанова. Но чье же око восхваляет этого преступного персонажа устами "Красного Севера"?

Издавательство

Как теперь воспринимать весь рассказ? Описаны преступники, причем описаны так, что им следует сочувствовать. Я уверен, что неискушенный читатель так и сделает. Он иначе и не подумает. Он уверен, что газета "Красный Север" не будет публиковать рассказ о плохих преступниках, да и Цыганов не будет о них писать. Читатель и сама редакция разделяет точку зрения, что Русанов - герой рассказа, простой хороший человек.

Как теперь мне воспринимать слова из преамбулы, где сказано: "отношение к жизни вологодских писателей - это возможность построить бытие не по звериным законам, а по Божьим заповедям. Об этой возможности всегда - при любых сюжетных перипетиях - помнят и герои Александра Цыганова, и любого писателя, достойно представляющего вологодскую литературу"?

Вот я прочитываю то, что, по мнению газеты, надлежит заложить в головы читателей, потом прочитываю рассказ и вижу, что меня, читателя, принимают за дурака!

Русанов нарушил и УК и Божью заповедь ("возлюби ближнего твоего, как самого себя"). Именно он строит бытие по звериным законам! Покажите же мне, где "герой Александра Цыганова помнит о возможности построить бытие по Божьим заповедям"?

Вкупе с текстом рассказа я и воспринимаю это как издевательство. Над здравым смыслом, над читателем. Издевательство и насмешку над областными властными структурами, которые опекают вологодскую писательскую организацию, финансируют и предоставляют ей особняки. Неужели никто не понимает и не видит, что все выродилось в свою полную противоположность, в издевательство над классическими традициями вологодской литературы, над одним из моих любимых персонажей - Африканычем из "Привычного дела" В. Белова, который никогда бы так не поступил, как Русанов?

И я должен верить Цыганову, что он сохраняет эти самые традиции? У меня нет других слов - но он над традициями глумится. Я, как коренной вологжанин и читатель, те традиции люблю и хорошо знаю, поэтому я не буду притворяться, что с современной вологодской литературой все так прекрасно, как это представляет "Красный Север" своим читателям.

Возвращаясь опять к пресловутой преамбуле, понимая, что теперь ее надо понимать наоборот, и, перечитывая первую фразу, я вижу, что вологодская литература, вернее, тот ярлык, наклеиваемый на нее газетой - именно фантом. А с учетом последней публикации в "Красном Севере" статьи Василия Белова "Русский матрос" (11.02.04г.) - и вообще кризис.

Теперь совершенно ясно прочитывается и название рассказа «Глушитель». Цыганов, впрочем не столько он сам, а газета, так рьяно морочащая голову читателям, и есть глушитель традиций литературной Вологды и здравого смысла.

Литературный критик Виктор Суворов

О Викторе Суворове я собирался написать давно, но мне все время не хватало чего-то. О нем, авторе «Ледокола» и других книг, нельзя писать обычным образом, как обычно пишут о литературе. Многие могут сказать, что это и не литература вовсе - цифры, даты, звания, фамилии, справочники какие-то. А с другой стороны, у него есть книги, в которых явственно виден не письменный, а разговорный жанр. Действительно, для каждой книги Суворова, если собраться их рецензировать, следует использовать соответствующий язык.

Для меня важно было найти обобщенный способ его описания. Мне кажется, я его нашел. По крайней мере, я нашел его для себя. Мне кажется, если меня кто спросит, как и что пишет Суворов, я смогу ответить двумя словами, и это будет соответствовать правде.

А сейчас я сделаю отступление.

Вот уже лет двадцать пять известны так называемые фракталы. Их придумал, или обнаружил Бенуа Мандельброт, родившийся в 1924 году в Варшаве, а ныне живущий в США. Скажем так, он обнаружил, что природа обладает свойствами самоподобия и масштабной инвариантности, и он же придумал слово фрактал, эти свойства обозначающее. О фракталах, кстати, я впервые услышал в передаче «Севаоборот» на Би-Би-Си от одного из ее соведущих Леонида Владимировича еще в конце 80-х годов. Одно время я очень интенсивно занимался темой фракталов для своих прикладных научных задач.

Природа красива сама по себе и Мандельброт создал язык ее описания, настолько простой и совершенный, что изъяснение на нем способно создавать новые, доселе невиданные красоты. Наберите в поисковом окне «красота фракталов», убедитесь. Это очень интересная тема - о соответствии сути способу ее изложения.

Будем ли мы говорить о малой частице природы, например, капиллярах листа, или о самом дереве целиком, способ его описания, в частности, математический, окажется одним и тем же, это и есть фрактальное свойство дерева.

Если, предположим, окажется, что лист по свойствам своим не описывается общим с деревом языком, значит этот лист от другого дерева, или лист больной, неправильный. Идея древняя как мир - частное подобно целому, то есть язык для описания частного тот же, что и для описания общего.

Например, Суворов пишет: *«В историографии было принято войну против Гитлера называть «Великой», а название «Вторая мировая война» писали с малой буквы. Я уличил грамотеев: имя собственное, как ни крути, надо писать с большой буквы. И еще: война Советского Союза против Германии - это часть Второй мировой войны. Не может часть быть больше целого».*

Я не могу больше углубляться и расширяться в эту тему, она неисчерпаема, но упоминание фрактала здесь просто необходимо, потому что он несет в себе основное направление дальнейшего разговора.

Б. Мандельброт и В. Суворов для меня сейчас сходны в одном, они оба владеют методом прочтения сути через язык ее изложения. У них другие глаза, и видят они ими гораздо больше, чем другие.

А отличаются они тем, что Мандельброт видит красоту, а Суворов, наоборот, безобразие, неправильность. Он бы и рад, думаю, видеть красоту тоже, но что делать, если обнаруживается ложь и дезинформация, вольная или невольная. Он об этом и пишет, за что получает от остальных, ничего не знающих о фракталах, ярлык «очернителя».

Можно представить, что кто-то говорит, что вот к этой березе привязана белыми нитками хвоя от ели, а на него покажут пальцем и скажут: отщепенец, порочишь все наше...

Пушкин писал: *«Критика - наука открывать красоты и недостатки искусств и литературы».* Мандельброт открывает красоты искусства, Суворов - недостатки исторической литературы. И еще: *«Критика - обсуждение, разбор с целью оценить достоинства, обнаружить и выправить недостатки; исследование, научная проверка подлинности, правильности; особый литературный жанр, посвященный разбору литературно-художественных, научных и др. произведений»* (Словарь русского языка в 4-х томах, АН СССР, Институт

русского языка, гос. из-во иностр. и национ. словарей, М., 1958 г.)

Суворов нигде не говорит о методе, который он использует для проверки подлинности, правильности произведений, но он пишет так: *«...давайте используем прием, которому нас в разведке учили. Любую неясную ситуацию надо мысленно уменьшить в два, три, пять, десять раз. Или увеличить. Тогда странность происходящего может проявиться более рельефно и четко. Масштаб происходящего я мысленно уменьшаю в три раза»*. Далее он описывает в уменьшенном виде прочитанное в чьих-то мемуарах событие, которое тут же приобретает черты театра абсурда, он обнаружил хвою на берегу.

Этот прием безукоризнен, в нем заключена «масштабная инвариантность» явления, малое подобно большому. Если подобия не получается, то ложь налицо.

Известно, что таким приемом пользуются юристы для идентификации истины. Так, про русского судебного деятеля А. Кони, непревзойденного оратора, энциклопедия Брокгауза и Эфрона пишет: *«Он умеет в своем слове увеличивать объем вещей, не извращая отношения»*. Известен случай, когда он, участвуя в мелком деле поссорившихся по поводу чайника соседей, доведших дело до суда, сказал: *«Чайник? Россия этого не переживет!»* Наверное, это была его самая короткая речь, расставившая все по местам только благодаря тому, что проблема из локальной была формально увеличена до государственной.

Очень показательна книга Суворова «Очищение», целиком посвященная разбору текстов, которые писали разные авторы, в частности, Тухачевский. Эта книга - настоящая литературная критика.

Вот что пишет маршал С. Бирюзов (цитирую по упомянутой книге): *«Постановка вопросов М. Тухачевским была правильной и своевременной, что же касается конкретных показателей, то они подлежали дальнейшему уточнению»*. Суворов комментирует: *«Представим себе: мальчик умненький задачу решил хорошо и правильно. Похвалим его. Только ответ у него немного не сходится, ответ нуждается в некотором уточнении»*.

Подобный прием для поиска и выработки правильного решения и преодоления противоречия используется в изобретательской деятельности. Например, если вы хотите усовершенствовать какую-либо деталь машины, представьте себя на ее месте в микроскопическом масштабе, или размером с гору, вы увидите противоречие, и вам может придти в голову идея, как ее усовершенствовать.

Подтверждением моего тезиса о том, что Суворов предстает в своих книгах настоящим писателем, является еще и то, что вскрытым несуразностям, мифам, легендам Суворовым в названиях глав просто придается стиль сказок: *«Как Жуков пытался доложить обстановку»*, *«Про Кулика и Павлова»*, *«Про полководца, который обладал аналитическим умом»*.

В демонстрациях таких исторических сказок, прочитанных в мемуарах, он получает те же результаты, что и историк, работающий в закрытых архивах с документами. Такова сила и возможности литературной критики. Литературных критиков надо учить не в литинститутах, а в разведшколах. Про себя могу сказать, что огромную роль в моей жизни сыграла одна книга американского разведчика В. Плэтта *«Информационная работа стратегической разведки»*, изданная в СССР в середине 70-х годов. Это настоящий учебник для выработки мышления. В ней, частности, упоминается «эффект логарифмической линейки», отражающий нелинейную зависимость - малый факт может иметь глобальное значение, «дьявол скрывается в мелочах».

Суворов критикует военный очерк Симонова: *«...писатель Константин Симонов был обязан проявить бдительность, обращать внимание на мелкие, на первый взгляд неприметные детали»*.

Суворов применяет еще один безотказный прием, которым и я иногда пользуюсь. Описанную картину надо мысленно оформить в виде фотографии или формального киносюжета, и тогда абсурдность утверждения выявляется в полной мере. Значит, это была дезинформация. Этот метод эффективен для разоблачения демагогов.

Говоря о способности изъясняться языком, соответствующим сути излагаемого, я, конечно же, имел в виду не личную особенность Суворова, а то, что такой способностью могут и должны обладать все люди, желающие, чтобы их

поняли, что они хотят сказать.

Это закономерность. Хорошо бы, чтобы она имела название, фантазирую: «закон фрактальных свойств текста», или «закон масштабной инвариантности смысла», нет, это длинно, надо короче. Пока еще не придумал. Или же это должно быть понятно по умолчанию, что так оно и должно быть, без всякой формализации. Могу сказать одно, что без упоминания Манделъброта и Суворова здесь не обойтись.

Летом 2005 мне довелось общаться с Виктором Суворовым. При встрече я ему сказал, что для меня он лучший литературный критик из всех ныне существующих, кого я знаю, потому что его разбор прочитанных текстов есть настоящая литературная работа, вскрывающая истинные помыслы пишущего через язык изложенного. Он согласился, сказал, что действительно, важно, как человек говорит, из этого становится понятным, что он говорит.

О театре

Спектакль в «Аквариуме» (Де Костер)

Непрофессионализм обладает в большей степени человеческим содержанием там, где искусство в меньшей степени связано с техникой – например, в театре, живописи, даже музыке. Но не в балете, где все внимание устремлено на технику танца. Чтобы выразить глубоко человеческое, не нужно учиться пять лет. Понимать и генерировать юмор – не надо учиться, надо просто обладать этим даром. Поэтому актеры «Аквариума» создают в спектакле о Тиле Уленшпигеле удивительную жизнь, человеческие образы и, главное, процесс самовыражения. Наблюдая за ним, думаешь не об условностях театра, а об искренности людей, о жизни и о многом другом.

Исторически спектакль переключается с тридцатыми годами, когда по доносам сажали в лагеря и расстреливали. Домашний король - это «кабинетный Сталин» (и даже актер как бы грузин) который и был страшен своей кабинетностью, замкнутостью и оторванностью. А также деяниями своими создавший неестественность причастности к роду человеческому.

Тиль говорил об этом и тем самым вызвал гнев его.

Но сначала о субъективной оценке замеченных недостатков. Начало спектакля - медленный разгон, он занимает минут десять. Это бы ничего, но за это время вырастает целый ком упущенных возможностей, это обидно, потому что актеры впоследствии справляются со всем легко и свободно. Например, во время разгона действия пропадает юмор, заложенный в пьесе. Надо было дать возможность юмору проявиться. Перед фразой: «У нас нет реки» необходима пауза.

Далее. Сцена казни Клааса естественна для пьесы, актеров, но ее отсутствие на сцене слишком искусственно для зрителей. Глядя на резкую смену настроения актеров, зрителю просто приходится подстраиваться под случившийся факт, выпавший со сцены и насильно подчиняться театральной условности. Но ведь такого ощущения больше не повторяется, возможно, это недостаток второго прогона.

Интересна роль палача. В конце концов, он предстает как добрый человек под пятой власти. Но мне кажется - этого не должно быть видно в самого первого его появления на сцене! Нужна диалектика характера и качественный перелом, произошедший из-за Клааса. До этого палач был равнодушно ожесточенным, а после Клааса как бы вернулся к человечности... Ведь вся пьеса именно о гуманности, и он в таком случае становится одним из главных героев. А так от него веет дидактикой.

Четко видна коварная роль Рыбника. Поэтому когда она долго объясняется в сцене с Тилем, это кажется лишним, либо это подсказка тем, кто вообще ничего не понял в пьесе. Если и есть необходимость ужать время, так это место - первый претендент на сокращение, на мой взгляд. Это усилило бы и без того выразительную игру Рыбника. А то его раскаяние представляется как окончательное умирание зла. Но ведь зло никогда не умирает, не исчезает, оно всегда остается как обобщенная, но не частная категория.

Умалишенная сидит и подает реплики. Она несет сильнейшую психологическую нагрузку. Чувствуется ее потребность договорить нечто. Но все-таки это делается довольно невнятно. Приходится напрягаться, чтобы понять смысл и связь того, что она говорит, с действием. Что не всегда

удается. Видимо, нужны какие-то дополнительные пластические или световые средства, чтобы усилить ее слова.

Женские роли явно уступают, проигрывают в этом «мужском» спектакле. Не надо бояться большей сексуальности там, где это необходимо. Это создаст особый шарм в пьесе, оживит атмосферу. А Тилю, на мой взгляд, вовсе не следовало бы ухлестывать за блондинкой так, как это показано в русских плясках (на полусогнутых ногах, с растопыренными руками). Это наивно-грубовато и не характерно для хитрого и опытного Тиля. Он способен на более тонкое проявление чувств. И это, кстати, видно из спектакля: я не читал пьесу, не читал роман, не смотрел фильм. Мое знакомство с Тилем произошло только в рамках поставленной пьесы.

В целом спектакль полон энергии в очень хорошем смысле этого слова. Именно такой энергии, какой обладает рок-н-ролл, например. В нем множество интересных находок, чувствуется режиссерская рука [Костылева], реализация собственной концепции «Тилия Уленшпигеля» Шарля де Костера на сцене «Аквариума». Это – настоящее искусство.

Вологда, 20.12 1987

Спектакль в «Аквариуме» (Дюренматт)

Посещения «Аквариума» не проходят бесследно. Так и после просмотра «Аварии» Дюренматта. Спектакль еще раз заставляет задуматься о роли алкоголя в построении сюжета. Обычно принятие героями одной рюмки или двух позволяет режиссеру двинуть сюжет туда, куда хочется, другими словами, продолжить эволюцию действия так, как она могла бы существовать без алкоголя. И в такие моменты ждешь от героев особых действий, признаний, алогичности, необычности. В этом же спектакле необычность возникает с первых сцен. В какой-то ночлежке, в хламе обитают вроде бы порядочные, но странные люди со своими непрерывными смешками и наглой самоуверенностью. Блаженные или безумцы? Один из них – палач (видимо, «Аквариум» нуждается в персонажах-палачах) – он вышивает на пальцах и время от времени говорит «чудненько». Когда после ужина все они возвращаются, чуть ли

не в стельку пьяные, и начинают фарс обвинительной и защитной речей, то зрителю ничего не остается, как только взирать на происходящее, удивляясь игре актеров. Потому что внутренняя жесткость драматургической пружины размягчена волюнтаризмом алкоголя. Эволюции самого действия нет, герои итак были чокнутые, а потом, когда стали вдобавок и пьяные, то уже ничему не удивляешься. Они бы и ангела небесного приговорили к смерти за убийство.

Конечно мы понимаем язык условностей. Социалистический реализм всех приучил верить в порядочность и положительность героя, даже если он нам антипатичен (это наша общественная и социальная двойная мораль, двойное истолкование, которое помогает деятелям искусства работать в искусстве. То есть – работать уже на подготовленного зрителя. По сути этот спектакль – балаганчик (в хорошем смысле слова), заложенный в околodвадцатые годы молодыми режиссерами Эйзенштейном, Юткевичем. Это тот балаганчик, где говорят только о серьезных вещах, причем говорят серьезно – нет юмора, но много смеха. Говорят об убийстве и хихикают. Есть слезы, но нет трагедии – зато много мистики.

Дюренматтовский дух сохранен. В этом смысле спектакль «Авария» просто подарок.

Цивильный господин попал в общество четырех монстров. И делай с ним, что хочешь в этом балаганчике, проявляй свободу творчества. Понимая условность жанра, никто не потребует раскрытия внутреннего духовного мира героев, убедительности игры и системы Станиславского. В принципе, герои могли играть и в масках. Все равно четыре монстра превращаются в конечном счете в кули, мешки. Они - фантомы. Они так же похожи на настоящих людей, как топорище на гильотину. И все это действие, возможно, просто видение душевно неустроенного человека – причем человека совестливого и, вдобавок, алкоголика. Угрызения и переживания. Уж если говорить о настоящем в нашей жизни, то дуракаваляние более всего позволяет без менторства расставить все по своим местам. Или наоборот, все развернуть с ног на голову. И именно дуракаваляние, которое не к лицу профессиональному театру, но позволяет развиваться театральному искусству.

Главное не в том, что в спектакле нет эволюции, а в том, что сам спектакль является ступенькой в эволюции театра. Эксперимент, важный этап в творчестве режиссера [Костылева]... И мысли текут, текут, подтверждая – не зря прошло время в «Аквариуме».

Вологда, 27.03.1988

Мистерия-реликт. Браво!

В театре «Теремок» состоялся спектакль, который был в равной степени нормой и исключением. Пригласительный билет гласил: «Любезный друг! Нам кажется, что нет лучшего употребления времени, чем препровождать оное в театре. Мы уповаем на то, что вы одобрите сие наше мнение и согласитесь провести свой зимний вечер в театре «Теремок» на спектакле «Трагедия об Иуде принце Искаротском». Начало спектакля в 7 часов пополудни.

Это была антреприза Бориса Ильина, который нашел меценатов, собрал актеров, провел организационную работу... И вот, автор пьесы Алексей Ремизов, спустя 90 лет после своего пребывания в вологодской ссылке, опять появился здесь в виде реликта-мистерии с подразумевающимся закадровым присутствием Христа, с театрально-библейскими одежаниями актеров и вообще всем тем, что сделало вечер беспронгрышным.

Блестящим откровением на сцене стал Сергей Балицкий из Санкт-Петербурга, исполнивший роль Пилата. Он заставлял зрителя воспринимать действие ушами. Его голос, интонация, особая честность игры предопределили успех всего спектакля. Иуду остро и психологично играл актер из Минска Валерий Агаян, остальные роли исполняли вологодские артисты: Игорь Рудинский, Наталья Ситникова, Елена Сапрыкина, Светлана Романова, Константин Гамов, Андрей Шерстнев, Сергей Коновалов, режиссер – Ирина Горожанова.

Из программки: «В основу...положен апокриф об Иуде-предателе. Сказание было найдено в Курской губернии, городе Путивле в Воскресенской церкви... И никто не помнит, кем и когда это написано, а писано старинною рукою». Из этого мифа мы узнаем генезис предательства Иуды еще до того, как тот

появился действующим лицом в Евангелии. Только вместо вопроса: «А что было потом?» стоял вопрос: «А что было до того?»

Единичное появление спектакля не делает его, на мой взгляд, событием общественной или культурной жизни города, но демонстрирует успех частного предпринимательства в некоммерческой сфере.

Меценатами в этом деле были хорошо известная издательская фирма «КИИС», банк «Северный», страховое общество «Помощь», городской координационный совет по культуре. Откликнувшись на предложение Б.Ильина, они подпитали оптимистические надежды на фоне разного рода трагедий.

Вологда, 18.01.1992

Стандарт профессионализма

Впервые увидел картины Джанны Тутунджан около двадцати лет назад. На фоне заполнявших тогда выставки убогих деревушек с черными покосившимися избами работы Тутунджан выделялись ясноглазыми молодухами и морщинистыми старухами – то есть несомненным интересом к человеку. Особенно запоминалась характерная сеточка у губ старух, мастерски изображенная художницей. И вот, спустя годы, я вижу то же самое. И чувствую, что мне скучно. Графику смотришь – глаза слезятся. Устаешь читать то, что уже читано. А скучно потому, что слишком прозрачно и однозначно.

Единственная «проблемная» картина – «Пожар. Притча» - вызывает недоумение. Поставленную задачу социологизировать, политизировать, драматизировать и заострить жизненный материал деревенского бытия художница не может иначе чем через стандарт профессионализма: через изображение яркой молодухи и серой старухи.

Картины полны самоцитирования, и не нужно быть слишком проницательным, чтобы предсказать, что будет изображено на следующих полотнах... Можно, конечно, развлекаться, читая подписи и названия, но это слабое утешение.

На выходе с выставки испытываешь ощущение однообразия и ограниченности. Уж лучше сидеть дома, уставясь на ковер, чем неприкаянно бродить по выставке и искать несуществующего жаворонка на одноименной картине.

1991

О творчестве Яна Крыжевского

Современность - это безразмерная сиюминутность. Часто не знаешь, что она собой представляет, но всегда ее ощущаешь. Когда мы, скажем, смотрим на вещь из заграничного происхождения, похожую на микрокалькулятор, предназначенную для управления видеомэгнитофоном, то, не совсем понимая, как она работает, говорим: штука интересная. Вот так, то же самое в переводе с польского мы можем сказать о творчестве Яна Крыжевского. Оно интересно, но не всегда сразу понятно, как оно работает. Как кубик Рубика для непосвященных.

Чем отличается жизнь от искусства? Тем, что в жизни есть де-факто и де-юре, а в искусстве ни того, ни другого. Вспомним «Меломана». Крупным планом лицо, будто сошедшее с древних росписей, с закрытыми глазами, в стереонаушниках. На заднем плане слева от него женщина, справа - железная кровать.

Каждый может представить себе, что меломан слушает ту музыку, которую любит смотрящий. В этом отношении картина универсальна и удовлетворит вкус любого зрителя-меломана.

Однако человек с лицом Христа и наушники - эти два несопоставимых атрибута нашей жизни, содержат противоречие. Лик из глубокой древности с закрытыми глазами со своей недоступностью и... сугубо индивидуальные средства восприятия музыки, столь распространенные в наши дни. Это противоречие разрешается экскурсом в историю.

В свое время в развитии рок-музыки был период (конец 60-х годов), когда она выступала очень мощно, причем ее мощь была не такой, как нынче, а в большей консолидации с людьми, когда музыка была выкристаллизовавшейся идеей. Она носила даже характер некоей веры или первой ступени этой веры. Но так как тогдашняя рок-музыка по своим идейным представлениям не противоречила христианству, то зачастую она выражала и

соответствующие настроения. В ту пору бытовало высказывание: «От рок-н-ролла до религии - один шаг». Названия песен подчас были такими: «Бог, любовь и рок-н-ролл». В результате развития все это вылилось в шедевр, одно из самых ярких достижений культуры - рок-оперу «Иисус Христос – суперзвезда».

«Меломан», будучи живописным шедевром, однозначно отражает это слияние, снимая упомянутое кажущееся противоречие. Задний план при этом играет значительно меньшую роль, чем кажется при первом взгляде, являясь бытовым придатком к основной идее».

Вот так можно говорить о каждом полотне Яна Крыжевского. А можно и не говорить так. Можно говорить иначе или вообще не говорить, а размышлять отвлеченно.

Стук каблуков. Как ни странно, в искусстве он играет более значительную роль, чем в жизни (кроме армии). Откройте любую книгу и увидите в ней эти слова. Посмотрите любой фильм, пьесу - и услышите чьи-то шаги. Они подчас несут главную психологическую нагрузку. В живописном искусстве нет такого стука каблуков. Кое-где даже зрителей лишают этого, заставляя одевать в качестве глушителей некие тряпичные олучи.

Только б не заглушить чувства. Чтоб слышны были удары сердца...

В голубом дыме нет сажи. Это самый «чистый» дым, означающий максимальное выделение энергии при горении. Голубой дым надежды - это полнота сгорания чувств, после которого не остается горечи, сажи воспоминаний. А сами воспоминания, наслоенные друг на друга с вписывающимися друг в друга контурами, острыми углами развала и ненадежностью постройки.

Голубым дымом сгорели крылья Икара, и он упал. Тогда-то был миф об Икаре. Сейчас его нет. Есть только бль современного Икара, и она в каждом из нас.

И каждый из нас может оказаться в нем, в этом комфортабельном «Икарусе» цвета желтка, желтого цветка.

Надежда и надежность. Они далеки друг от друга. Что самое надежное? Это самолеты, отлетавшие свой срок, со сломанными крыльями и помятыми телами. Они никогда не подведут, не упадут. Потому что не взлетят. Их называют не Икарусами, а Илами.

Только безнадежность порождает надежды. Шлюпка, подвешенная к кораблю («И плывет корабль»), дает надежду спасения в безнадежной буре жизни. Спасательная шлюпка как символическая лодка из облаков на картине Чюрлениса. У Французского живописца Антони Морлона есть картина, изображающая спасательную лодку, в сильную бурю спешащую на выручку гибнущего судна. У тонущих судов не будет нового дня. Поэтому, остающимся на плаву говорят: «Счастливого пути».

Кубик Рубика. Его нет на палубном столике, хотя он был, его убрали, чтобы узнать, как он «работает», в чем его разгадка.

Почему в наш век цветных телевизоров существуют живописцы? Разве ТВ не восполняет недостаток в искусстве? Потому что то, что показывает ТВ - это или де-факто, или де-юре.

Все дорожные знаки на полотнах Крыжевского фактически недействительны, ни в рамках своей утилитарности, ни в рамках своих картин. Поэт Малларме писал: «Современное употребление тайны - это символ. «...Выбрать предмет и выделить из него душевное состояние посредством ряда разгадок».

Как много разгадок мы утратили с детства, и как много еще не нашли.

Кубик Рубика «начинает действовать», только когда он в руках. Произведение искусства начинает существовать только когда, его комментируют.

Эволюция воспоминаний уходит вглубь и всегда приводит к современности, как плоскость, свернутая во вращающуюся трубу с как бы нанесенной на нее записью по принципу Фонографа Эдисона.

В глубокой древности не было кубиков Рубика, поэтому потребность в головоломках удовлетворяли дубинками. В глубокой древности не было дорожных знаков, поэтому потребность в них удовлетворяли валунами, ...не было мотоциклов, но были кони, ...не было мотоциклетных шлемов, но были

шишаки, ...не было оптики и очков, поэтому вдаль смотрели из-под руки... Стоп.

Там, где раньше была древность со своими ликами, ныне стала современность со своими приметам. В «Меломане» все слилось.

Женские портреты. Они удивительны. И будут еще более удивительными, когда современность станет стариной. Они не похожи на недосыгаемые своей холодной лукавостью портреты японок. Ян Крыжевский их цитировал.

Загадки чаще вязнут в зубах, а разгадки реже. Почему в портретах военачальников нет загадок? Там все налицо. А в женских портретах Крыжевского всегда есть загадка, хотя и в них тоже все налицо, потому что они действительны тем, что сиюминутность их взглядов - это современность крупным планом. Может, для их разгадки не нужны просвечивающие инфракрасные лучи, ведь знаем, что из-за головы женщины не выглянет голова Горгоны.

Часто большая идея познается через ее бытовую натурализацию. Для этого существуют натюрморты.

Крыжевский предпочитает пейзажи в свете. В свете сумеречном струится светлым переливом занавеска и тянет сквозняком.

Последующие наслоения изображений - это отрицание, протест первому слою. Поэтическая аналогия этому проявляется в лирике протеста Николая Рубцова. Об этом разговор особый. Современность искусства Яна Крыжевского на глазах обращается в нашу историю, все время оставаясь вместе с нами.

Сентябрь 1986

Диктатура уха

Когда я родился в мир как отдельный человек, то немигающими открытыми глазами видел только окно в бледных сумерках темной комнаты. Я дрожал, но не от холода. Я сидел на стуле в оцепенении. Так продолжалось полчаса, пока я в ПЕРВЫЙ РАЗ СЛУШАЛ «БИТЛЗ». Я случайно поймал песни «Битлз» по радио.

У нас в классе учились ребята, которые приносили катушки с магнитными лентами. Они обменивались записями. От них краем уха я услышал слово «Битлз».

Один из эффектных трюков, которые я наблюдал в классе, заключался в том, что кто-нибудь протягивал ленту между указательным и большим пальцами, как бы через воспроизводящую головку магнитофона, и истошно кричал, точь-в-точь, как в некоторых песнях «Битлз». У меня такой крик никогда не получался, поэтому с тех пор я и стеснялся петь перед посторонними.

Однажды мы были на школьной практике на заводе – весь цех сбежался к нам, думая, что кого-то замотало в станок. А это просто два или три одноклассника своим криком, с думой о «Битлз», заглушили заводской шум.

К этому времени у «Битлз» уже вышли «Please Please Me» и «With the Beatles». С этих альбомов началась моя эпопея битломании. А может быть, она началась еще раньше? Еще до «Битлз»? Только она называлась иначе?

Счастливое детство

Мне повезло с друзьями. Именно там, в Якутске, прошло мое счастливое детство. У меня были товарищи, чьи старшие братья дружили с моими старшими сестрами. Они все учились в московских институтах и два раза в год приезжали на каникулы домой, привозя с собой разные столичные новости, из которых большую долю занимали новости американские. В то время в Москве в Сокольниках проходила нашумевшая американская выставка. И вот, когда я учился в первом, а может, во втором классе, я услышал слово «рокэндрол». Вначале я думал, что это игра с мячом, который надо отбивать ногами, лежа на спине. И лишь позже мы научились танцевать рок-н-ролл, правда, без музыки еще, не было магнитофона. Товарищ, с которым мы танцевали, был на год старше меня и уже бросил музыкальную школу, проучившись в ней всего год. То же самое сделал и я, выучившись играть на пианино только пьесу под названием «В лесу ночью», едва познав азы музыкальной грамоты. Вместо занятий в музыкальной школе я съезжал с ледяной горки на папке с нотами. В то время мы бредили одними барабанами.

Битломания

Наш десятый класс однажды отправили в колхоз. Отдыхая на сеновале, мы крутили приемник и поймали знакомые для меня песни «Битлз». Мы слушали их с Володей Шабаловым и начали разговор о «Битлз», который продолжался много лет, до тех пор пока мы встречались. Каждый день в школе мы с ним обменивались услышанным из мира поп-музыки. На наших глазах (точнее, на нашем слуху) появлялись новые песни «Битлз», и мы про них говорили и говорили. Через каждые два-три месяца в Англии выходили новые песни. Совершенно не похожие на те, что были раньше. Они дарили воодушевление и восторг, и мы знали, что следующая пластинка принесет все тот же восторг. И чем дальше, тем восторга будет больше. Так началась моя битломания.

Конечно, не меньшую радость доставляли и песни «Роллинг Стоунз» и других групп. «Роллинг Стоунз» по популярности были очень опасными конкурентами «Битлз». Не случайно в 1966 году в Югославии они были популярнее, чем «Битлз». Такое «опасное» соперничество продолжалось до тех пор, пока к семидесятому году они не ушли в тяжелый блюзовый стиль, что сузило их аудиторию. В противном случае они могли выйти на главенствующие позиции после распада «Битлз».

По окончании школы днем я работал в конструкторском бюро, а по вечерам учился в институте. На общение с рок-роллом и «Битлз» мне была отведена ночь – идеальное время для дальнего приема коротких волн.

Длинные волосы

Однажды я ехал в автобусе и какой-то работяга сказал, что меня надо подстричь. А другой добавил: автогеном. На экзамене по ТММ, что расшифровывают как «там моя могила» или «теория механизмов и машин», доцент, принимающий экзамен, сказал ассистенту обо мне: «Пока не подстрижется, оценку не ставить». Я в тот раз получил «неуд», но этот эпизод не прошел даром. Спустя годы я стал кандидатом технических наук, мало того, я сам принимаю экзамены по ТММ и волосы ношу - какие хочу!

Вспоминается, что в школе мы с Володей Шабаловым вдвоем пытались носить не то чтобы длинные, но хоть не такие

короткие, как у остальных, волосы. Классный руководитель отправила с уроков стричься. Володя подстригся наголо. Это был вызов, потому что в то время наголо стригли только «декабристов», как их называли, тех, кого за нарушение общественного порядка сажали на 15 суток, и они обычно подметали улицы с утра до вечера. Так вот, я не умел в то время доводить до абсурда то, что мне не нравилось, не имел многих прав, но я был спокоен, я знал, что полную свободу я всегда обрету только в рок-н-ролле. Он был запрещен и тем был сладок.

Расцвет рок музыки

«Битлз» доминировали во всем вплоть до 1967 года. К этому времени во многом под их влиянием возникла британская школа, среда рок-музыкантов, ученики которой начали без оглядки за океан конкурировать с самими «Битлз».

И вот, лучшей сорокапяткой 1967 года стала пластинка не «Битлз», а молодой группы «Прокोल Харум». Песня называлась «Бледнее бледного». В этой и последующих песнях «Прокол Харум» до конца разработала органное Баховское звучание в поп-музыке. Как комментировал Барри Холланд: «Гарри Брукер иногда думает, что он Иоганн Себастьян Бах». Это тем более удивительно, что в рок-музыке электрогитарам стало уже тесно, и в композициях появились, как великое откровение, скрипки, виолончели, флейты. Да и Тони Кэш не однажды говорил, что британский рок изобретательнее американского, что и предопределило расцвет рок-музыки.

Цветок кактуса

Очень хорошо атмосфера тех лет показана в американском фильме "Цветок кактуса", который в Российском прокате шел в 80-х годах. Это было время, когда «Битлз» уже спели свою программную вещь «All You Need Is Love»; когда молодые люди во всем мире, но больше всего в Калифорнии, где и происходит действие фильма, вкладывали в дула винтовок полицейских цветы, их называли «flowermen» - «цветочные люди», они прикрепляли цветы на стекла автомобилей; когда Скотт Маккензи спел «Если вы приезжаете в Сан-Франциско, не забудьте украсить свои волосы цветком»; когда родился лозунг «Make Love Not War»; когда люди украшали свои жилища

изображением цветов, лентами, бантами, плакатами, призывающими к любви и миру, когда поп-музыка достигла апогея, это были золотые годы для нее; когда движение хиппи, родившееся энергией рок-н-ролла, давало надежды на хоть какое-то изменение мира к лучшему; это были годы, когда расцветали кактусы в атмосфере, насыщенной цветочным духом и расцветом души... Эх, неохота точку ставить, но уже и так перебор. Как и героине фильма «Цветок кактуса», мне было 19 лет.

Все «нуждались в любви», а любовь – как пел в те годы Том Джонс (тот самый, известный современным подросткам песней «Sex Bomb») в своей песне «Help Yourself» - «это конфета на полке, подойди и возьми ее, помоги себе сам». «Лав лавз ту лав лав» - «любовь любит любить, любимая» пели три негритянки из США, пением своим напоминая лай собак. «Бог, любовь и рок-н-ролл» - один из лозунгов тех лет.

В фильме в сценах снятых в магазине грампластинок под названием «Стереорай», на полках видны пластинки «Битлз». Вот еще почему я с удовольствием смотрел этот фильм.

Песня обо мне

У британской группы «Куин» есть одна песня. И эта песня обо мне. Называется она «Радио Га-га». Там есть такие строки: «Когда мне было 13–15 лет, я сидел один и слушал радио. И все, что мне было нужно, я узнавал по радио. Из радио узнавали о звездах эстрады, о войнах миров, о нашествиях марсиан. Радио заставляло смеяться и плакать. Когда ты слушал радио, тебе казалось, что ты можешь летать...».

Письмо в Великобританию

Летом того года ведущий рок-программы «Би-Би-Си» Барри Холланд вел серию передач о разных группах, включая и интервью с ними по-английски с переводом на русский язык, были передачи о «Троггз», «Смолл Фейсиз» и других. После каждой передачи Холланд объявлял, что тем, кто напишет ему письмо, он вышлет фото группы с автографами и сорокапятку. Я сел на скамейку в скверике и написал письмо, где на целой странице перечислил свои любимые группы. Но отметил, что самая любимая – «Битлз». И попросил выслать их альбом,

любой. Запечатал письмо в обычный конверт и бросил в ящик. На следующий день мне сказали, что надо наклеивать марку на конверт, отсылаемый за границу. Я поспешил на почту в надежде, что письмо еще не ушло, но поздно... Махнул рукой, слегка расстроился, но другого письма писать не стал. А вскоре обо всем забыл.

Посылка от Барри Холланда

И вот, спустя примерно месяца два, проснувшись поутру в 10 часов после ночных бдений в радиозэфире, я завтракал. Звонок в дверь. Почтальон протянул мне квадратную бандероль. Я расписался. Распечатал обертку с моим адресом на английском языке и обратным адресом Барри Холланда, написанного его рукой. Смотрю на конверт, ничего не могу понять. Что за группа? Какой-то сержант Пеппер... «Битлз»... Оказался новейший их альбом! В начале октября он у меня уже был. Опять пошла дрожь по телу, которая не прекращалась полдня. Я рассматривал каждый миллиметр обложки, потому что каждый миллиметр нес информацию и, как впоследствии оказалось, не только для меня, но и для Джоэля Глазье, который после тщательного изучения обложки этого альбома и манипулирования с зеркалами пришел к выводу, что Пол Маккартни мертв. Кроме альбома в конверте была сорокапятка «Смолл Фейсиз» и фото «Троггз» с автографами Реджа Пресли и его друзей по группе. Невиданное богатство! И я считал его естественной платой за все мои старания, интересы и знания.

Ко мне потянулись поп-фаны, каждый записывал альбом на свой магнитофон. Я никому не отказывал и ни с кого не брал ни копейки. Помню, еще несколькими месяцами раньше, когда я переписывал три альбома «Битлз», то заплатил 10 рублей. Наверное, Вологда был городом, где «Сержант Пеппер» распространился гораздо быстрее, чем в других городах СССР. Через некоторое время альбом у меня украли, и теперь на память обо всех этих знаменательных событиях осталась сорокапятка, фото и упаковка от бандероли. Как истинный битломан, я не сильно горевал, потому что вся музыка «Битлз» у меня в голове и ее никто не украдет и, кроме того, автограф Барри Холланда на упаковочной бумаге более редкая вещь, чем альбом.

По содержанию чувствовалось единство альбома, его замысла, но тогда я еще не знал, что это называется концептуальностью. Не помешали альбому слабоватые песни, на мой взгляд, такой была «Good Morning», хотя знаю, что есть и другие мнения.

Портрет Харрисона

Шло время, наполненное музыкой, и не только ей. От музыки наступало вдохновение, которое требовало реализации. Так появился на свет портрет Джорджа Харрисона, который я писал маслом, глядя на разворот обложки альбома. Я хотел было написать их всех вчетвером, но потом решил: лучше, если у каждого будет свой портрет. Духу хватило только на Джорджа – так что и поныне он висит у меня на стене один.

Появлялись новые песни «Битлз». «Земляничные поляны навсегда», «Леди Мадонна», «Хей, Джуд». Эта последняя особенно потрясла своей необычайной музыкальностью и простотой. Я ее услышал летом 1968 года. Вскоре после чего был отправлен на ежегодные сельхозработы от института (тогда всех отправляли). Две недели песня была у меня в голове, и я представлял себе, что как приеду, так хоть всю ночь просижу у приемника, но услышу ее. Я сидел полночи и слушал ее раз десять. Так это было раньше, когда новые песни Битлз крутили по станциям непрерывно. Меня очень интересовал конец этой длинной семиминутной песни – обычно у ведущих программ не хватало терпения доигрывать его до самого конца.

Распад

Распад «Битлз» был не более чем просто огорчительной акцией. Это было формальное свидетельство уже свершившегося факта творческого размежевания музыкантов. Было заметно, что в каждом их альбоме, выходявшем в самом конце 60-х годов, была своя песня кого-то одного из четверки. И каждый уже начинал записываться сольно. Начало индивидуальной деятельности экс-битлов обещало еще больше новой и необычной музыки, поэтому в то время горьких сожалений не было ни у кого, кто жил с рок-н-роллом в сердце.

Тони Кэш

Когда именно русская служба «Би-Би-Си» начала программы популярной музыки, я не знаю. Впервые такую передачу я услышал в конце 1964 года, ведущим был Тони Кэш, остававшийся на этом месте до 1967 года. Музыкальная заставка в начале его программы сопровождалась присказкой:

У микрофона

Кэш Энтони,

Любитель джаза и симфоний,

Услаждать вас буду, что есть мочи

До московской полуночи.

В слове Энтони он делал ударение на второй слог. В то время программа начиналась в 23³⁰ по пятницам. Я тогда учился в школе, и именно с Тони Кэша у меня завелась записная книжка, которая пополнялась каждую неделю, а потом ежедневно, новыми названиями групп, исполнителей. Конечно, первыми были «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Кинкс» и много-много других, которые сейчас уже забыты, а записная книжка у меня где-то еще лежит. В памяти название таких групп, как «Ренни и его аллигаторы», «Тихая пятерка», «Дейв Ди, Дози, Бики, Мик энд Тич», «Фараоны» - для меня это была такая романтика, и посеял ее как раз Тони Кэш. Для меня рок-посевы начались именно тогда.

Барри Холанд

В 1967 году, к моему большому сожалению, Тони ушел на телевидение и его место занял Барри Холланд, впоследствии ставший руководителем русской службы «Би-Би-Си». Он долго извинялся, что никак не может придумать вот такую же хорошую заставку программы рок-музыки, но потом и вовсе без нее работал. До сих пор идеалом ведущего музыкальной программы для меня является Барри Холланд. Его программы отличались особо тонким вкусом и лаконичными комментариями: название группы, название песни (по-английски и по-русски перевод), и одна фраза, всего несколько слов о своем отношении к ней, которые он обычно совмещал с началом песни. Как и Тони Кэш, он говорил с небольшим акцентом, что придавало абсолютную честность и достоверность сказанному о британской рок-музыке. Многие из них я

прекрасно помню, потому что все программы записывал на магнитофон, слушал помногу раз, да и сейчас при желании я могу поставить на магнитофон кассету с его программами, где я собрал «The best of Барри Холланд», переписав с катушечного магнитофона. Сегодня этим записям 35 лет. Чтобы впасть в детство, мне надо просто нажать кнопку.

Барри Холланд сказал как-то про одну группу, что она честная. Это меня удивило. Я привык к тому, что с искусством надо играть в поддавки, делать вид, что понимаешь и восхищаешься им. А тут другое, искусство может быть честным и это сближает его с наукой, и то, и другое лишь инструмент познания мира. Одна фраза Холланда смогла исправить мировоззрение.

Сэм Джонс и Сева Новгородцев

После короткого периода неопределенного ведущего (по моему, сотрудники Русской службы вели программы по очереди, как бы в нагрузку к основным обязанностям) в середине 70-х годов сразу стало два – Сэм Джонс и Сева Новгородцев. Они работали поочередно. Им было трудно – самый расцвет и пик популярности панк-рока в Британии. Приходилось ставить на вертушку диски успешных панк-групп, хотя чувствовалось, что этот стиль для них не самый любимый и им неинтересен. Еще один нюанс, который меня раздражал. Оба они говорили по-русски чисто, без акцента, а я был воспитан на том, что о британском роке нужно говорить только по-английски, а если по-русски, то с акцентом!

Начало рок-посевов

С каждой передачей у Севы Новгородцева музыки было меньше, а слов больше. И это меня тоже сильно раздражало, потому что я к тому времени считал себя достаточно опытным, чтобы не нуждаться в комментариях, мне нужна была музыка в чистом виде. За получасовую программу обычно диск-жокеи успевали проиграть 6–8 песен. Такова, например, норма для Барри Холланда и Джона Пила из всемирной службы «Би-Би-Си». А тут Сева со своими историями, из-за которых едва успевал три песни проиграть. Но потом я понял смысл происходящего, смысл его деятельности. Передачи

Новгородцева, оказывается, были обращены не в сторону рок-н-ролла, не к его энергии, а к простому слушателю, потребителю, причем специфическому – из Советского Союза. Когда он читал письма своих слушателей, а это он делал довольно часто, он показывал, что все происходящее представляет собой единый мировой процесс. Именно так, в этом процессе вместе со своими слушателями он идет уже 25 лет.

Бенефис рок-посевов

Интересно, что в течение двух недель после 19 августа 1991 года «Би-Би-Си», воодушевленное похвалой Горбачева, с утра до вечера передавало программы Севы Новгородцева, разделяя их только последними новостями. Всего было передано около ста получасовых программ из прежних лет, как бы в рамках необъявленного фестиваля рок-программ. Получился своеобразный бенефис Севы (по принципу «the best of...»). А для членов НОРИСа и просто любителей это был праздник.

Сэм Джонс впоследствии стал ведущим «Бабушкиного сундука» - передачи, в которой проигрывалась музыка до 70-х годов. Ностальгия Сэма Джонса находила отклик у многих, и у меня в том числе. Но дело не только в этом. Благодаря такому ограничению, музыка его передач чиста и невинна, потому что это было начало и расцвет рок-н-ролла.

В 1991 году Сэм Джонс по своей инициативе закрыл «Бабушкин сундук». Он был настоящим диск-жокеем, поэтому выходил в эфир совершенно неподготовленным и в каждый момент говорил только то, что ему приходило в голову в данную секунду. Такая манера, как сказал Сева, «требует большой энергии и напряжения и даром не проходит».

Н.о.р.и.с

Хроника рока пишется десятилетиями. И вот туда можно вписать создание НОРИС. Это объединение людей, слушающих рок-программы Севы Новгородцева и на этой почве установивших друг с другом информационные связи, невидимые нити единства интересов. НОРИС изобрел Шурик Федоров, если я не ошибаюсь, из Медвежьегорска, который придумал объединиться всем радиослушателям для создания Независимого Объединенного Рок-Информационного Синдиката.

Шурик был за это приглашен в Лондон для личного знакомства с Севой Новгородцевым. Он участвовал в передачах, рассказывал о деятельности НОРИС и норисменов, о выпуске журнала «Рок-посев» и других текущих делах и проблемах.

Однажды Сева Новгородцев получил письмо. Автор пишет: «Здравствуй, Сева! Попалась мне в руки брошюрка «Яблонево́й сад». Дальше цитирую книгу. «Сорт яблок – Норис. Выведен в результате скрещивания сортов «Осенний полосатый» и «Макинтош». Дерево среднерослое, с густой кроной. Листья среднего размера, опущенные. Плоды средней величины, мякоть нежная, сочная, кисло-сладкого вкуса. Сорт среднезимнеустойчивый, сравнительно устойчивый к болезням. Плодоносит на пятый год после посадки».

Комментарий Севы Новгородцева: «Сращивание осенних волосатых с английским макинтошем, среднерослость, густая крона, опущенные листья и в ближайшие три года (потому что два из пяти уже прошли), плодов не жди. Ну, это уж точно про наш НОРИС».

НОРИС организовал 9 июля 1990 года съезд с приглашением Севы Новгородцева на празднование его 50-летнего юбилея. Съезд прошел с помпой и взаимным удовлетворением сторон. Летом 1991 года НОРИС был зарегистрирован в Москве как официальная организация, юридическое лицо. Так пассивная часть рок-культуры, ее потребители, аудитория, становилась активным участником процесса.

Профессия - битломан

А какие формы принимает такая активизация, хорошо видно на примере Коли Васина. Нельзя не упомянуть об удивительном путешествии Коли Васина осенью 1989 года в Великобританию. Напомню, что он – главный битломан бывшего Советского Союза. В журнале «Нева» в 1988 году про него была напечатана повесть В.Рекмана «Кайф», в которой один из протагонистов предстал под именем Вася Колин. В том же году Коля Васин читал на «Би-Би-Си» свою повесть о «Битлз», о музыке, о себе.

Существует в Америке ассоциация под названием «Elvis Yours» – «Элвис ваш». Ее филиал есть и в Великобритании. В том году ассоциация решила пригласить поклонника рок-н-ролла из СССР. Естественно, что выбор пал на самого

известного битломана. Рассказ об этом путешествии человека по профессии битломан и был на одном из «Севаоборотов». Он у меня даже сохранился в напечатанном виде.

Рок-журнал

Среди всех известных мне рок-журналов нет такого, который бы вышел раньше 10 ноября 1971 года. Повторяю, известных мне. Эта дата стоит на обложке. Именно в тот день для меня размножили журнал в количестве 16 экземпляров. Вот сейчас передо мной единственный уцелевший экземпляр, который я не видел много лет и считал, что никогда его больше не увижу. Но неисповедимыми путями он нашел дорогу к своему издателю и редактору, минуя массового читателя.

Название журнала «Поп Мэгэзин» или, по-русски, «Поп-журнал». На обложке помечено: поп-клуб, Вологда. В действительности никакого поп-клуба еще не было. Я и Юра Ефремов, который помогал мне в выпуске журнала, считали, что главное – создать объединяющий, консолидирующий печатный орган, а потом к нему приложится поп-клуб. Однако, по независящим от меня причинам (формулировка, скрывающая все, но объясняющая многое), больше не вышло ни одного номера. Большая часть тиража ушла в Питер, наверное, у кого-то он еще сохранился.

Расплата

Кадровичка конструкторского бюро, где я работал, сообщила мне, что меня вызывают в ректорат. Она, как опытный работник, сразу смекнула неладное и допытывалась у меня: «Зачем, зачем вызывают?». Я говорил, мол, не знаю. Хотя, конечно же, догадывался. В кабинете сидел ректор, секретарь парткома, председатель месткома и завкафедрой марксизма-ленинизма. Ректор держал в руках «Поп-мэгэзин». «Зачем выпустил журнал? Что, читать больше нечего?». «Да, - говорил я, - о чем там написано, о том прочитать больше нигде». «Но ведь это никому не нужно!». Я не спорил, действительно, лучше слушать музыку, чем о ней читать. «Зачем длинные волосы носишь? Вот мы же не носим». И тут они были правы. Все они, кроме одного, были лысые. «Будешь еще выпускать журнал?» Я сказал, что нет. Я знал, что мое

обещание в отчете о проделанной работе уйдет в КГБ, и я не хотел доставлять неприятности отцу, который в то время занимал довольно высокий пост. Я не стал активным диссидентом, но фига в кармане была всегда.

Рок и книги

В те годы в СССР началось издание 200-томного собрания всемирной литературы. Я подписался по благу и выкупал все выходящие тома и тут же прочитывал их. Любимое занятие – зима, за окном мороз, кресло, на ногах валенки для уюта, рядом радио, в руках толстая книга Гофмана, Стерна... Из приемника «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Бич Бойз», «Холлиз»... и много, много, много других групп и книг. Это был один из моих университетов.

Севаобороты

Я их слушаю с первого выпуска. Это передача, у которой, вопреки теории эволюционного развития систем, отсутствует деградация, декаданс. Эта передача, первоначально называвшаяся молодежной, по сути таковой и остается по сей день. Передача, которая утверждает свою правоту не доказательствами, а уходом от них, убеждая тем самым в относительности истин. Уклонение от остроты споров мастерски демонстрирует Сева, подкупая даже не согласных с ним своей непритворностью и честностью. По своей природе рок и Сева синонимы, поэтому рок-посевы и Севаоборот всегда будут достоянием истории и культуры. Передача демонстрирует мировоззрение, находящееся в ладу с природой, которая не стремится к упорядочиванию, а наоборот, к хаосу – потому-то она и называется «севаоборот». Как рок-посевы – вспомогательный инструмент познания искусства и музыки, так и Севаоборот – инструмент познания природы и общества. Не удивительно, что осознание этого пришло в год 25-летия рок-посевов и 15-летия Севаоборотов.

Я на этом заканчиваю, потому что надо где-то остановиться, хотя сделать это трудно. Не обо всем еще написал. Не написал о Джоне Пиле, о «Top Twenty» и «баллистике популярности», о «Morning Star», о панк и теории катастроф, о генезисе декаданса

в рок-музыке, о рок-музыке как творческой лаборатории, о моей изобретательской, научной и литературной работе как следствии интереса к изобретательному британскому року. Все, о чем я пишу, для меня очень важно, потому что речь идет о том, что такое британский рок 60-80х годов XX века, как он смоделировал для меня закономерности процессов развития эстетики и искусства. Я не учился на искусствоведа, но все, что я знаю и понимаю в искусстве, почерпнуто методологически именно из британского рока. Когда-нибудь, наверное, я напишу книгу, хоть Сева и не любит тех, кто книги пишет, тем более что в рукописном виде она наполовину уже существует. Здесь же собраны в конспективном виде только отрывки из нее, относящиеся к славному юбилею рок-посевов.

Двойная фантазия.

Перевод альбома Джона Леннона и Йоко Оно

У каждого человека есть, по меньшей мере, две судьбы. Одна та, которую он прожил сам, а вторая – как она воспринята другими. Можно прочитать сотни критически статей о Ленноне, но так и не понять его. Можно прочитать все его интервью, но и они никогда не поставят все точки над «і».

То же самое можно сказать и про Йоко Оно. Они для нас больше мифы, чем живые люди, если о них только читать. В живых они превращаются, когда слушаешь их музыку. Например, альбом «Двойная фантазия».

Есть миф о Тристане и Изольде. О Ромео и Джульетте.

История любви Джона и Йоко самая необычная и одна из самых удивительных. Чем различается любовь между представителями одной и разных национальностей знает только тот, кто испытал и то, и другое. Например, Джон Леннон.

Чем отличается любовь мужчины к женщине младше себя и намного старше себя знает только тот, кто испытал и то, и другое. Например, Джон Леннон.

Можно написать еще два десятка абзацев такого рода о Джоне Ленноне, как одном из протагонистов легенды о Джоне и Йоко.

Библиография о Ленноне огромна. Легенду о Джоне и Йоко писали они сами. В каждом альбоме Джона есть песня о Йоко.

Джон и Йоко – разрушители стереотипов.

Говорят, что любовь – это не беседы по разные стороны одного стола. Джон и Йоко полюбили друг друга во время таких многочасовых бесед. Чтобы сохранить Джона, Йоко изгнала его в Калифорнию на 1,5 года, чтобы он «выгулялся». Позволила ему вернуться после того, как он «созреет», по его мнению.

Йоко природно мудра. Ее мудрость основана на тонком чутье, позволяющем не всегда срабатывать чувству меры там, где традиционно оно должно быть. Чисто японское свойство.

Это давало повод навешивать на Йоко еще и грех разрушителя «Битлз».

Люди никогда не понимают, что искажая судьбу своего недруга, они искажают свою собственную судьбу. Или даже коверкают. Такова участь клеветников и сплетников. Если бы всем людям научиться жить с оглядкой на число человеческое...

Эта книжка маленькая. Однако для такой маленькой книжицы нужно и скромное предисловие.

Абсолютных истин в любви и рок-музыке нет. Поэтому на данное предисловие не стоит ссылаться как на фактобиографию. По идее здесь не надо бы писать фразы, которые не обладают двусмысленностью. Безапелляционные заявления в любви и рок-музыке вредны и, как правило, ошибочны. В связи с этим автору предисловия приходится ограничиваться размышлениями вокруг да около. Или наоборот только констатировать. Например, у Мика Джагера есть друзья: Пол, Джордж и Ринго. Те же друзья вместе с Джагером и у Йоко. Да и то с опаской можно об этом говорить. Ничего нельзя идеализировать.

Итак. Книжка содержит тексты песен альбома «Двойная фантазия», точнее подстрочный перевод песен. Поэтому русский текст не обладает той выразительностью, какая звучит в английском. Да это и не обязательно, потому что музыка говорит сама за себя и лучше держать перед собой эти тексты во время прослушивания альбома «Двойная фантазия»!

Дж. Леннон: НАЧИНАЯ СНАЧАЛА

Наша жизнь вдвоем драгоценна,
Мы повзрослели,
И, хотя наша любовь уже несколько иная,
Давай воспользуемся шансом
И улетим куда-нибудь вдвоем.
Уже давным-давно,
Как мы живем, никого не осуждая,
Я знаю, время летит слишком быстро,
Но когда я вижу тебя, дорогая,
Мне кажется мы опять влюблены,
И мы как бы начинаем сначала.
Каждый день мы занимались любовью,
Почему бы нам не сделать ее приятной и простой.
Настало время расправить наши крылья
И полететь,
И не пропустить ни дня, моя любовь,
Чтобы начать сначала, начать сначала.
Почему бы нам вдвоем
Не укатить куда-нибудь подальше?
Мы бы принадлежали друг другу,
Как это было в прежние дни,
Дорогая.

Й. Оно ЦЕЛУЙ, ЦЕЛУЙ, ЦЕЛУЙ

Целуй, целуй, целуй меня, любимый,
Хоть один поцелуй, но целуй.
Целуй, целуй, целуй меня, любимый,
Хоть один поцелуй, но целуй.
Что смерть?
Что жизнь?
Нежные сердца,
Холодные рывки.
Целуй, целуй, целуй меня, любимый,
Я истекаю изнутри.
Это невозможно рассказать,
Я могу только показать тебе мои мучения.
Тронь, тронь, тронь, меня любимый,

Хоть один раз, но тронь.
Тронь, тронь, тронь, меня любимый,
Хоть один раз, но тронь.
Что я?
Что ты?
Разбитое зеркало,
Белый террор.
Тронь, тронь, тронь, меня любимый,
Меня сотрясает изнутри.
Слабеющий, слабеющий звук
Детского колокольчика
В моей душе.
Целуй, целуй, целуй меня, любимый.

Дж. Леннон: ВРЕМЯ ОЧИЩЕНИЯ

Лунное сияние на воде,
Солнечное – на моем лице,
Мы с тобой вдвоем в нашем доме.
Боги и ангелы на небесах
Заботятся о нас.
Благословлением оракула
Мы совершенно зачарованы.
Вот и началось – и пусть началось
Время очищения.
Покажи другим матерям, как это надо делать,
Королева в бухгалтерии
Подсчитывает деньги,
Король на кухне
Печет хлеб и сласти.
Без друзей, но и без врагов,
Абсолютно свободны.
Никаких крыс на чудесном корабле
Этой совершенной гармонии.
Вот начинается время очищения.
Покажи другим матерям, как это надо делать.
Хотя мы далеко иногда
Путешествуем, странствуем,
Но центром круга
Всегда будет наш дом.

Боги и ангелы на небесах
Заботятся о нас.
Благословлением оракула
Мы совершенно зачарованы.

Й. Оно: ДАЙ МНЕ ЧТО-НИБУДЬ

Еда остыла,
Твои глаза остыли.
Холод из окна.
Постель холодна.
Дай мне что-нибудь, что не холодно,
Дай, дай.
Дай мне что-нибудь, что не холодно,
Дай, дай...
Стул жесткий,
Твой голос жесткий,
С деньгами туго,
Жить туго.
Дай мне что-нибудь, что не так грубо,
Дай, дай ...
А я отдам тебе мое сердцебиение,
Каплю слез и тела.
Это не слишком много,
Но пока я здесь.
Ты можешь этим всем владеть,
Можешь этим всем владеть.

Й. Оно: Я ИДУ ДАЛЬШЕ

Прибереги приятный разговор к моменту,
Когда тебе повезет.
Сохрани поцелуи в понедельник
Для своей стеклянной леди.
Я хочу правды и ничего больше.
Я иду дальше. Я иду дальше.
А ты звонишь,
Ты мне не лжешь,
Ты знал, что тебе повезло со мной в жизни,
Своими пальцами пирог не трогай,
Ты знаешь, я все вижу.

Сквозь твои разглагольствования
Я хочу правды и ничего более.
Я иду дальше, иду дальше, а мы созваниваемся.
Когда ты сердился,
В твоих глазах была любовь.
Когда ты был в печали,
В твоём голосе была мечта,
И вот теперь ты широко улыбаешься мне,
А я иду дальше. Я иду дальше.

Дж. Леннон: Я ТЕБЯ ТЕРЯЮ

В какой-то этой странной комнате
Под вечер.
Что я тут делаю?
Да. Сомнений нет.
Я теряю тебя.
Провода запутались.
Связь оборвалась.
Не могу даже позвонить тебе.
Могу только кричать о том, что теряю тебя
Под гнетом нерешительности теряюсь.
Чувствую, ты ускользаешь.
Ускользаешь.
Я теряю тебя.
Теряю тебя.
Говоришь, тебе чего-то не хватает,
Но я напомним кое-что:
Ужель, обязан адской жизни
Я посвящать себя?
Довольно страданий.
Хватит страдать.
Да, знаю, покончив с этой адской жизнью,
Тем самым боль тебе я причиню.
Так что, готова ль преступить черту?
И слышать ни о чем я не хочу.
Я теряю тебя.
Теряю тебя.

Дж. Леннон ПРЕКРАСНЫЙ МАЛЬЧИК

Закрой свои глаза
И не бойся,
Чудовище ушло,
Оно далеко, а твой папа здесь.
Прекрасный, прекрасный, прекрасный,
Прекрасный мальчик.
Перед сном прочти короткую молитву.
С каждым новым днем повсюду и везде
Становится все лучше и лучше.
Прекрасный, прекрасный, прекрасный,
Прекрасный мальчик.
По океану уплывая далеко,
Могу я терпеливо ждать.
Пока ты подрастаешь.
Я чувствую, мы будем вместе.
Только нужно быть терпимей
На этом длинном и долгом пути.
Это трудная задача
На этом длинном и долгом пути.
Но тем временем ...
Прежде, чем перейдешь улицу,
Возьми меня за руку,
И то, что ты сейчас занят
Своими разными делами,
Все это называется жизнью.
Прекрасный, прекрасный, прекрасный,
Прекрасный мальчик.
Дорогой, дорогой, дорогой.
Шон.

НАБЛЮДАЯ КРУГОВОРОТ

Я говорю им, что с этим не спешу,
Я только сижу,
Время провожу,
Наблюдаю коловращение.
Я и в самом деле люблю
Наблюдать их вращение.

Сам я не катаюсь на каруселях,
Я только запускаю их ход.

Й. Оно: Я ТВОЙ АНГЕЛ

Да. Я твой ангел.

Я отдам тебе все,

Что в моей магической силе,

И как пожелаешь,

Я сделаю настоящим для тебя.

Тра-ла-ла.

Да. Ты мой волшебный,

Ты даешь мне все

И более того, что

Я ждала от жизни

И только я пожелаю,

Для этого есть ты.

Тра-ла-ла.

Мы верим в тыкву,

Превращающуюся в принцессу,

Верим в лягушку.

Превращающуюся в принца.

Мы верим в покровительницу Луну,

Когда мы домой спешим до полуночного боя.

Тра-ла-ла.

Да. Я-таки приятна,

Ты так головокружительна.

Каждый день мы счастливы.

Только захотим,

Все превращаем в настоящее.

Я у тебя в кармане.

Ты у меня в медальоне.

Мы так счастливы каждый день.

Только захотим,

Все превращаем в настоящее.

Мы верим в дома,

Возведенные в небесах.

Любим, когда уносит нас ввысь.

Мы верим в солнце,

Которое освещает наши плечи
И сводит их вместе.
Тра-ла-ла.
Да. Наши сердца едины.
Наши тела тоже.
Это всегда так хорошо.
Только захотим,
Все превращается в настоящее.
С днем рождения, моя любовь,
Я твой ангел,
Я отдам тебе все,
Что в моей магической силе.
Только изъяви желание,
И я реализую это для тебя.

Дж. Леннон: ЖЕНЩИНА

Женщина, я с трудом могу выразить
Мои смятенные эмоции и свихнутость,
Ведь я у тебя в вечном долгу.
Женщина, я постараюсь выразить
Мои глубинные чувства и благодарность
За то, что ты мне показала
Суть процветания так хорошо.
Женщина, я знаю, ты понимаешь,
Что внутри мы - маленькие дети.
Помни, пожалуйста,
Моя жизнь в твоих руках,
Так держи же, женщина, меня
Ближе к своему сердцу.
Однако и расстояния нас не отделяют,
Начертано все это на звездах.
Женщина, позволь мне объяснить,
Я всегда избегал быть причиной
Твоих страданий и печали,
Так позволь мне снова говорить с тобой
Снова, снова и снова.
(Люблю тебя и буду любить всегда).

Й. Оно: ПРЕКРАСНЫЕ МАЛЬЧИКИ

Прекрасный мальчик
Со своими игрушками,
Ты смотришь на мир,
Тебе всего 4 года,
И слезы у тебя текут,
Даже когда ты смеешься.
Пожалуйста, никогда
Не бойся плакать.

Прекрасный мальчик
Со своими развлечениями,
Умом ты изменил мир,
Тебе уже 40 лет,
Все получил сполна,
Но чувствуешь что-то пусто...
Не бойся летать.

Все вы прекрасные мальчики
Придумываете разные игры.
Вам нравится отгородиться в своем мире
И успокоиться под старость.
Вы можете носиться от полюса к полюсу,
Но никогда не раните свою душу,
Не бойтесь впасть в ад и вернуться,
Не бойтесь впасть в ад и вернуться,
Не бойтесь бояться.

Дж. Леннон: ДОРОГАЯ ЙОКО

Даже после всех этих лет
Я теряю тебя, когда тебя нет здесь.
Я хотел бы видеть тебя здесь,
Моя дорогая Йоко,
Даже если один день.
Я теряю тебя, когда ты уходишь.
Я хотел бы видеть тебя здесь,
Моя дорогая Йоко.

Даже если только одна ночь.
Я теряю тебя и чувствую себя виноватым.
Я хотел бы видеть тебя сегодня вечером,
Моя дорогая Йоко.
Даже если это только час.
Я стану как увядший цветок.
Нет в мире ничего подобного нашей любви,
Моя дорогая Йоко.
О, Йоко,
Я никогда не дам тебе уйти.
Даже когда я странствую по морям,
И нигде нет пристанища,
Твой дух хранит меня,
Дорогая Йоко.
Даже если я смотрю телевизор,
То и в нем хотел бы видеть тебя,
И никто не ляжет рядом со мной.
О, Йоко,
И никогда не дам тебе уйти.
Даже после всего этого времени
Я теряю тебя, и солнце не светит
Без тебя я теряю разум,
Дорогая Йоко.
После всего, что я сказал и сделал
Мы двое – единое целое,
И богиня улыбалась нашей любви,
Моя дорогая Йоко.

**Й. Оно: У КАЖДОГО МУЖЧИНЫ ЕСТЬ
ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ЛЮБИТ ЕГО**

У каждого мужчины есть женщина,
Которая любит его,
И в дождь, и в солнце,
И в жизни, и в смерти,
Если он только найдет ее, пока жив,
И прижмет свое ухо к ее груди.
Почему я скитаюсь, зная, что ты один?
Почему с смеюсь, в то время как хочу плакать?
У каждой женщины есть мужчина,

Который любит ее
В ее взлетах и падениях,
В ее жизни и смерти,
Если она найдет его, пока жива.
И она узнает, когда посмотрит в его глаза.
Почему я скитаюсь, зная, что ты один,
И почему я бегу, чтобы обнять тебя?
У каждого мужчины есть женщина,
Которая любит его,
Он узнает об этом, если он найдет ее,
Пока жив.

Дж. Леннон: ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА ПРОШЛИ

Бывало тяжело,
Но теперь стало легче.
Тяжелые времена прошли,
Прошли ненадолго.
Листья блестят под солнцем,
И я улыбаюсь про себя,
Ты и я смотрим на других на углу,
Машины и автобусы,
Самолеты и люди проходят,
А нам все равно,
Мы хотим узнать в глазах друг друга,
Что тяжелые времена прошли...
Было очень тяжело,
Но теперь стало легче.
Тяжелые времена прошли ненадолго.
Потоки блещут под солнцем,
И я улыбаюсь про себя,
Мы гуляем на перекрестке.
Тяжелые времена прошли,
Тяжелые времена прошли,
Тяжелые времена прошли ненадолго.

СЕЛЬСКИЙ АЛЬБОМ

(Стихи печатаются по пятому изданию)

Предисловие к 1 изданию

В сборник включены наиболее неизвестные стихотворения Сергея Фаустова. Собранный автором богатый поэтический материал дает яркую картину. В книге убедительно раскрывается его представление о жизни в деревне и о его месте на Земле.

Предлагаемая читателю книга может вызвать собой довольно незначительный интерес как для литературоведов, так и для студентов соответствующих специальностей. Выход в свет этой книги - обычное явление в отечественной, более того, российской литературе, которое не нарушает привычных традиций.

Думается, однако, что ответственность за все недостатки данной поэзии несет, естественно, автор.

1984

Предисловие ко 2 изданию

Скажу честно, за последние годы редко открывал книжку стихов Николая Рубцова. И вообще, вспомнил о нем только в его родной деревне Никола. Поэтому стихи рождались не под его влиянием, за исключением пары использованных по памяти фраз. Но уже позже попала книга мемуаров о поэте. Для себя я его открыл заново. Так вот сейчас мне уже реально кажется, что, если бы не было Николая Рубцова, его поэзии, то не было бы и первого издания этого сборника! А выход второго издания вообще неожиданный. Тираж первого разошелся мгновенно. Что будет со вторым - неизвестно.

1985

Предисловие к 3 изданию

В отличие от предыдущих, в данном издании произведена перекомпоновка отдельных узловых составляющих сборника, а также стилистическая и орфографическая модернизация (в том числе и в стиле постмодернизма), и шлифовка отдельных деталей с помощью коллег из литературно-шлифовального цеха.

1986

Предисловие к 4 изданию

В состав настоящего четвертого издания книги "Сельский альбом", наиболее полный, по сравнению с тремя предшествующими, входят кроме стихов автокомментарии и пародии. Данное издание выходит почти через пять лет после выхода первого, выходит в годы перестройки и гласности, в то время как то, первое, выходило еще в годы застоя. Это накладывает определенный отпечаток. Но об отпечатке судить читателю. Я участвовал в самиздатских сборниках "Дверца", которые выходили в конце 80-х годов. Выступал с чтением собственных стихов в Харовской районной библиотеке (вместе с группой вологодских поэтов в рамках культуртрегерства: Андреем Коковым, Ираидой Метляевой, Ольгой Смирновой (Кузнецовой), Александром Лукиным, а также в институте "Вологдагражданпроект". Это было в конце 1988 года.

1989

Предисловие к 5 академическому изданию

Теперь уже ясно, что этот сборник переживает эпохи. Ныне на дворе стоит 1997 год. Десятилетие первого издания посвящается...

1997

СЕЛЬСКИЙ АЛЬБОМ

Экспериментальные ранние стихи

На родине Рубцова

О родине Рубцова
Хочу сказать,
Но с самого начала
Я не могу найти такого слова,
Чтоб это не было печально.

"Тихая моя родина" -

Так говорил поэт.

Я повторю. И в этом повтореньи

Начало и конец стихотворенья. (1986)

* * *

Здесь жил поэт.
В бурьяне дом.
Ни окон в нем,
Ни крыши нет.
Весь чернотой
Заполнен он.
Здесь жил Рубцов...
А вот заросшая тропа,
Она вела когда-то на крыльцо,
Но след народа в ней пропал.
1986

* * *

И вот я в деревне Никола,
Живу рядом с домом Рубцова.
Смущенья стихом не могу избежать
И сборник стихов начинаю писать.

Скоро я из деревни уеду,
И в движении улиц лихом
Город праздновать будет победу
Строгой прозы над вольным стихом.
1986

* * *

Я приехал из города
Под бревенчатый кров.
И с тоской чешу бороду
У поленницы дров.
Здесь просторы с порога
К горизонтам разлиты.
Только тесно в душе
Мне без Даши с Никитой.
Под бревенчатым кровом
Эти дни здесь прожиты.
Сочиню с добрым словом
Сказку Даше с Никитой.

Сказку русского леса
Про медведя, козлят,
Колобка и лису,
И про трех поросят...

О делах хлопочу,
Шутки, смех позабыты.
Посмеяться хочу
Вместе с Дашей, с Никитой.
1986

Да здравствует работа!
Живя согласно неизбежному
И избегая невозможного,
Вы проживете жизнь свою
Без драм и чувства ложного.

И думал я: "А может все не так?
И может быть не в том забота?"
И взяв пилу, топор, стамеску и тесак,
Воскликнул я: "Да здравствует работа!"
1986

Встреча

Вот опять я приехал в деревню,
Чтоб работать. Бороться с тоскою.
Ноне сельская жизнь современна:
Частный факт бытия городского.

Я ходил по селу молчаливо.
И скотина в деревне молчала.
Но корова одна у гумна замычала,
Когда утром меня повстречала.

* * *

Сяду на траву,
Обопрусь об пень.

В окружении леса
Буду целый день.
Мне не надо кресла,
Музыки не надо.
Надо мной нависла
Воздуха громада.
Как азы науки
Изучаю лес.
Повторяю звуки
Всех лесных чудес.
Пенье птиц вблизи
И издалека,
В воздухе висит
Голос пастуха.
Шорохи травинки,
Вечный ветра шум.
На две половинки
Мысль распотрошу.
Первая - о теле,
Вторая - о душе.
Здесь на самом деле
Первая - душа.

1984

* * *

Тихо в избе. За окошком сирень.
Скучно в деревне без воя сирен.
Трактор на поле. Навоз на поскотине.
Скучно в селе без толпы многосотенной.

Пес развалился под плетнем у ржи.
Скучно в деревне без сплетен и лжи.
Скучно без спешки, очередей,
Без светофора и давки в автобусе...
Филю спросил я о жизни его.
Может, живет веселей моего.
Он мне сказал: "А о чем говорить?
В нашей деревне не скучно мне жить".

1986

Элегия

Я иду деревенской дорогой.
На полях урожай небольшой.
Мои ноги в немом монологе
Отмеряют версту за верстой.

Я б стихи сочинял
или песню пропел,
Ведь дорога пустынной казалась,
Но я в жизни своей не певец, не поэт,
А в душе, как в ногах - усталость...
1986

К пропаже очков

Как прошлое не возвратить,
Так и пропажу не превратить в находку.

Я в колодец заглянул
На отражение свое
Смотрел... И что-то вдруг
Из моего кармана
Вниз полетело прямо.
Я вслед смотрел и
Ничего не мог поделать.

То, что для меня было пропажей,
Было находкой отраженью моему.

Колодец памяти события воскрешает,
И это хоть меня немного утешает.
1986

* * *

И подумалось мне: дай потрогаю,
(У скотины глаза так бездонны).
И одною рукой потянул я за рог ее...
И был рог тот теплее ладони.

Вот так встреча - простое общенье -
А была для меня обновленьем,
Неповторимым мгновеньем
Из жизни на этой Земле.
1986

* * *

Я много вижу,
Но кроме слов.
Я много слышу,
Но кроме слов.
Я чувствую - опять слов нет.
Все это многозначно дает ответ
Без слов: я - не поэт?

Но я могу найти цвета и краски,
И на гармошке песню подобрать,
Могу и просто помолчать,
И новым человеком
новый день начать
Со слова : "Начинается...".
1987

К вопросу о сливках

Я сливки пил.
Они желтее мела.
В деревне жизнь моя имела
Здоровый вкус, особый смысл:
час сливок.
Бог даст, и впредь
жизнь сложится счастливо.
1984

Чтение

Вот и снова целую треть
Дня ясного январского
Читал я Достоевского.

Читал я "Бесов",
А при желании
И "Преступление с наказанием"
Мог полистать не торопясь,
Небрежно в кресле развалясь.
1984

Пародии на Фаустова

Николай Елсуков

Подражание С.М

Воскликну я:
"Да здравствует работа!
Да здравствует час сливок
и стихов!"
Возьму пилу, тесак,
А может кто-то
Подсунет пишмашинку -
я готов.

Татьяна Бычкова

С.М.

Ритмы Космоса и пульса,
Время знаний и страстей,
Ни к чему словесный мусор
Всех стихов и повестей.
В каждом слове - доля правды,
В каждой правде - привкус лжи.
Исключения из правил
Как крутые виражи.
Непорочность и порочность,
Слабость силы, блеск и тьма
И фатальная непрочность
Стройных доводов ума.

АРКИ. Экспериментальные стихи**Матричный принтер**

Я вижу и слышу тебя:
Ты матричный принтер!
В который не вставлен лист бумаги.
Теперь, нажимая на твои клавиши,
Я понимаю, что это пустая трата времени.
И даже новая лента,
Которую я заправил
В твои волосы,
Оставляют бледный след
Воспоминаний
О прежних словах.

Любовник**1**

Когда
я смотрел
на тебя,
я очень краснел,
от того, что
сильно ты
любила меня.
Лет много прошло,
как мы
были вместе,
и ты ушла от меня.
Смотри,
как волнуюсь я,
вспоминая
твои касания.
И теперь я
просто любовник.

2

Вечер наступил,
Я к окну не подхожу,
Там закат солнца
И вечерняя зорька.

Утро пришло.
Я к окну не подхожу.
Там солнце светит
И соловьи трещат.

Весь день не подхожу
К окну - я сижу
В шифоньере.
Я просто любовник.

3

Река велика, река глубока.
Чудо-вода течет.
Ай, хорошо!

Люди купаются в реке,
Брызги, визг и свист.
Ай, хорошо!

Сосны густоиглые
В тайге растут.
Ай, хорошо!

Воду взмутили, рыбу прогнали,
В воду писают.
Ай! нехорошо.

Гвозди в сосны вбили,
Пилы визжат.
Ай! Нехорошо.

Хорошо в реке, хорошо в тайге,
Ты визжишь и я -
Твой любовник.

4

Бежали люди прочь от зверя.
Поднимались люди в гору,
Под названием Чучур-Муран.

Зверь не бежит в гору.
Зверь бежит в лесной распадок.
Прячутся звери,

Поднимаются люди.
Люди, звери побежали.
Стоит гора Чучур-Муран.

Люди поднимают ружья,
Звери поджимают хвосты.
Бегом, бегом...!

«Не стреляйте в меня,
я просто любовник
С горы Чучур-Муран».

5

Лена - чистая река
В густоте тайги.
Занесло-то как,
И не подойти.

Были нужными слова,
Сказанные вдруг.
Стали лишними слова,
Вызвали испуг.

Лена - чистая вода.

Так некстати на глаза
Навернулась да
Моя чистая слеза.

6

С горы мы славно сваливались,
В реке словили хариуса,
В котле уху сварили,
Цветами одарил я
Любовь мою..!

Под звуки Страдивари
На даче архивариуса
Мы мало разговаривали,
Но много раздевались.

Я -

Мужчина начала третьего тысячелетия.

Я демонстрирую исчерпание ресурсов
во всех сферах человеческой деятельности.

Я занимаюсь наукой, но у меня нет успехов,
как их нет ни у кого.

Я исполняю музыку, но она никому не нужна,
потому что у каждого своя.

Я сочиняю стихи, и они тоже
никому не нужны.

Я пишу книги, но их никто не читает,
никто ничего не читает.

Я обучаю студентов в университете, но,
оказывается,

Я - архивариус знаний XIX века,

Я - музейный работник в храме науки,

Я вижу, что студенты это видят и им скучно.

Я пишу картину маслом, но она никому не нужна,
кроме одного случайного человека и он ее купит.

Я снимаю фильм, но я его могу показать только
друзьям.

Я изобретатель, но мое изобретение
будет скорее прикольным, чем востребованным.
Я имею сто талантов, но ни один из них не
реализуем.

Кроме одного, что Я - любовник.

И лишь это меня утешает и то, только потому,
что моя любовница - женщина,
которая гибче, чем я, здоровее, чем я
красивее меня, музыкальней меня
поэтичней меня,

у нее память лучше моей,

У нее все чувства тоньше моих,

Она меньше курит и пьет.

Она не делает того, на что претендую

Я в своих амбициях, и она права.

Она прощает меня за то, что я такой.

И будь я хоть семи пядей во лбу,

она спокойней и мудрее меня,

потому что она, женщина,

видит, что я не виноват

и нам вместе надо пережить

эту эпоху. Женщина -

утешение окаянной эпохи.

ЭМОТИКОН

Я ехал в поезде из города

Великий Устюг, где Дед Мороз
был, якобы, рожден.

Со мной в купе еще один мужчина,

с которым, бросив пару фраз,

замолкли сразу, все поняв,

что мы не будем

общительными пассажирами сейчас.

Он стал читать свой исторический роман.

Но солнце из окна сморило его быстро

и он, упав главой на книгу, задремал.

На станции с названьем «Котлас Южный»

наш поезд очень долго простоял.

В тоске и скуке смотрел в окно я,

наблюдая прибытие другого
поезда с названием «Заполярье»,
который шел в Москву из Воркуты.
Из некоторых окон смотрели лица,
такие ж скучные, как и мое.
В одном из них мелькнула женщина.
Мне показалось, была она
то ль в шляпке, иль панаме.
А может, был ночной колпак такой.
Неясно, да все это неважно.
Но мы заметили друг друга
и временами смотрели,
проверяя, не исчезли ль
из полей зрения своих.
Я начал делать вдруг движения
бровями, потом губами,
как будто что-то говорить хотел.
Затем стал строить рожицы,
И делать пальцами уродство носа,
ушами хлопать,
растягивать свой рот, выпучивать глаза,
мешки глазные вниз тянуть
а кончик носа кверху,
раскачиваться в припадке ярости
и страстного дразнения.
Меня никто в вагоне не видал.
И пассажиров было мало,
сосед мой крепко спал.
Я знал, что с ней, с той женщиной,
глядящей на меня, нам больше не встречаться,
Мы не увидимся, забудем друг о друге.
Но вот сейчас, вот в эту хоть минуту -
какое развлечение, взрыв, эмоция,
и расширение сосудов,
выброс адреналина и азарта -
Как я надеялся – для нас обоих.
Потом мой поезд дернулся
и медленно пошел.
К подушке я прилег и принялся читать

статьи лауреата нобелевской премии.
Спустя минуту я уснул,
придав купе привычный вид
обителю для дальних странствий.
Проснулся, когда уж сумерки
стояли за окном
и свет в вагоне казался слишком тусклым.
Мне есть хотелось, и я пошел в разведку
К вагону-ресторану, чтоб узнать,
Меню и предложенья к ужину.
Конечно, было у меня печенье к чаю,
но мне хотелось острого,
соленого или кислого,
или горького с аджикой, перцем и горчицей.
Пройдя вагонов пять, я вдруг столкнулся
лицом к лицу с той женщиной,
которую успел уж позабыть!
Была она в той шляпке,
смотрела прямо на меня.
И челюсть у меня отвисла.
Сказал я: «Здравствуйте!»
с таким учтивым видом
и готовностью, как будто
были мы давно знакомы.
И дальше я пошел.
При этом по моей спине
между лопатками
бежали холодок, мурашки.
Вспыхнуло лицо, зардели уши.
И только тут-то до меня дошло,
что – как же мог об этом я забыть! –
мой поезд устюгский
с перрона выходил коротким,
всего лишь три вагона, и были
прицепными к тому злосчастному,
имевшему название «Заполярье»!
В ресторане я тер виски и лоб
ладонями, стараясь выдавить
и стыд, и неприятность,

и я забыл уже, зачем пришел
и что мне надо тут.
Я думал лишь о женщине и взгляде,
который было мне не прочесть.
В растерянности за стол я сел
и заказал официантке
стакан двухсотграммовый
сорокаградусной и знаменитой
великоустюгской «Дедоморозной».
Ее я выпил в два приема
и захотелось выкурить мне сигарету.
Пока стоял я в тамбуре, смотрел в окно,
спокойнее мне стало.
Один вопрос сверлил мне мозг, один вопрос -
А что произошло? Что? Ничего. Да нет!
Ведь ровным счетом ничего.
Я бросил сигарету, назад отправился.
Пройдя вагонов череду до середины,
Я вновь столкнулся с ней,
такой знакомой и близкой женщиной,
которой пришлось мне посвятить
мучительнейшие, горькие страдания,
И столько передумать, пережить.
И тут какой-то бес меня заставил
засунуть большие пальцы в рот,
Его расширить,
мизинцы оттянули веки,
два приседанья сделав,
я удалился.
Когда же я пришел на место,
сосед уже проснулся,
и с ним я начал говорить
о том, о сем, о чем он мог
мне рассказать и я ему.
А я тем более, теперь
мне не было преград в общении -
я мог сказать и показать
любой эмотикон.

ПОСВЯЩЕНИЯ ФАУСТОВУ. «И ВСЕ ЭТО О НЕМ»

Алексей Чесноков (Санкт-Петербург)

Над Швенчёной свет свободы,
Яркий, как метеорит.
Про литовскую природу
Таблер в рифму говорит.

Через сайменские воды
Проплывает рыба-кит
Коков финскую погоду,
Как себя боготворит.

Жизнерадостные краски
На предгория Аляски
Гозун густо будет класть.

А у Фаустова страсть -
Это устричные пляски,
Да хозяйственная часть.

Фаувала

Старый, верный Ф.А.Устов
Проводил покойно время
В чашах Вологды зеленых,
На полянах Фаувалы.
Но пришло лихое время
Недород, и пива нету.
В домотканых два баула
В три мешка из пестрой тряпки
Он кладет краюху хлеба
Зубочистильную щетку
Перочинный острый пукко
Восемнадцать банок пива

И четырнадцать рубашек –
Коконена контрабанда.
И пошел веселый Устов
В Хальмер-Ю, в страну тумана,
Мать свою он не послушал,
Как она ни запрещала.
Скорый поезд из Устюга -
Два вагона электрички,
Три столыпинских теплушки.
Едет день, другой день едет,
А в окне - неинтересно,
То березка, то рябина,
Куст ракиты над рекою.
Спутник был неразговорчив -
Он контрабандист из Турку
Лапенрантский мафиози
Коконен неунывайка,
Притворившись чемоданом
Он молчит, и - тучи слышат
Силу гнева, пламя страсти
И уверенность в победе
Слышат тучи в этом молче.
Так в молчании великом
Провели они пять суток.
На двенадцатые сутки
Подползают к остановке,
К полустанку «Котлас Южный»
Аккурат коли Сухоны.
Рядом пирс из двух дощечек,
Трех неструганных поленьев,
На веревке - ледакольник
Парусами наизнанку.
Вот красotka Олле Саньсон
Поглядев из ледакола
Ф.А.Устова увидев
Выпучила все глазенки,
Все, буквально, отворила:
«Гой, ты, рыцарь, Ф.А.Устов,
Ты откедова явился,

Вот Олле Саньсон, как это ни странно
Фиг разберешь, где -шутка, где - серьез,
То лепестки, то шипики от роз,
Однако все конкретно, без обмана.

Является в час предрассветный, рано,
Или в период полуночных грез,
Обоз острот, ассоциаций воз,
И нескончаемый вихрь каравана.

А если и бывает с кем резка,
То только лишь в защиту языка,
Иль глупость несусветная достала.
Тогда достанет арбалет с возка
Заложит болт катрена, для финала,
И нафиг распылит в расход нахала.

Вот Коконен, известный диверсант,
Певец озер, утесов и лисичек,
Он равнорасположен к девкам, птичкам,
Любому языку - отец и брат.

Сомнения по части цифр и дат
Рассеет, как поленницу из спичек
Тоннаж судов, размеры электричек
Растолковать кому угодно рад.

Дурного слова не слышал народ,
Но думаю, что если вдруг урод,
Стоящий даже сверху пьедестала
Какую ни будь ересь понесет
Про всюду впёртые несчастные е-баллы,
То нафиг распылит в расход нахала.

Андрей Коков

ОРГАНИЧНЫЙ БРЭЙ-БРЭНД ФАУСТОВА

Критик ругающий (как это может быть по латыни?) - это робот-критик, потому что он страдает дефицитом фантазии, не умеет читать стихотворение, написанное поэтом. Он лишен одушевленности.

Стихотворение же неподсудно, потому что автор всегда прав. Повторяю - автор всегда прав! И у поэта есть защита от критики, бронезилет, и главное - осознание того, что унижающий другого, унижает себя сам.

Критика, негативная тоже, необходима как комментарий шедевра. В эпоху же, когда рождение шедевров невозможно, а сейчас именно такая наступила (природа против человека вообще, и против поэта тоже), негативная критика бессмысленна, не конструктивна, бесполезна.

Что же делать критику - живому, одушевленному, если он не приемлет стих, если он ему не нравится? Молчать. Молчание отличает человека от робота-критика.

Фаустов, "РОБОТ-КРИТИК И ПОЭТ"

1.

Сергей Фаустов – это представитель научной сферы, который на досуге совершенно непредвзято занимается разбором и текстовых, и устных, и музыкальных форм творчества. Но является ли он критиком в полном смысле этого слова?

Критиком его назвать можно, но не нужно. Даже всезнающий Google™ не клеймит огульно Фаустова как критика. Ибо критика в её хрестоматийной форме – это вторичное и третичное пережёвывание чужого творчества, унылое

словоблудие, одобренное порциями недопереваренной желчи, происходящей от собственной недореализации.

Возможно, я утрирую. Но попробуйте вспомнить хотя бы одного профессионального критика, которого было бы приятно слушать, который помогал бы видеть явления под новым углом зрения и который блистал бы многогранным юмором? Увы. Их удел – плоская шкала. Работа с препаратами. Они втыкают в исследуемый объект свои лакмусовые бумажки и штангенциркули, и снимают требуемые показания: чёрное - белое, левое - правое, полезное - вредное, щёлочь - уксус. На выходе мы получаем вполне связанное множество проекций от проекций, но такая дезинтеграция предмета изжила себя.

Но вот чтобы проинтегрировать и спрогнозировать целостное, комплексное явление – творческую личность – для этого нужен Фаустов.

В своих статьях и высказываниях Фаустов не только выпукл и многогранен – он интегрален и фрактален. Он не только анализирует и классифицирует эманации творческого сознания – он способен обогащать дискурс меткими афористическими дополнениями и выступать в роли катализатора мыслительного процесса. Согласитесь, что дать толчок самостоятельным процессам (то, что называется в прикладной науке и в бизнес-инкубаторах "spin-off") – это уже не критика, а компетентное сотворчество.

2.

В Московской области есть такое предприятие, называется «Завод детского питания «Фаустово». Неплохая фирма, и её продукция не раз отмечена в отраслевых конкурсах, но ... но как бы ни старались тамошние брэнд-менеджеры, а брэнд «Бабушкино Лукошко» так и не потеснил пока что иностранные брэндсы с оккупированных ими позиций в сознании потребителя.

А вот Сергей Фаустов сегодня – культурное явление, органично переросшее в брэнд. Потому что ниша Фаустова на интеллектуальном рынке была свободна. Он – первый.

Что такое брэнд? Это представление, мнение, искусственно сформированное или спонтанно сформировавшееся в голове у покупателя, потребителя, читателя, зрителя. Для того, чтобы

стать брэндом, Фаустов ни разу не напрягался специально. Свойственная Фаустову естественность интерпретации явлений говорит о том, что и сам он глубоко органичен, и вписывается в любое сообщество, обладающее вкусом и склонностью к эстетике мысли, к меткому слову, к широкому кругозору, к игре ума.

Думаю, многие замечали, что креативным натурам – деловым, творческим, а в ещё большей степени научным деятелям присуща особая мозговая структура. В то время, как "середнячки" среди нас уже к 40 годам заметно утрачивают свои когнитивные способности и переходят к инерционной фазе жизни, учёный к 60 годам лишь набирает креативные обороты. Фаустов – яркий представитель такой породы людей. И это радует и вдохновляет нас, знающих его как прекрасного товарища и нестандартного мыслителя.

Отгалкиваясь от бытовавшего не столь давно развлекательно-интеллектуального понятия «брэйн-ринг» и этимологически родственного ему понятия «брэйн-сторм», я хотел бы определить стиль Фаустова как «брэйн-брэнд», типа мозговой брэнд.

Фаустов как брэйн-брэнд вступил в пору расцвета, и слава электронной среде, которая позволяет самым широким массам быть в контакте с фаустовской мыслью. Но ещё интереснее быть рядом с Фаустовым, даже не в научной, а просто в городской среде Вологды, в непосредственном обмене мыслями.

Сегодня, когда на моём личном счётчике выскакивает циферка «45», я чётко осознаю: я очень счастливый по жизни, потому что на пройденном мною отрезке пути я провёл неимоверное количество совместного времени в суперкомфортном и жизнепознавательном общении с Фаустовым – брэндом и человеком.

Суоми, 2008.

Михаил Ромм «ИНКЛЮЗ ИЗ ЭСКЛАВА»

Посвящается Сергею Фаустову

Большинство, если не все языки постоянно пополняются иностранными словами. Одни впитывают в себя подобные неологизмы легче, другие более разборчивы.

Западноевропейским языкам, которые вышли из латинского, легко питаться друг другом.

Американскому английскому языку естественно заимствовать «иностранные» слова. С такой же лёгкостью американский народ принимает эмигрантов со всего света. Однако эмигрант во втором поколении уже не отличим от остальной публики, а вот слова не теряют самобытности дольше. Вернее сказать, они не теряют собственных корней так быстро, как первое поколение иммиграции сменяется вторым.

Язык, на котором говорят в Америке, – только средство передачи информации, не более. Американский народ не создал собственный язык, а заимствовал его у англичан. А значит, ему сам Бог велел относиться к языковым правилам проще, легче. Американский народ прославился другими бесценными творениями, главное среди которых – Конституция.

Для русских язык – основное достижение и оправдание. Помните, у Высоцкого: «Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним, Мне есть, чем оправдаться перед Ним». Почему так? Из-за достоинств ли самого языка? По другим ли причинам? Не знаю. Мне кажется, есть черты, которые чисто технически помогают процветанию поэзии. Во-первых, обилие гласных звуков – это помогает мелодичности. Во-вторых, гибкость и изменчивость слов. Склонения, спряжения, приставки, суффиксы и окончания – всё служит тому, чтобы «стихийное творчество», то есть стихосложение, не иссякло. В-третьих, порядок слов в предложении не ограничен строгими правилами, как в английском. Можно начать с любой части речи и члена предложения: хоть с союза или наречия, дополнения или сказуемого. Такая гибкость сделала русский язык идеальным для поэзии. Процветание художественной литературы и стало главным вкладом русского народа в мировую культуру.

В разные эпохи русский словарный запас быстро обрастал корнями. Например, в начале XVIII века распространилась немецкая терминология вместе с реформами Петра Первого. В XIX веке модным был французский язык, а в наше время – английский. Слова приходят в русский язык отовсюду, но лишь некоторые оседают надолго. Остальные погибают, не в

состоянии адаптироваться. Есть признаки, по которым можно предсказать шансы слова на выживание в русской речи.

Последние годы Россия с особенной жадностью впитывает всё, что приходит с Запада. Эта провинциальная тенденция была всегда, но тормозилась идеологией. Когда идеология рухнула, российская культура наподобие губки стала одинаково жадно поглощать и вино, и уксус. Маятник качнуло величайшим землетрясением. Ниагара новых слов обрушилась вместе с новыми понятиями, предметами, идеями и модой. Эту Ниагару Лиля Хайлис назвала бы «поток Овна». Но маятник «качнётся вправо, качнувшись влево» (Бродский). Потом он успокоится, хоть на время. Останутся только слова, которые либо незаменимы, либо более-менее вписываются в поэзию русской речи. Например, слово «офис». Язык не повернётся величать современный фирменный апартамент конторой или служебным помещением. Офис – слово короткое, однозначное и легко произносимое. Поэтому его шансы на выживание велики.

Слово «эксклав», возможно, и существует только потому, что есть «страна Калининград». Кто знает, что случится в будущем? Например, Канада до сих пор формально является подданной английской королевы. И Австралия тоже. Но кто об этом вспоминает? Ведь они налогов не платят бывшей метрополии. А вдруг и про Калининград забудут, кому он принадлежал? Хотя с Россией всё иначе бывает. Но если вдруг забудут, то и слово «эксклав» окажется не у дел, пропадёт. Или ему найдутся другие применения? Уже нашлись, судя по Интернету. Но думаю, другие применения не выстоят. Слово корявое на русский слух, не привлекательное. Мода переменится, и слово это вымрет, как мамонт.

Со словом «иксклюз» сложнее. Оно ведь уже используется часто, особенно в форме «эксклюзивный». Обе формы корявы из-за нечитабельного слияния букв «кскл». Есть и заменитель для них: «исключительный». Это слово, возможно, само по себе родственно английскому *exclusive*, но связь эта ветхая. И контекст типа «исключительное интервью» не звучит. Возможно, зазвучит ещё когда-нибудь. Мне кажется, «иксклюз» и «эксклюзивный» – это второе пришествие слова «исключительный» в русский язык. На другом, «более высоком» (а как же!) витке спирали.

Вот такая диалектика получилась. Прямо по Канту – который жил в Кенигсберге – который нынче зовут Калининградом – который был анклавом, но стал эксклавом – в котором «продают янтарь с включенным в него насекомым» и называют это «инклюд в янтаре» – который и представляет собой не что-нибудь, а настоящий «инклюд из эксклава». Диалектика права, а грубый материализм непривлекателен. Да будет славен Иммануил Кант ныне, присно и вовеки веков. И ещё пускай творческие люди творят и вдохновляют друг друга на новое творчество, ибо «свет рождает свет» (сколько же мне повторять одно и то же?!). Аминь.

5 ноября 2002 года Сан-Диего, Калифорния

Сергей Донец

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС: 60 доктору Фаусту

*Отцвели уж давно / Харизантемы в саду
(из песен вологодского садовника)*

Парадокс доктора Фауста:

«Я лгу, что живу в нелитературной Вологде» -

1.Если он говорит правду, то живет в литературной Вологде.

2.Если он говорит неправду, то живет в нелитературной Вологде, но если он живет в нелитературной Вологде, то он говорит правду.

Появление «Харизмы» Сергея Фаустова для вологодской литературы – явление симптоматическое, поскольку в родимой атмосфере уже довольно давно носят слухи о благополучной кончине самой литературы, а она – литература – все никак не торопится «приказать долго жить». Более того: литература, как змея в линьку, меняет кожу свою – язык, - вводя новояз и бытовизмы (Г. Щекина), сверх того – она и лицо – смысл свой, и душу - назначение свое – пытается изменить (В. Архипов, Н. Сучкова). Во втором и третьем случаях – труднее, чем в первом, но и тут появляются первые результаты. Литература перестает – скорее по наитию, чем осознанно – обслуживать идеологию, а последняя уже с превеликим трудом уживается с первой, принимая измученные мифологические формы, как тоску по

черняховской культуре, уюту скифских курганов и пещерному чаду первохристиан (С.Алексеев, А.Цыганов, Р.Балакшин). В большинстве своем перечисленное, по меткому выражению господина Владимира Ульянова (Ленина), - не более чем «детская болезнь левизны». Отболит, конечно. Но антисептическое мыло и советы бывалого доктора смогут ускорить прохождение прыщей на коже у подростка, читай – в литературе, и тут наш уважаемый критик Фаустов (он же и доктор Фауст) весьма кстати выступил, тем более что у критика Фаустова есть кое-что посерьезнее обычной бытовой парфюмерии.

Если внимательно покопаться в докторском баульчике (аксессуарах критика), то можно обнаружить массу занимательных хирургических и прочих инструментов: от общей теории знаковых систем – семиотики – до аксиологии Биркхгофа, от патологоанатомического исследования поэзии до метода абсолютных истин, от психоанализа Зигмунда Фрейда до философии Людвиг Витгенштейна, от законов логики до графической интерпретации чувств и тому подобное.

У Фаустова этот набор инструментов изобличает попытку поставить диагноз болезни или констатацию отсутствия присутствия оной там, где она должна непременно быть. Это тем более ценно, что автор «Харизмы», он же доктор Фауст, не навязывает своим пациентам никаких методов лечения, действуя по принципу: «Исцелися сам».

Фаустов неоднократно подчеркивает, что он делится своими наблюдениями, прежде всего как читатель, находясь внутри процесса «написание – издание – чтение», приглашая всех желающих принять участие в харизматической жизни вологодской и даже российской литературы.

Но при всей харизме, при всем инструментари и талантах автора не все вышло гладко в представленной к новогодне–рождественским дням такого уже далекого от нас 1998 года «Харизме вологодской литературы».

Многообразие «нетрадиционных статей и эссе», читательских дневников, гипотез и философских изюминок перегрузило названный литературный труд яко лодку Харона, напрасно тщащегося преодолеть воды обильного водоворотами Стикса – читательского интереса – с одной стороны. С другой же – с

филологической и философской точек зрения – обилием проблемного материала подставило незащищенные убедительными аргументами и оттого оставшиеся спорными многие тезисы автора, касающиеся культурологии, лингвистики и психологии, под удары критиков критики.

Например, на стр. 9 «Харизмы», рассуждая об эстетической сути литературы, творчестве и психологии писателя, в один гарниз смешиваются аксиологическая оценка литературы как вещи в себе и онтологическое (бытийное) значение художественного творчества как сумма фактов-книг, материализовавшаяся (по мнению Фаустова и иже с ним) в мировоззрение читателей, совсем как у классика: «и в другие долгие дела...», являя чисто позитивистский подход – двойника марксизма – в отношении к созидательной роли искусства.

Обдумывая адекватность замысла исполнению, Фаустов вещает: «Бывает так, что автор претендовал на написание шедевра в одной сфере искусства, а на самом деле получился шедевр совсем в другой сфере эстетики» (стр. 11).

Спорить здесь не с чем: древние говорили, «мысль изреченная есть ложь».

Далее это суждение автор-критик подкрепляет аргументом «самостоятельности языковой субстанции», чтобы обосновать основной тезис доказательства: «автор всегда прав». Но и этого нашему беспокойному критику мало. Он обращается к помощи аналогии и сам загоняет себя в одну из логических ловушек, щедро разбросанных по всему стопятидесятистраничному полотну «Харизмы».

Воспользуемся методом самого господина Фаустова. Берем «Краткий словарь по логике» под редакцией Горского Д.П., и открываем на понятии «аналогия». Узнаем, что аналогия – это есть «индуктивное умозаключение, когда на основе сходства двух объектов, по каким-то одним параметрам делается вывод об их сходстве по другим параметрам» и что аналогия бывает строго научной или поверхностной – на манер аналогии в уголовном праве или художественной литературе.

Доктором Фаустом нам предлагаются четыре занимательные посылки: 1. Критик всегда считает автора правым; 2. Судья не считает подсудимого виновным до суда; 3. Мужчина считает женщину правой в силу ее женской природы; 4. Продавец

(подрядчик) всегда считает покупателя (клиента) правым. Надо определить круг совпадающих признаков у сопоставляемых суждений.

В качестве субъектов суждения мы имеем: критика, судью, мужчину и продавца (подрядчика). Допустим в качестве предикатов следующие суждения: «считаем автора всегда правым», «не считаем подсудимого виновным», «считает женщину всегда правой», «считает покупателя всегда правым». Делая выводы по аналогии, находим, что общие признаки у субъектов могут быть только половые, возрастные или расовые, что к предмету доказательства прямого отношения не имеет. Предикаты, в свою очередь, сравниваем по их основному признаку – «наличию вины». Но отсутствие вины не доказано, а покоится на декларативной формуле: «Жена Цезаря вне подозрений».

Из аналогии мэтра Фаустова можно сделать интересные выводы о критике-подрядчике и авторе-клиенте: 1) первый из них выступает в качестве судьи (смотри цитату); 2) критик первичен; 3) у автора женское начало. Отсюда напрашивается вопрос: что можно взять с автора, выступающего в роли экзальтированной суфразистки? – дефиниции доктора Фауста.

Продолжим увлекательное исследование исследования гипотезой о существовании «континуума талантливости» народов, из которой следует, что народ не может быть не талантлив, но тогда и автор как малая часть народа тоже талантлив». Но его (автора) талант при «проверке гармонии алгеброй», от таланта народа множим на одну пятидесятиллионную часть (число членов профсоюза), что приблизит номинанта к абсолютному нулю, и окажется, что автор не талантлив вовсе, совсем глуп и может быть прав исключительно в силу «божественного бреда».

Когда-то благочтимый месть Паскаль скромно высказался об истине: «... в знании нашем все отчасти истинно, отчасти ложно, настоящая истина не такова: она совершенно чиста и беспримесно истинна, примесь ложного ее уничтожает». Вывод: истина истин нам недоступна.

Месье Фаустов смело идет дальше: «Я только старался рассказать ему, автору, о том, что он написал на самом деле и как он это написал...» (стр. 12 «Харизмы» - доктор Фауст знает,

о чем говорит – будьте уверены!) По доктору Фаусту, задача исследователя литературы – определить творческий метод автора в его «спонтанном творчестве...». Так результат становится целью, метод – способом достижения цели. При этом применяется метод Илоны Давыдовой. На то он и экспресс-метод – всегда под рукой и под парами, как тот локомотив из нашего с Фаустовым пионерского детства.

Подраздел «Харизмы» - «О недостатках книги» (коккетство доктора Фауста). Критик сам обозначает проблемы и сам решает их (стр.12). Он сам себя бранит и сам себя хвалит. По аналогии почившей в бозе телепередачи Юли Меньшовой – «Я – сама...». У хохлов-братьев: «Сам пью, сам гуляю...» Желаящие могут продолжить этот харизматический ряд. Возникает вопрос (праздный): «А зачем критику еще кто-то, ему и наедине со своими мыслями хорошо...?»

Доктор Фауст согласен, что материал у него зачастую не систематизирован, но этот недостаток он обращает в достоинство, так как дает, по его мнению, другим повод написать свой вариант на тему диалогов: юриста, врача, военного, фермера, таксиста, телемастера, теплотехника, свинопаса, бандита или учителя о литературе. Можно о казино или сауне.

Знания Фаустова лицензированы еще при старом добром режиме, и потому он не комплексует, когда в числитель своей формулы ставит искусство, а в знаменатель – науку. Что-то да получится.

Выйдет следующее в отношении литературного социума:

Вологда – женское начало.

Череповец – мужское начало.

К сожалению, у мэтра приведенная дробь не раскрыта и можно только догадываться о ее скрытых движущих силах. Вся прелесть именно в этом.

«Геолитература» - заголовок в «Харизме» устрашающий, но при близком знакомстве текст вполне мил и наполнен всякой всячиной, как ветчина специями.

На стр.14 цитата-ловушка: «Каузальный детерминизм в своей устремленности к определению понятия «город»... Откликаемся на просьбу критика и переводим: «Причинная обусловленность стремится к определению понятия город...»

- Прием, братья и сестры по разуму! Кто меня слышит? Прием...

- Прием... И ти-ши-на...

Откликнулась в милой стихотворческой книжке «Мусорный ветер» только Татьяна Тайганова. Или мэтру так хотелось? Мэтр снова в собственной ловушке. Он наделяет ветер свойствами трех граций – творчества, любви, феминизма и с их помощью уносит вон мусор нашей жизни, но мусор (О, мэтр, Фаустов!) – это свобода так жить, как хочется и любовь – тоже свобода. Именно в этом контексте замечательно то, что «Бог споткнулся», чем приблизил человека к себе или сам приблизился к человеку...

«Генезис искусства». Опять у автора в ходу метод аналогии. У Ахматовой: «из какого сора растут стихи (цветы), не ведая стыда...». Из – в смысле – откуда – оттуда, а у доктора Фауста надо ветром-дыханием трех граций – сначала унести мусор, а потом растить цветы, то есть заниматься рафинированным искусством. И в этом случае механический подход к искусству помогает угодить в логическую ловушку – которую по счету! Исторические экскурсы также подводят мастера. В бытовом представлении история – как футбол. Все знают и пытаются играть.... Аналогии – параллели Фаустова: Маяковский – Тайганова, 1925 год в США и 1990 годы в России – не выдерживают критики.

1925 год. Соединенные штаты Америки. У власти президент Кулидж. Валовой национальный продукт США равен двадцати девяти национальным валовым продуктам не самых хилых двадцати девяти стран мира. До Великой депрессии еще целых четыре года, а пока всю процветает «общество всеобщего благоденствия – общество процветает...». В штатах у власти практичные республиканцы с их «курсом твердого индивидуализма».

Вывод: геолитературные аналогии доктора несостоятельны.

Для полноты зрения остановимся еще на одной ловушке автора «Харизмы». Цитата из Фаустова о выставке художника Кордюкова: «Острые согнутые грани металла обостряют чувство новизны, внедряются в психологию зрителя, потому что это острие искусства...». В этом месте у Фаустова причина и следствие легко меняются местами и потому близки другому

логическому приему – сведению к абсурду. Остриё - скорее орудие преступления, чем искусства.

Логический метод «сведения к абсурду» наиболее характерен в «Эксперименте на симметрию», где особенно ярко проявляется амбивалентность творческого метода доктора Фауста. Трудно найти в русской поэзии более полярные фигуры, чем Рубцов и Бродский, но у автора «Харизмы» оба - два поэта сходятся не только семантически – по сути, но и внешне - образно. На линогравюре «одного художника» они сливаются в портрет с «лысоватым затылком» - как два поэта в одном докторе Фаусте. В этом, видимо, сказывается общая тенденция вологодского менталитета, склонного к поискам утраченных иллюзий то ли в виде нобелевских лауреатов, то ли золота партии, то ли в языческой природе пращуровых корней.

«Эксперимент на симметрию» - одна, на наш взгляд, из самых сильных глав «Харизмы». Было бы некорректно объяснить это лишь гипнозом великих имен – Рубцова и Бродского. Это присутствует, но есть и другое – крылатый полет исследовательской мысли над «холмами задремавшей отчизны». Физические параллели – вершины рельефа местности и «температурные холмы» поэзии столь разных поэтов одинаково проносятся под нами и над нами через мрак, тьму и мынесемся вместе с ними «вдоль оврагов пустых», «тю замерзшей траве» сквозь «сны неподвижных больших деревьев» от «песчаного дна» - точки отсчета, из зазеркалья, нежизни – во Вселенную, в ту самую вечную и оттого настоящую жизнь.

В названной главе раскрывается одна из особенностей Фаустова – проникать в чужое глазное яблоко и капилляры кровеносных сосудов и оттуда высматривать мир, объясняя последний своими – Фаустовскими – словами.

К нашему сожалению, объем статьи не позволяет пуститься в увлекательное путешествие по граничащим с виртуальной реальностью эпистемологическими лабиринтами доктора Фауста... «Харизма» дает столько пищи для размышлений, наслаждений и неожиданных открытий, что можно десять, двадцать или тридцать «Харизм» насочинять по поводу «Первохаризмы».

Плюс еще одна особенность книги Фаустова – плод зачат и выношен в положенные сроки и потому рожден и развился

умненьким, здоровым и многообещающим ребенком, в котором есть все и в меру, иногда – сверх, чьи недостатки могут обращаться в достоинство и редко – наоборот.

Последнее происходит в тех случаях, когда остроумие автора – критика в его блестящих «оксюморонизмах» заходит так далеко по принципу: «шила милому кисет – вышло эссе о шамаханской царице», когда автору становится важнее всего погладить себя по головке, чем проследить за гранью, когда от великого до смешного уже и не шаг вовсе, а слабенький шажок. Это происходит тогда, когда художественное чутье покидает автора, и он препарирует поэзию, как биолог лягушку на столе лаборантской, и аккуратно записывает свои наблюдения в бухгалтерскую книгу, выстраивая графики чувств и выводя формулы эстетики искусства.

Послушаем, что по этому поводу говорил Осип Мандельштам: «Не требуйте от поэзии сугубой вещности, конкретности, материальности. Это тот же революционный голод. Сомнения Фомы. К чему обязательно осязать перстами? А главное, зачем отождествлять слово с вещью, с предметом, который оно обозначает, разве вещь хозяин слова? Слово – Психея...».

Читателям вольным и невольным, следуя за советом Фаустова, можно самим поупражняться в поисках забавных метаморфоз, когда, казалось бы, незатейливый прием «инверсии смыслов» приводит к поразительным выводам о постмодернизме типичных традиционалистов вологодских писателей А. Цыганова и В.Плотникова.

Анализ рассказов «Возвращение» Плотникова и «Репка» Цыганова, кстати говоря, не имеющих ничего общего с поэзией, снимает с текстов «шкуру-камуфляж» традиционализма, и читатель оказывается то ли в пампасах Кастанеды, то ли в «Петушках» В. Ерофеева. Критик показывает, как слово уводит автора из лелеемой им, но подсознательно превратившейся в клетку родительской горницы в прокуренный кокнармом подвал городской многоэтажки, где столько соблазнов, а воли! – голову кружит от степеней свободы. Вот и встречаются в подвале два волапука – один уже искушенный, а второй – еще не волшебник, но он учится - Русаков и гаишник (современный гибэдэдэшник). Одного перекрестка уже мало – им надо весь околоток, весь северный край в свою веру-партию обратить,

несмотря на разность культур и эпох. Есть что-то такое, что всех сказочников объединяет, независимо от манеры письма, и в этом Фаустов безусловно прав.

Вторая часть «Харизмы» начинается исследованием поэзии Валерия Архипова. Цитата: «Если магия – литературный прием, то колдовство, шаманство, мания, наркотик – из одного ряда. Читомания и графомания стоят рядом...»

Именно «магия-мания» водит рукою автора, а затем и критика, заставляя находить параллели в смежных искусствах: «Может быть, поэзия Архипова – музыка? А может быть, это вариант курехинского поп-арта, все той же дикой смеси сладкой гармонии и колючего диссонанса?».

Исследуя Архипова, неизбежно пойдешь по минному полю, и критик это понимает. Фаустов методом остенсивного определения – показа – выстраивает видеоряд архиповских архетипов из «курочек», «уточек», «лелей», «петухов», «братков», «кукушек», «ветеранов всех войн», и осторожно сводит весь этот зверинец к авансцене, трижды ударяя по затертой крышке последнего курехинского рояля, попеременно цитируя то Фолкнера, то Брюсова, то Архипова, то себя любимого, рискуя до смерти запить читателя коктейлем из анаши Боба Дилона, валенок противников Айрис Мердок, шального будуара Валерия Архипова и прочего. Так и встает перед глазами идиллическая картина, в которой несчастный Архипов выступает в качестве ученой обезьяны, стучащей под присмотром престарелого Льва Толстого по клавишам «пентиума», а там – на экране компьютера – главы очередного тома «Войны и мира», набранные пятистопным ямбом.

В главе «Метод подстановки синонимов» читатель натолкнется на откровение доктора Фауста и автора десятков изобретений в одном лице.

Откроем толковый словарь под редакцией Ушакова на слове «изобретение» и узнаем, что «изобрести - значит выдумать, создать в процессе творческой работы новое, неизвестное прежде» - например: «дети изобрели новые шалости». Читатель, ежели попробует, то убедится, что изобретение – очень живое занятие.

В изобретении, то есть литературной критике, Фаустов выступает как ученый-естествоиспытатель. Он запросто может

вам сформулировать определение шара: шар – это тело, образованное вращением круга вокруг одного из своих диаметров, «или то, что литературные тексты Архипова имеют местами вероятность, причем весьма низкую, быть отнесенными к поэзии».

О чем тогда разговор? О логических методах критики, разумеется. Мало будет «метода синонимов» - прибавим «метод абсолютных истин», а потом сведем все к абсурду и сделаем вместе с доктором Фаустом такой вывод: «Архипов пишет простые, азбучные истины третьего тысячелетия:

Зеленые боги пугают величием

Кузнечики радости...(?)».

Фаустов без устали изобретает новые определения и методы. Так, у него поэзия Архипова – «кинематографический парад аттракционов», «антропологическая география», кобылица, несущаяся с закусенными удилами и розой в зубах впереди всякой критики и смысла, с «нулевым объемом понятия и эстетики», если ко всему вдобавок еще сослаться на цитируемого искусствоведа Биркхофа.

Но Архипов, по Фаустову, слабостями и силен, хотя критик в завершение своей лучшей статьи о поэзии «вологодского авангарда» говорит другими словами. Но он уже приучил нас не верить глазам своим, черное не принимать за черное, а белое – за белое, видеть контрастность в контрадикторности, модус понендо толленс сводить к простому атрибутивному суждению, в котором по-архиповски «жизнь оттаивает уточкой».

«Лентандо с граблями». Фаустова не отнесешь к критикам, работающим на подсознании. Тем более удивительны его лингвистические инновации при рассуждении об эгоизме языка. Если к известному переводу «эго» с латыни «я» прибавить окончание «изм»), то получим пикантное выражение, которое в качестве эпитета можно отнести к тем двумстам обозначениям мужских особей в «Графоманке», только не к языку писательницы Щекиной.

Если заглянем в словарь, то понятие «язык» определим как «знаковую систему, используемую для целей коммуникации и познания». Нас интересуют гносеологические пристрастия критика. Ага! Вот где ахиллесова пята доктора Фауста – в его любви к логическому позитивизму другого доктора – Людвиг

несмотря на разность культур и эпох. Есть что-то такое, что всех сказочников объединяет, независимо от манеры письма, и в этом Фаустов безусловно прав.

Вторая часть «Харизмы» начинается исследованием поэзии Валерия Архипова. Цитата: «Если магия – литературный прием, то колдовство, шаманство, мания, наркотик – из одного ряда. Читомания и графомания стоят рядом...»

Именно «магия-мания» водит рукою автора, а затем и критика, заставляя находить параллели в смежных искусствах: «Может быть, поэзия Архипова – музыка? А может быть, это вариант курехинского поп-арта, все той же дикой смеси сладкой гармонии и колючего диссонанса?».

Исследуя Архипова, неизбежно пойдешь по минному полю, и критик это понимает. Фаустов методом остенсивного определения – показа – выстраивает видеоряд архиповских архетипов из «курочек», «уточек», «лелей», «петухов», «братков», «кукушек», «ветеранов всех войн», и осторожно сводит весь этот зверинец к авансцене, трижды ударяя по затертой крышке последнего курехинского рояля, попеременно цитируя то Фолкнера, то Брюсова, то Архипова, то себя любимого, рискуя до смерти запить читателя коктейлем из анаши Боба Дилона, валенок противников Айрис Мердок, шального будуара Валерия Архипова и прочего. Так и встает перед глазами идиллическая картина, в которой несчастный Архипов выступает в качестве ученой обезьяны, стучащей под присмотром престарелого Льва Толстого по клавишам «пентиума», а там – на экране компьютера – главы очередного тома «Войны и мира», набранные пятистопным ямбом.

В главе «Метод подстановки синонимов» читатель натолкнется на откровение доктора Фауста и автора десятков изобретений в одном лице.

Откроем толковый словарь под редакцией Ушакова на слове «изобретение» и узнаем, что «изобрести - значит выдумать, создать в процессе творческой работы новое, неизвестное прежде» - например: «дети изобрели новые шалости». Читатель, ежели попробует, то убедится, что изобретение – очень живое занятие.

В изобретении, то есть литературной критике, Фаустов выступает как ученый-естествоиспытатель. Он запросто может

вам сформулировать определение шара: шар – это тело, образованное вращением круга вокруг одного из своих диаметров, «или то, что литературные тексты Архипова имеют местами вероятность, причем весьма низкую, быть отнесенными к поэзии».

О чем тогда разговор? О логических методах критики, разумеется. Мало будет «метода синонимов» - прибавим «метод абсолютных истин», а потом сведем все к абсурду и сделаем вместе с доктором Фаустом такой вывод: «Архипов пишет простые, азбучные истины третьего тысячелетия:

Зеленые боги пугают величием

Кузнечики радости...(?))».

Фаустов без устали изобретает новые определения и методы. Так, у него поэзия Архипова – «кинематографический парад аттракционов», «антропологическая география», кобылица, несущаяся с закушенными удилами и розой в зубах впереди всякой критики и смысла, с «нулевым объемом понятия и эстетики», если ко всему вдобавок еще сослаться на цитируемого искусствоведа Биркхофа.

Но Архипов, по Фаустову, слабостями и силен, хотя критик в завершение своей лучшей статьи о поэзии «вологодского авангарда» говорит другими словами. Но он уже приучил нас не верить глазам своим, черное не принимать за черное, а белое – за белое, видеть контрастность в контрадикторности, модус понендо толленс сводить к простому атрибутивному суждению, в котором по-архиповски «жизнь оттаивает уточкой».

«Лентандо с граблями». Фаустова не отнесешь к критикам, работающим на подсознании. Тем более удивительны его лингвистические инновации при рассуждении об эгоизме языка. Если к известному переводу «эго» с латыни «я» прибавить окончание «изм», то получим пикантное выражение, которое в качестве эпитета можно отнести к тем двумстам обозначениям мужских особей в «Графоманке», только не к языку писательницы Щекиной.

Если заглянем в словарь, то понятие «язык» определим как «знаковую систему, используемую для целей коммуникации и познания». Нас интересуют гносеологические пристрастия критика. Ага! Вот где ахиллесова пята доктора Фауста – в его любви к логическому позитивизму другого доктора – Людвига

Витгенштейна. Как известно, идеи названного ученого опирались на три кита: 1) всякое знание дано человеку в чувственном восприятии; 2) то, что дано нам в чувственном восприятии, мы можем знать с абсолютной достоверностью; 3) все функции знания сводятся к описанию.

Витгенштейн отрицал традиционную философию – «метафизику». Он сводил философию к анализу научных высказываний и отождествлял с логическим анализом языка.

Увы, уже давно стало общим местом то, что метод логического анализа может быть лишь вспомогательным средством при обсуждении философских проблем, но не способом их решения. Смотри цитату на стр. 87 «Харизмы»: «...язык на самом деле свободно и бескорыстно выражает свои... эгоистические – грамматические, синтаксические интересы, и благодаря этому служит целям обобщенного экспрессивного искусства. Эгоизм языка в том, что он выражает только себя и благодаря этому служит искусству...»

Если бы Фаустов обратился к метафизике К. Поппера, то он познакомился бы с одним из главных принципов великого философа двадцатого века: «избегать «Что есть?» вопросов, так как они сопряжены с сущностью и малопродуктивными спорами о словах...»

Парефразируя Поппера, можно сказать, что «самость» индивидуума выражает себя в отношении с окружающим миром посредством языка. «Самость», если она есть, способна творить новые смыслы...»

К.Бюлер выделял три функции языкового высказывания: информативную, экспрессивную и эвокативную.

У Г. Щекиной доктор Фауст подчеркивает наличие экспрессивной информации, когда «экспрессия текста превращается в экспрессию танца, музыки...». Метод используется старый и проверенный еще со времен Плевако – переход от *ad rem* (к существу) к *ad hominem* (к человеку). Иногда прием срабатывает, и галерка разряжается аплодисментами, хотя у Щекиной достаточно вещей, не нуждающихся в декоративных подпорках в виде «танца с граблями» в темпе лентандо.

Скорее всего, дело в том, что сам критик, пытаясь утвердиться в своих концептах, постоянно выстраивает ассоциативные ряды

из теории музыки и музыкальных произведений, в которых тексты авторов выступают в качестве либретто (Сучкова); из образчиков изобразительного искусства, в которых тексты разворачиваются в графическом звучании (Тайганова, Сучкова). В музыке – до «восьмой ноты боли», в живописи – до черного квадрата с нулевым классом. И тогда начинается метафизика. Доктор Фауст, отрываясь от суеты мирской, рвется ввысь, чтобы заглянуть за горизонт и увлечь за собой читателя. Так он исследует Архипова, Тайганову, а особенно - Сучкову с ее «Линолиновым блюзом». Пока звучит музыка, пока кисть или грифель скользят по полотну – все хорошо. Но вот музыка стихла, кисть отложена в сторону, а в руках – рейсфедер, полный туши, чертит и чертит графики и синусоиды параметров творческой личности, болевого порога поэта, авансов и пособий по безработице, и становится грустно. Это уже сродни трюкачеству Кио или Глобы. Критик вновь загоняет себя в логическую ловушку, опровергая и отрицая самого себя как ученого мужа.

Так, на стр. 54 Фаустов говорит о том, что древние люди по причине низкого интеллекта чувство физической боли преодолевали легко. Но вот на стр. 103, анализируя поэму Сучковой «Линолиновый блюз», критик приходит к диаметрально противоположному выводу: «На графике видно, чем больше личностный фактор (наличие «самости» по Попперу – С.Д.), тем меньше чувственная боль».

Но Сергей Фаустов не всегда так прост, чтобы подставлять свои «изобретения» под удары. Он, как опытный сталкер, расставляет по всему тексту репера с обозначением «взрывоопасных мест»: вдруг кто-то и забредет с черного хода в его хитросплетенные мифологемы и увидит, что король, то бишь критик, гол..., но это уже другая история и скорее из области психоанализа, чем из литературоведения.

В заключение.

По мнению американского психолога Л. Фестингера, одним из главных факторов, управляющих поведением человека, является когнитивный диссонанс – противоречия в его знаниях, которые порождают внутреннюю тревогу и подвигают человека к действиям, способным устранить это противоречие.

Критика вообще, а «Харизма» в частности, по нашему мнению и есть такая рефлексия на внутренние противоречия интеллектуальной личности. При этом в работе у Фаустова сочетаются два типа мышления – творческий и практический, когда с оценкой чужого творчества происходит генерация собственных оригинальных идей.

Критик часто оказывается на грани фола, когда сравнивает творчество вологодского прозаика Г.Щекиной с творчеством Т.Манна, а вологодскую же поэтессу Н.Сучкову - с М.Цветаевой. Великие от этого ничего не теряют, но за общих знакомых как-то неловко становится. Хотя понимаешь, что это лишь метод критического исследования, и тут, как та галерка, аплодируешь начитанности, смелости и напористости Сергея Фаустова, доказавшего «Харизмой вологодской литературы», что далеко не все сделанное и делаемое в национальной культуре вдали от столиц и всяких там «букеров» и «антибукеров» - провинциально, а значит – вторично.

Констатируем: теперь у Вологды, да и у всей российской литературной Ойкумены есть свой Фаустов. Дело за немногим – за литературой...

Р. С. Фаустов есть уже одиннадцатый год. Литература пока трудно различима. С юбилеем, маэстро!

Регина Соболева

РАССЕИВАНИЕ И КОНЦЕНТРИРОВАНИЕ

(метод Сергея Фаустова)

Критика, как социальный феномен, находится на стыке аналитики и публицистики, что неизменно, раз за разом вызывает к жизни одно и то же противоречие, тревожит один и тот же призрак Абсурдности бытия. Критики будоражат своим сознанием, копают творческое. Именно на творчество направлено основное внимание рецензента (биографические элементы многими признаются вторичными). Символика же художественного дискурса, его мифопоэтика, синтактика и даже прагматика (в доступных в данном случае формах) – иррациональны по сути (просто потому что чаще всего какая-то часть творческого акта включает громадный пласт того, что глубже рационального, того, что глубже сознательного –

прасознательное, подсознательное). Критика же (в основе своей, в традиционном понимании) – рациональна в методах и кодировках. Глубинные образы расследуют под микроскопами. И вот же странность – никак не могут сфокусироваться на нужном оптическом прицеле (или белый, слепящий фон, или расплывчатое месиво). Критики грешат излишней системностью бессистемного. Тогда и возникает сущностный Абсурд явления – разные типы текстов, разные уровни мышления пытаются искусственно слепить в одну пластичную массу, забывая о том, что ни тот ни другой материал не пластичен, заранее отрицательно сказывается на другом. Как можно по сути и смыслу рационально разбирать то, что иррационально? Ошибка эта, к сожалению, очень распространена (особенно в почвенническом направлении культурного дискурса). Рационально работать оптическими винтами можно только с формой (в случае, если автор сам, изначально ориентирует себя на вторичную, традиционную линию творчества, подписываясь подо всеми возможными канонами). Но как рационально вскрыть смысл?

Но и тут надо уметь разграничивать две составляющие идеального текста (текста в идеале – или вне времени и пространства, взятого в качестве самости): то, что сказалось, то, что хотелось. Получившаяся в итоге художественная каша (которую мы называем произведением) не может быть рациональной, как я уже говорила. Пробраз получившегося, мечта о том, что... всегда четко отрефлексирована (конечно, если автор не использует метод автоматического письма, - что творчеством является в очень малой степени). Именно к этой составляющей (которую критик Сергей Фаустов называет «психологией творчества») и надо подходить с логико-понятийных позиций.

«Смыслы многозначны. Тексты синонимичны. Часто переводимы»... («Харизма вологодской литературы»)

Этот немного странный, но такой притягательный (даже своей явной сложностью) метод сразу привлек мое внимание. Искусство и математический анализ. Поэзия и музыка (музыка, как еще одно выражение триады «музыка-математика-

лингвистика» - как думали многие великие люди, немало повидавшие музыкантов, математиков, лингвистов, именно это самые точные и рациональные науки на свете). Искусство и механистические образы, его объясняющие, идущие с ним в ногу. Поэзия и физика, химия, вещный, натуральный мир. Естественность окружающего перерабатывается в искусственность окружающего одним, нет, не росчерком пера, а одним взглядом того, кто этот росчерк сделает. Как субъективное парализует самое себя ради объективности того, что по идее должно быть! ДОЛЖНО. Вот то слово, что формирует поэта для самого себя. Вы не представляете, как сложно поэту, любящему Пушкина, или, что ужаснее всего, учащемуся на филфаке, не писать стихи в традиционных ямбах и хореях с использованием всех правил высокого штиля, как в графике, так и в поэтике. Некоторым авторам никуда не деться от классического стиха. Тут степень формально-смысловых спаек нулевая – конфликта нет, произведение невыразительно и банально. Вот, что действительно неинтересно.

«Смысл недоказуем. Чувство непредсказуемо и неадекватно»...» («Харизма вологодской литературы»)

Для меня никогда не существовало конструктивной критики (ею и правда ничего нельзя построить – аналитический метод предполагает разбор на составные части) – только «критика по существу» - и это не разбор формы, а разбор смыслов. Метод «исследовательского читательского дневника» Фаустова – это глубокое проникновение туда, куда и автор сам не желает смотреть. Это раскрытие того, что поэт сам от себя скрывает, в чем себе не признается, но и того, что объективно существует, что должно было существовать (сблизить эти две позиции иногда даже получается). Птичке бывает приятно, когда из нее не выдергивают перья, а снимают скрытыми камерами в безопасном (для птички) удалении, в естественной среде обитания. Птичке просто не приходится переживать несколько иной интерес мастера по выделке чучел для краеведческих музеев. Птичка оценит потом, если сумеет. Если когда-нибудь доэволюционирует до того, чтобы ценить научные программки по телевизору. Метод Фаустова действительно строго научен –

эксперимент, наблюдений, изучение документальной и статистической базы, расчеты (неслучайны графики, схемы).

«Такой метод требует рафинированного, чистого, бесконтекстового, часто формализованного восприятия текста. И полной самоотрешенности. Медленного чтения. Это позволяет увидеть поликонтекстовость написанного»... («Харизма вологодской литературы»)

Это-то желание увидеть я особо и ценю в критиках, желание докопаться, даже если придется закопаться, не исчерпать, нет, но получить (пусть и для самого себя) ощущение исчерпанности, ощущение нового (того, что это новое об авторе, наконец, было сказано).

Видимо, каждый решал для себя что-то вроде: думай, что я чувствую, что ты чувствуешь, что он может чувствовать; найди ответ на извечные конфликты; произведение часто живет иной жизнью, другой, не такой как задумывалось, оно – вещь-в-себе, потому что есть читатель; допустим, что все, что пишет автор – правда; простота поэзии разочаровывает; графомания – это подражание, это и есть настоящая мания, не важно как, важно сколько (в настоящем творчестве не важно что и как, важно «острие» этого творчества, или как я говорю, используя термин по Гончарову, – «обрыв», новое, яркое, эпатажное)... И тут дело не в методе критики (не в том или ином направлении), а в обыкновенном здравом уме.

Итак, умение находить болевые точки автора – это концентрирование по Фаустову. Умение их не использовать – его же рассеивание. Не метод свободных ассоциаций, но метод нестандартного подхода к нестандартному.

Нина Писарчик

ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ И ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ В ОДНОМ ЯВЛЕНИИ

Литературоведческую книгу Сергея Фаустова «Харизма вологодской литературы» я читала как художественную, точнее – высокохудожественную. У нее один лишь недостаток – нет переизданий, а вышла она десять лет назад. За литературу,

представленную в книге – стихи Валерия Архипова, Михаила Сопина, Натальи Сучковой, Ольги Кузнецовой, прозу Галины Щекиной – не стыдно и сегодня. Покойный Сопин, наконец, становится признанным на многих уровнях поэтом. Масштаб его личности, возможно, не для современников, поэзия Сопина и в будущем обещает много открытий. Тем значительнее заслуга Фаустова, оценившего Михаила Сопина как литературное явление еще при жизни поэта.

Прочие герои «Харизмы...» находятся буквально в эпицентре литературного процесса. Как совпали с его творческой судьбой слова Фаустова: «Сначала про все новое говорят: «Кому это нужно, зачем это?» Потом спустя некоторое время: «В этом что-то есть. И спустя еще отрезок времени: «Как мы могли без этого жить?!»

Галина Щекина наиболее яркий пример правоты С. Фаустова как критика: «Есть графомания или нет графомании – это вопрос эгоистичности языка... Стремление писать собственным, себялюбивым языком не может быть названо графоманией по определению»... Щекина периода «Графоманки» находилась в поиске собственного языка. В последующих рассказах самоутверждение автора продолжалось. И вот на пороге новая книга прозы - «Ор». Язык в ней, безусловно, узнаваемый, «щекинский». Пользуясь фразеологией Фаустова, я выражу и свое мнение: «Автор просто описал жизнь своими словами, и кажется, что эта жизнь такой и должна быть». Значит, и литература, следуя за жизнью, «такой и должна быть – пусть литература будет разной и отличной друг от друга, и просто отличной... «Ор» Щекиной – как раз вещь отличная от всего, написанного ею.

В очередной раз приходится соглашаться с Фаустовым: «Ценность литературы всегда проявляется прежде всего на уровне восприятия одного человека – читателя», и я, как читатель, соглашаюсь с выбором имен: Ната Сучкова, Ираида Метляева, Ольга Кузнецова. Сучкова десять лет спустя – почти классик, почитаемый даже циничными юнцами, Кузнецова кроме стихов пишет чудную, реалистичную до хлесткости прозу, только вот тянет с публикациями - это общая беда. Пишет ли Метляева, не знаю. Но в любом случае – «деланного ею

достаточно, чтобы войти в историю развития вологодской литературы».

«Потому что язык порождает поэтов, а не поэты - язык...» -

Мысль принадлежит Иосифу Бродскому («Поэт- инструмент языка», по Бродскому) и Фаустов наглядно развивает ее в своей «Харизме...»

Поразительно исследование судьбы и творчества Бродского в аналогии с Рубцовым! Два больших поэта, не пересекаясь, мистически совпадают по ряду подробностей, так как жили в одно время!

Или же сопоставление исторически разошедшихся, но вдохновляемых одной идеей, таких разных - Маяковского и Тайгановой.

По Фаустову: «Вдохновение - категория психологическая, неуправляемая, здесь трудно обойтись без слова «душа». «Душа, душевность, духовность», - этих слов не оказалось в моем энциклопедическом словаре», - так я переняла у Фаустова привычку к словарному толкованию.

Критик заявляет: «Метод критики, который я использую... основан на том, что АВТОР ВСЕГДА ПРАВ».

«Многолетнее исследование вологодской литературы обнаружило ее особое состояние - выход на авангард при всем традиционализме... выход на авангард, постмодернизм, и какие-то другие, пока еще непонятные уровни...»

Размышляя над всем этим, прихожу к выводу - поэтическое чутье, резонирующая душа писателя, читателя и критика Фаустова - безошибочны.

Валерий Архипов НЕСКУЧНЫЙ КОММЕНТ

Известно, что литературный критик - это всегда «штучный товар», всегда это человек со своим мировоззрением, эрудицией, со своими личностными и вкусовыми пристрастиями. Так и Сергей Фаустов - один из немногих вологодских критиков. Он по-своему ироничен и серьезен, въедлив и нетерпелив, остроумен, умен и легкомыслен, с только ему одному присущими приколами и современно-своевременным взглядом

на все: на политику, науку, образование, на поэзию и прозу. Он едва ли не единственный представитель касты высоколобых, кто методично и скрупулезно подтверждал наличие и особенности вологодской литературной карты с ее традициями и новациями, с ее порой забавными «измами», с ее безумным авангардом. Это он первым открыл успех Натальи Сучковой, пытался сравнить несравнимое (судьбы Рубцова и Бродского), с упоением, а может, веселостью истинного джентльмена утверждал, что Михаил Сопин, оказывается, японский поэт.

Он лихо пишет статью на статью, рецензию на рецензию, откликается на все, что на его взгляд спорно, но интересно. Рассуждая практически обо всем на свете, поражая и потрясая эрудицией, он порой противоречит сам себе, делая это с таким неповторимым «британско-колониальным» юмором, когда смеешься одними губами, не снимая перчаток.

Мне доводилось бывать в его обществе на заседаниях литобъединения, на серьезных собраниях союза, на праздничных фуршетах - наедине с бутылкой водки, хвостом селедки и кусочками колбаски на временах не совсем чистой самобранке... Слушать его, общаться с ним - это праздник. Речь его нетороплива, вдумчива, каждое слово как паста из тюбика... Так скупко говорить мог, пожалуй, Сталин - тем интереснее и ценнее ожидать - что сейчас услышишь, какой окажется перл. Порой не соглашаешься, удивляешься, но спорить не всегда хочется. Ты просто знаешь, так он сейчас думает.

Он может написать, что такую-то книгу стихов оставляет без комментария - и тут же следует пространный комментарий с цитатами, и делается все это красиво и убедительно.

Он может сказать, что он не проповедник, а «простой литературный критик», хотя часто именно проповедует те постулаты, мысли, идеи, которые завладели его душой.

Фаустов много читает в интернете и толстых журналах, наверное, никто не читает столько чужих стихов... Говорит, что ничего не понимает, но дотошно по строчкам разбирает, с юмором подходя к стихотворению и с сочувствием к молодому автору, заодно полемизируя с каким-нибудь маститым вологодским автором.

Появляется на поэтическом небосклоне новая живая звездочка - Маша Маркова - Фаустов тут же находит, что

сказать, одобряет, восхищается и открывает в поэте то, что самому поэту неизвестно. Сталкивается с накатом на поэтов - и из критика сразу превращается в адвоката...

Вот Фаустов похвалил – и можно жить дальше. Так и хочется сказать: давайте писать больше, лучше, красивее... Но главное, чтобы – не скучно, ибо Фаустов скуки не выносит.

Галина Щекина

ПТИЦА ПОД КУПОЛОМ

Для меня как для автора критик и эссеист Сергей Фаустов сделал гораздо больше, чем любой другой критик. Он не просто прочел мои тексты и откомментировал их в своей книге «Харизма вологодской литературы», кстати, местами обидно... Он мог как угодно разбирать фразы, насмешничать, но самое главное, он не подвергал сомнению сам факт моего творчества. Не отрицал того, что я писатель. Он не делал вывод, что тексты состоятельны (то, чем обычно кончается статья) – он с этого начинал.

Ведь как обычно начинается критическая статья? Да, здесь есть вот то и вот это... А в конце: выводы пока делать рано. Так звучит приговор. Но Фаустов никому не писал и не читал приговоров... Наоборот, он открыл для Вологды такие имена, как Ольга Кузнецова, Ната Сучкова, Валерий Архипов, Ираида Метляева, Данил Файзов...

«Автор всегда прав, даже если не талантлив». Вопиющее утверждение. И, тем не менее, это так.

Фаустов начал с того, что назвал меня «Графоманкой» вполне серьезно, и не успела я огорчиться, как он тут же доказал мне и всем окружающим, что в этом слове нет негативного контекста. Просто – «страсть писать». То есть заставил взглянуть на вещи с другой стороны. А именно: прозаику не стоит возвеличивать сюжет, как бы тот ни был крепок и увлекателен, главное открытие всегда лежит в области языка. А мне было невыносимо это слышать, ведь я тогда только научилась вылетать этот самый сюжет. И уже не актуально...

«Поменьше глаголов, побольше прилагательных!» А что такое язык, по-настоящему и теперь не знаю. Но фонтан

страстей, который бил из меня и брызгал на бумагу, увлекал и будоражил, и оказалось, это влияет на язык положительно. Запомнилось.

«В каждой новой книге надо быть другим, надо тащить себя за волосы из привычной колеи». Подсказки Фаустова начинали работать очень быстро. В моей книге «Ария» есть это движение: рядом с традиционными сюжетными рассказами появляются рассказы–притчи, в которых мало действия, но проявлен другой взгляд на мир, например - миниатюра «Пузырики», посвященная Фаустову. Есть «Трое на камнях» - миниатюра - портрет детей. «Чудо и Чучело» - маленькая сказка про огород, которая позже получила награду как лучшая сказка на Интернет-конкурсе «Серебряное перо» в 2006 году...

В том факте, что вологодский и российский поэт Михаил Сопин стал ближе сотням и тысячам читателей, есть и рука Фаустова: «Сопин - японский поэт». «Стихи Сопина надо читать на лютном морозе». До этого «японского поэта» Сопина вообще боялись обсуждать на лито 90-х. Наливали полный рот клея и так оставались. Фаустов создал дистанцию, отнес предмет на расстояние достаточное для обозрения! А лицом к лицу было непонятно, страшно...

В «Свече» №3 Фаустов сравнил слог авангардного поэта В.Архипова с кашей, в которой есть битое стекло, провел аналогии с музыкой Курехина, потом на презентации сборника «Клипы» обозначил новую эпоху в вологодской поэзии...

В 1996 году в «Ступени» пришла юная Ната Сучкова, и вместе с ней – незнакомая «речь пьяных влюбленных». После первого прочтения ее поэмы «Камень-Рыба-Облако» он позвонил автору в двенадцать ночи и сказал, что ее поэма гениальна. Позже появилась и статья об этом - «Жернова любви». Сборник молодых авторов «Вансуав» Фаустов прочел, перевел заголовок на английский и обратно, и обнаружил – да вот она, новая эпоха, однажды волна, «ванс вейв вологда-поуэтри».

А спровоцировал эту эпоху он, Фаустов.

Несколько лет лито «Ступени» вертелось на острие иглы, верней, на острие пера необычного критика и это были самые продуктивные годы. «Прочти меня, как я тебя». Собственно, в

такой атмосфере только и мог родиться настоящий творческий союз.

Он заставлял всех писать друг на друга рецензии и накалял творческую атмосферу литобъединения. Всем захотелось писать нове, круче, больше, чтобы попасть в поле зрения всех снова и снова.

Любопытно, что озорство и провокативность критика С.Фаустова имели место не только на бумаге, но и в реальной жизни. Например, на большой литературной программе посвященной 25-летию лито «Ступени» в картинной галерее (1996).

Программа была обширная. На вечер пришли по приглашению патриархи – Юрий Леднев, Юрий Богословский, Лариса Мокшева, они вспоминали славное прошлое, истоки, молодые создали настоящий цветник, прошла презентация четырех новых книжек. Я вела программу, впервые охваченная неведомым чувством значительности. Нас выгоняли из десяти мест, но дали зал картинной галереи! Правда, Леднев тогда публично отрекся от нас, своих бывших подопечных, и сказал что все это плохо. Я была в потрясении.

И тут выходит Сергей Фаустов и начинает шутить, улыбаться, дескать, нашел в Интернете такую особенную птицу счастья, по-нашему Птицу Творчества, вот она. И показывает всем белый лист! Потом быстро сворачивает его по намеченным контурам и получается изящная птица, как будто сделанная по технике оригами.

«Сейчас я запущу в воздух эту Птицу Творчества, - объявил критик. – И она, взлетев, затем опустится и укажет на того, кого ожидает открытие. Либо человек найдет себя в новом жанре, либо напишет что-то прекрасное! В общем, посетит Муза!»

Этот был сильный риск. Птица могла ткнуть в макушку случайного человека! Но птица покружилась и ткнула в макушку...Татьяну Вертосельгу! Господи, это была начинающая в 60 лет поэтесса, автор книжки детских стишков «Чудеса для Марийки», ничего особенного. Я заволновалась, а сама Татьяна (это псевдоним, реальное имя Клеопатра Тимофеевна Головань) даже расстроилась: зачем надо мной смешки строите?

Фаустов тут же ее поздравил и сказал при большом стечении народа, что теперь-де состоится настоящее чудо, ждите. Все засмеялись.

А все же чудо произошло буквально дней через десять: она принесла на лито новый потрясающий рассказ «Редкая вещь». Это вам не частушки-колыбельки, это был настоящий, мудрый эзотерический рассказ о переселении души, невыносимой жажде счастья, даже когда расплылишься на снежинки. А в ее рассказе было столько молодой энергии, столько полюсов и смыслов, что все просто остолбенели. Я и сегодня его читаю, и удивляюсь – не устарел! Жив и хорош доньше.

А Татьяна Вертосельга с того дня начала писать изумительную прозу с использованием древнего местного говора, выпустила несколько книг, ее прочла и восхитилась текстами Ольга Фокина, а еще через несколько лет в издательстве ВГПУ вышел словарь говора Татьяны Вертосельги.

Сучкова теперь опубликована в «Новом мире» и «Октябре», ездит по литературным фестивалям, в том числе неоднократно – на Волошинский. Файзов – сам куратор фестивалей: «Этот мальчик из Вологды на уши поставил пол Москвы» (Анна Русс), Архипов соревнуется по молодости и пылкости с двадцатилетними, Черный после того, как дважды стал финалистом «Илья-Премии», вынашивает проект книги переводов...

А Фаустов что? Фаустов говорит: «Я рад, что никого не бранил». И только.

Елена Юшкова

СКРОМНЫЙ ХАРИЗМАТИК

Со времени выхода в свет книги Сергея Фаустова «Харизма вологодской литературы» прошло десять лет. Срок вполне солидный, чтобы проверить, пережила ли она свое время.

Включаем телеканал «Культура» в середине марта 2008 года. Маститый писатель С.Куняев рассуждает как о чем-то само собой разумеющемся о творческом пересечении Рубцова и Бродского. Что-то мысль уж слишком знакомая... Заглядываем

в книжицу Фаустова, среди друзей - просто Михалыча. Так вот же он – первоисточник! Тогда-то, помнится, мысль была уж очень революционной, осуждали автора за подобные параллели. А сейчас-то! Стала, похоже, мысль совсем народной, раз на авторство никто и не ссылается (даже столь почтенные люди)!

А вот еще одно высказывание: «Поэтические гиперболы сникли перед реальной действительностью, которая уже превратила фантастику в замшелость» (Харизма вологодской литературы, Вологда. 1997. С. 115). Сейчас фантастика с каждым днем (если не с каждой минутой) становится все более замшелой, то есть процесс, подмеченный Михалычем, так и идет себе своим ходом.

Бартер литературных произведений (ты читаешь меня, я тебя) стал нормой нашей жизни, особенно на Прозе.Ру.

Похоже, что скромный вологодский критик, издающий свои редкие книжки небольшими тиражами, обладает даром предвидения!

На материале локальной вологодской литературы Михалыч умудряется почувствовать тенденции нашей жизни и процессы, которые идут в культуре.

Не будем повторять мысли Галины Щекиной о том, как Фаустов разглядел в никому не ведомых вологжанам будущих известных шире, чем в узких кругах, поэтов и прозаиков.

Лучше перечитаем его вдумчивые исследовательские разборы. Кристальная ясность. Логика. Стремление выразить свою мысль предельно зримо (для чего местами появляются различные графики и схемы). Скрытая ирония и спокойная констатация.

Ну, и, конечно, афористичность, о которой мы уже упоминали.

Очень жаль, что круг читателей ограничен небольшим тиражом. Но Михалычу о таких мелочах задумываться некогда – его волнуют новые гипотезы, новые процессы и совсем новые концепции. А может, он и новых авторов уже разглядел?

Анна Антонова, Москва
КРИТИКА ФАУСТОВА КАК ФИГУРА
ВЫСШЕГО ПИЛОТАЖА

Я делаю только первые шаги на этом страшном поприще (я имею в виду критику). Страшном, потому что боюсь высоты. Когда я бываю на высоте - меня сразу начинает мутить. Но поскольку я безумно люблю высоту, я... решила стать критиком. И сейчас стану.

Критика Фаустова - это Явление. Явление больше самого Фаустова. В каком-то смысле критика Фаусова бежит впереди... поэтического состава. То есть, в более банальной интерпретации, бежит впереди паровоза. Самое удивительное, что Фаустов (в дальнейшем я буду отождествлять Фаустова с его критикой) бегаёт там, где ещё не проложены рельсы. Это говорит о том, что скорость Фаустова несоизмерима со скоростью рецензируемых авторов. Другими словами, Фаустов летает над чистым полем, по которому ещё никто не проехал. И главное - КАК летает!

Вы видели его мертвую петлю???

Фаустов похож на.... Доброго Коршуна. Он не ест Мышку. Он её... любит. Он ищет в любой Мышке черты... современной поэзии. Так влюбленная девушка ищет в облике любимого вовсе не свойственные ему признаки. Самое удивительное, что находит! Находит! В этом и заключается его высший пилотаж. Мне очень далеко до Фаустова, поскольку уходить в такой поднебесный отрыв от действительности я не умею. Поэтому, пожалуй, не пойду в критики.

Козетта Закавыкина (Стихи.Ру)
ФАУСТОВ КАК МИКРОСКОП И ВАЛЕНОК

Большинство критиков поверхностны. И почти все негативны. Их можно сравнить с тряпкой для пыли – быстро и презрительно смахнули пыль с произведения, и понеслись стирать пыль дальше с других предметов. Но есть редкий вид критиков. Эти критики детально углубляются в произведение. Они исследователи. При этом исследователи позитивные, а не

негативные. Такое впечатление, что плохого в произведении они не видят в принципе. Плохое их не интересует. Их интересует только то, что можно рассмотреть при увеличении доброжелательности. Подобно тому, как ученый-биолог разглядывает в микроскоп мельчайшие элементы устройства биологических объектов, критики-исследователи разглядывают поэтическое произведение в микроскоп своей любознательности и видят в нем скрытую симметрию звуков, суггестивность рифм, параллели смыслов, сплетение метафор.

Игнорируя несовершенство стиха (его размер, строфность, метр, неправильность рифм, странность смысла), критики-исследователи находят в нем незамечаемые при негативном взгляде удивительные сочетания слов, подтексты, нити, образующие сеть какой-то тайной гармонии. Если функция негативных критиков – это санитарная очистка леса поэзии, то функция позитивных критиков – обогащение запасов поэзии. Ведь собирание плюсов, в конечном итоге, приводит к росту информационного пространства поэтической мысли.

Критики-исследователи следят за тем, чтобы с водой не выплеснули младенца. И за это им огромное спасибо. Это конкретное спасибо следует отнести к конкретному человеку – Сергею Фаустову, которого смело можно сравнить с самым точным поэтическим микроскопом. А поскольку все его рецензии позитивны и от них не веет холодом снобизма, то Фаустова можно также сравнить и с валенком, в котором необыкновенно тепло в самые лютые морозы бушующей вокруг критики. Если Вам холодно от окружающего Вас негативизма, если с Вас постоянно стирают пыль, забывая поливать цветы в Ваших горшках, то ступайте к Фаустову. Он докажет Вам, что холод – это иллюзия, что недостатки – это достоинства, что достигнутое – это не предел. Не будьте только пассивными. Действуйте. И Вы увидите, как магниты меняют полюса, как минусы превращаются в плюсы, и как исчезают пылевые тряпки...

Михаил Еремин
ЧИТАЛ. НО СПОРИЛ
(письмо С. Фаустову)

Дорогой Сережа!

Надо бы, конечно, объяснить, почему это письмо (или, точнее, его подобие) не написано месяцев пять тому назад: но, думаю, что ты поймешь это и так - без слов: сил мало, а охоты (то есть воли) к письменным делам - еще меньше. А потому - сразу к делу.

Книжку «Харизма вологодской литературы» написал очень умный человек со многими достоинствами, свойственными такой степени умности: начитанностью, сметливостью, чувством юмора весьма широкого диапазона... Но, читая ее, я спорил почти со всеми составляющими ее положениями и суждениями. И предопределено это не парадоксами стиля Сергея Фаустова, а прежде всего тем, что Сергей Фаустов очень умный человек.

Дело в том, что, начиная с петровских времен, подавляющее большинство очень умных русских людей убедило себя, что солнце всходит, конечно, на Востоке, а настоящий-то свет - только в том окошке, которое прорубил Петр, то есть на Западе. Вот сильно сокращенный список этих умников: А.Радищев, П.Чаадаев, Н.Полевой, В.Белинский, А.Герцен, М.Бакунин, Н.Чернышевский, Н.Добролюбов, Д.Писарев, Н.Михайловский, Вл.Соловьев, Г.Плеханов, В.Ленин, почти все пассажиры философских пароходов (1922г.), П. Флоренский, А.Лосев: масштаб деятельности Сергея Фаустова пока что не тот, что у вышепоименованных, но коренная суть его убеждений та же, что и у них.

Девять из десяти наших образованцев (слово А.И. Солженицына) скажут: неплохая компания! Но если спросить каждого из них, кого они считают главными виновниками нынешних бед России, то и тут они окажутся единодушными: Ельцин (на самом деле, может быть, самый невинный из виноватых), вряд ли у кого из них мелькнет имя Горбачева (а он повинатее Ельцина), кто-нибудь из уцелевших сидельцев назовет Сталина, а уж о Ленине (одном из главных виновников!) едва ли из них кто вспомнит - такого надо искать даже не в сотне, а в тысяче. Попал он в тот список не случайно: все они (за

исключением, может быть, А.Лосева), хоть и с бранчливыми оговорками так или иначе одобрены ими - даже «попик» Флоренский (ГОЭЛРО!). И все они в подходящих случаях почтительно ссылались на Аристотеля - никто из них не осмеливался усомниться в декартовском *Cogito*, то есть все они с теми или иными «уточнениями» были рационалистами, то есть рассудочниками - *ergo* безбожниками. Твой Л.Витгенштейн - рассудочник не хуже этих всех и безбожник - только без ленинского нахрапа. А с каким пренебрежением, сверху вниз, они все говорят о поэтах, художниках по призванию!

У нас только славянофилы и последователи Аполлона Григорьева расслышали этот двойной стандарт у Гегеля. Открыто сказать о своем презрении к немецкой метафизике осмелился только Пушкин. В сущности, о том же идет речь и у Гоголя в его пророческой притче о Ките Мокиевиче и Мокии Кифовиче.

Разум - жулик. Это задолго до Чуковского сказали венские романтики. Впрочем, это верно только по отношению к разуму, забывшему о первородном грехе. В с я ф и л о с о ф и я всячески старается оправдать это забвение. Стало быть, долой Философию? Да, долой: чтобы человечество сохранило достоинство творения Господня, она должна стать богословием, с м и р е н н ы м (смирение есть отрицание первородного греха) богословием. Ты спросишь, куда деваться поэту?

Лучше всего спросить их самих. Величайшие из наших отвечают так:

Н.М.Карамзин. В молодости был руссоистом, а в зрелости стал верным сыном православной церкви.

В.А.Жуковский всю жизнь был верующим христианином.

А.С.Пушкин прошел мучительнейший путь от вольтерьянства к подножию Креста Честного (см. «Мирская власть»).

Ф.И.Тютчев. Не с таким напряжением, как Пушкин, но тоже с великим мирским трудом освободился от влияния германского философия, пока не возложил все свои упования на «ризу чистую Христа».

Н.В.Гоголь. Стоит только без философского высокомерия прочитать его ответ на «знаменитое» письмо Белинского, чтобы

понять, на какой высоте христианской мудрости стоял он в последние годы своей жизни.

Ф.М.Достоевский. Весь свой гений он посвятил обличению соблазна рассудочности.

Л.Н.Толстой. К православию он, по-видимому, так и не пришел, но искания его были все-таки религиозными.

А.П.Чехов. Он немало похвал расточил культуре (то есть цивилизации) но ведь и «Студент», и «Святою ночью», и «Архиерей» написал он же.

А.А.Блок. Христос в финале его великой поэмы - это Бог, что бы ни писали большевистские толкователи и их Философские подпевалы.

Можно сказать даже: хорошо, развенчаем «науку наук», а как быть с наукой в собственном смысле? Н.Ф.Федоров - это нагляднейший пример того, что Гегель назвал «несчастливым сознанием». Полет человека в иные галактики? Заселение человеком иных миров? Генная инженерия? Западная говядина, которую даже кошки не едят? Остается только верить, что современный ученый, подобно Симону-волхву, рано или поздно раскается.

А что касается эстетики с критикой, то ты наверно заметил, что, начиная с Платона, философы (они же и эстетики) и их выученики критики единодушно отказывают поэтам в уме (поэт сам не знает, что написал; перо умнее самого автора, не поэт создает свой язык, а, напротив, язык создает поэта). Потому-то они - от Аристотеля до наших Формалистов, «новых критиков», структуралистов всех мастей и оттенков - и предпочитают изучать технику писания, и никогда не пытались понять, что такое вдохновение и что такое личность художника как целое (психология творчества имя заела не по существу, на самом деле это - одно из ответвлений неврологии).

И несколько «частных» замечаний. Великих поэтов в мире не очень много; и везде, где они есть, обыкновенно один возвышается над другими великими. Он - величайший. У нас - это Пушкин. А великие? Тютчев, Лермонтов, может быть, Некрасов, Блок, может быть, Есенин. Николай Михайлович Рубцов - поэт милостию Божией, он - крупнее, значительнее, глубже многих, более чем он прославленных: Баратынского, например, или Мандельштама; но, разумеется он - не великий.

А Бродский? Когда он был гоним, мои ленинградские студенты доставляли мне все его стихи. Жалко было его, но от его стихов веяло таким же холодом, как и от стихов Сосноры или Кушнера. По отзывам специалистов, он хорошо переводил Т.Элиота - так хорошо, что по его переводам было видно: Элиот - не поэт. И это понятно: как мастера стихотворной речи, они, как сказал бы Остап Бендер, конгениальны.

Все твои разборы - как прозы, так и стихов - не заражают и не убеждают. Хорошо, что некоторые из разбираемых тобой опусов ты напечатал в приложении к своей книге, все трое, по-моему, не талантливы; какие-то сдавленные голоса, что-то похожее на горловое пение. Всем троим я бы посоветовал прочитать рассказ Ф.М. Достоевского «Бобок».

Когда-то, в студенческие еще годы, я учился понимать искусство «революционно», то есть по западным шаблонам: новаторство прежде всего и во что бы то ни стало: Хлебников, Маяковский и, если уж не Малевич (мне и тогда казалось, что «Черный квадрат» это все равно, что «Поэма конца» другого шарлатана - Василиска Гнедова), то, по крайней мере, Лентулов, а еще лучше Матисс и Пикассо. В Музей Новой западной живописи ходил едва ли не чаще, чем в Третьяковку. Только после войны я стал осмеливаться замечать, что туман начал мало-помалу рассеиваться: без игры литература немислима, но в целом она - дело серьезное.

Я думаю, и Галя не обидится, прочитав это письмо. Для нее еще раз повторю: Набоков, Петрушевская, Т. Толстая и им подобные - это что-то вроде «Пира во время чумы».

24/IX-98 Михаил Еремин

P.S. Сергей Дмитренко. Последний акын XX века
(«Независимая газета», «ExLibris», январь 2000г.)

Год назад, в январе, скончался знаменитый профессор Литературного института им.Горького Михаил Павлович Еремин (1914-2000). Все - и коллеги, и студенты - звали-величали его в полном соответствии с законами русской фонетики Михал Палычем.

Приходит время долгих воспоминаний о нем, они стоят в прихожей. Но к годовщине его кончины уже понятно, сколько с

Ереминым невозвратно кануло в недоступную нам здесь вечность.

Михаил Павлович был подлинным историком русской культуры. Он знал все: от тех времен, которые прожил, а прожил он полных 85 лет (его фраза: «А я ведь помню Февральскую революцию»). И вправду помнил. Про безобразие в октябре 1917-го и говорить не хотел, только, посмеиваясь, замечал, что прототип главного героя сказки «Тараканище» - Ульянов-Ленин. С Чуковским он работал в Госиздате и знал, что говорил). Но, кажется, он знал о нашей стране и то, что уходило в общеславянские глубины. А как он умел сдирать хрестоматийный глянец, как он умел спасти литературу от глупости и пошлости!

Стиль Михаил Павлович чувствовал, как музыку (он и пел превосходно - русские романсы). Никогда не говорил «текст», только «произведение». Вышучивал, например, слово «аллюзия», хотя сам виртуозно комментировал сложнейшие сочинения, легко эти самые аллюзии вылавливая и объясняя. Будучи, повторю, по природе своей историком литературы, терпеть не мог малейшей теоретической зауми. Но нельзя сказать, что в эпоху постмодернизма старому ученому жилось неуютно. Куда интертекстуалам и дискурсивщикам было тягаться с ним, знавшим наизусть до исхода лет своих многие сотни стихотворений?!

Слушать его лекции было удовольствием посильнее, чем читать классический детектив. Он всегда строго шел по теме. Но то и дело совершал необходимые историко-литературные отходы в сторону. При этом даже если очередную экскурсию прерывал звонок, на следующей лекции Михаил Павлович начинал ровно от прерванного места и вскоре выводил нас на дорогу, по которой мы и шли.

Да не только лекции! Любой, казалось, случайный разговор с ним обязательно сопровождался каким-то к теме подходящим, как притча, рассказом из истории русской литературы, России старой и периода СССР. Он ведь не из одних библиотек и архивов свои знания вынес. Помимо многого другого прошел солдатом Великую Отечественную войну...

Однажды сам на себя посетовал: «Я все-таки, наверное, акын!». Но без «акына» этого едва бы приобрели свой

художественный блеск многие таланты, окончившие Литературный институт во второй половине XX века. Он его называл «ха-ха век» и вот ушел вместе с ним.

Эвелина Ракитская ПИСЬМО ИЗ СЕТИ

Дорогая Галя! С большой радостью узнала, что Ваш муж Сергей Фаустов - племянник М.П.Еремина. Мы учились у него, на дипломе у меня он был рецензентом и очень меня хвалил, и даже как-то сказал, что когда у его жены болела голова, он ей читал мои стихи в качестве лекарства вслух. И еще он сказал, прочтя мой диплом, что меня нужно называть только по имени и отчеству – Эвелина Борисовна - соответственно моим стихам. Мне тогда исполнилось 28 лет. А Еремину было, я полагаю, в три раза больше. Вы напечатайте на принтере это письмо и покажите Сергею - ему, наверное, будет интересно.

А Анатолий очень тоже Еремина любил. То есть, сперва Еремин хвалил Анатолия, а потом уж Анатолий меня привел к Еремину (который не терпел женщин-поэтов вообще и евреек, я полагаю, в частности, что, в принципе, вполне входит в «харизму вологодской литературы»), о которой пишет в своей чудесной книге Ваш муж (С.Фаустов). Я тогда сказала, что у меня оппонентом будет только Еремин, и что если я хорошо пишу, то он должен меня похвалить! Хотя некоторые умные меня отговаривали: мол, он женщин принципиально не считает за поэтов... Ничего, меня посчитал. А сперва, наверное, думал, что я пишу чушь. Впрочем, так всегда бывает.

У Анатолия есть стихотворение, кстати, его можно найти на сайте Саканского, в публикациях - ну там откройте "Анатолий Богатых", и в книге там оно есть. В этом стихотворении есть строчки такие: "Старик Еремин нас заметил/ И на судьбу благословил".

Теперь немного о книге Сергея Фаустова. Анатолий, прочтя эпизод про пароход на рубцовских чтениях и падение пьяных людей за борт, сказал уверенно, что это было не в 76, а в 89-м году, и что об этом рассказывал Еремин, и что упало не 2 человека, а один человек - а именно - Вова Турапин, ужасный

поэт. Но я думаю, что таких эпизодов могло быть и два - и в том году, и в другом.

Всё это входит в «харизму» ту же самую, и я очень обозлена на эту харизму после чтения книги Людмилы Дербиной о Рубцове. Правда, у Сергея имеется в виду несколько другая харизма, и я думаю, что с учетом менталитета вологодского СП, некогда возглавляемого Беловым, Сергея Фаустова должны были просто зарыть в землю живьем и за его взгляды вообще, и за сравнение Рубцова с Бродским - в частности.

Хотя это совершенно верно, и очень верно! И я бы еще добавила, что сходство их в том, что они открывают пресловутое пространство стиха. Цитируемые стихи про холмы того и другого поэта как раз иллюстрируют эту мысль. Пространство стиха ведь раскрывается как? Разными приемами, если можно это так назвать: и образами, и интонацией, и ритмом, и мелодикой стиха. Правда, у Бродского это потом приобретает характер постоянного метода, а у Рубцова это выходило, наверное, случайно, потому что у него мало таких стихов.

Но направление одно и то же - именно в методе некоторых стихотворений. Может быть, Рубцов, если бы не погиб - сделал бы то же, что и Бродский. И я скажу даже больше: тот же метод нахожу у Людмилы Дербиной в «Крушине», чью книгу стихов мы тоже приобрели в вашем вологодском книжном магазине. Издана она, конечно, безобразно, но какие хорошие стихи! Если бы Рубцов ее не погубил, то она бы развивалась как поэт и ему бы еще утерла нос, я Вас уверяю!

Впрочем, ценить женщину как личность, а тем более поэта, - не входит в пресловутую харизму Белова и его друзей, которые потом плавали на пароходах, отмечали дни рождения Рубцова, напивались, естественно, но вовремя умели убежать от несчастий - вот что меня удивляет! А женщина, не только Рубцовым, но в первую очередь ими же и погубленная, томилась в неволе, да еще они писали в органы всякие гадости, чтобы только ее не выпустили! Какие всё же подлецы - ходили к Рубцову с бутылкой в любое время дня и ночи. Обо всем этом есть в воспоминаниях Дербиной - причем она, бедная, искренне полагала, что так и нужно: такова жизнь поэта... А кто ее в этом

убедил? Да друзья Рубцова - им же удобно, чтобы его спасали не они, а кто-то другой, в данном случае - несчастная женщина, поверившая во всю эту литературную чушь! Эти воспоминания нужно читать, их нужно издать огромным тиражом и сделать настольной книгой всех, кто думает, что пьянство - это принадлежность поэзии истинной. Какая чудовищная ложь и подлость - так говорить и снисходительно рассказывать о том, что такой-то пил, и такой-то пил, и все они вошли в историю литературы... А ведь всё это преподносится студентам Литинститута как откровение, и уж во всяком случае, алкоголизм трактуется как вполне нормальное явление и неизбежная принадлежность творческих людей. А потом самые чистые, тонкие души этому верят и хлещут водку, а другие, более хитрые, как - придут, выпьют - и занимают все больше места, и все блага получают, а их товарищ, которому любой друг, кто стакан нальет, погибает. Вот и вся харизма вологодской литературы советского толка. И не только вологодской, к сожалению!

...Простая баба не терпела бы Рубцова, не согласилась бы выйти за него замуж, не стала бы и гражданской женой, не жалела бы его, а просто сдала бы в ЛТП, и завладев к тому же квартирой. Дербина пишет, что тогда это был единственный метод лечения, но нельзя же сдать человека туда насильно (какое благородство, навеянное писательскими мифами!). Это ведь - пишет она - как в тюрьму, ее осудят - так она, вероятно, думала - все вологодские писатели (обратите внимание! - осудят писатели!). А эти писатели - недостойные, я Вам скажу, люди, если видели, как Рубцов издевается над женщиной, и ее не остановили, не сказали ей, что не надо жить с таким человеком, не спасли ее! А ему никто не набил морду за то, как он издевается над женщиной, а ведь видели, были свидетелями, она даже пишет об этом...

Ну, а то, что не задушила она его, я думаю, Вы и сами понимаете - он был хронический алкоголик, по всем признакам, ну и ему стало плохо сердцем в какой-то момент, вот и всё... Это мое мнение. А вот он-то мог ее задушить, и запросто! Вообще, многие эпизоды - это просто классика поведения алкоголика во время запоя: и эти уговоры не бросать его - ведь алкоголики боятся оставаться в одиночестве. Вот он ее и уговаривал, а она

такая чистая душа, что шла ему навстречу, подталкиваемая к тому же общественным мнением писательской организации: как же, гениальный поэт, его надо спасать! Это "спасать" - лейтмотив всех литературных отношений - он пронизал насквозь все годы мои в Литинституте, и я тоже в свое время купилась на этот лозунг. Но это, Галя, ложь, лучше бы Дербина писала больше стихов, и ее саму спасал бы какой-нибудь добрый слесарь-сантехник. И обратите внимание: если бы так, как Рубцов, погиб бы слесарь-сантехник (да и гибнет их очень много!) - то все бы жалели его жену и ни в коем случае она бы не пошла в тюрьму. Наоборот: ей бы еще сочувствовали.

В книге Дербиной детально описаны многие эпизоды, по которым просто невозможно не поставить диагноз - "деградация личности на почве хронического алкоголизма". Эти сцены иной раз один в один - даже слова совпадают! - повторяют, скажем, мой личный жизненный опыт (я довольно много общалась с алкоголиками, пишущими стихи).

Ну, а Сергей Фаустов, ваш муж - прекрасный критик и эссеист. Особенно меня порадовал его тезис "автор всегда прав, даже если он не талантлив". Это просто мои собственные мысли! Это свобода самовыражения любой личности!

Всё сказанное в «Харизме» Фаустова нисколько не отрицает поэтических заслуг Рубцова. Наоборот, подчеркивает их, учитывая это страшные бытовые обстоятельства. Ведь многие поэты умирают, и от них даже текстов не остается. В его судьбе, я думаю, немало виноваты его друзья, которые теперь веселятся на пароходах во время рубцовских чтений, а молодые поэты, как описанный выше студент Литинститута Вова Турапин, восприняв всё за чистую монету, чуть ли не гибнут в этой мутной воде. Турапина искали за бортом 40 минут - он спасся просто чудом! - об этом Еремин рассказывал, это даже я помню...

Тамара Сизова ОБРАЗЫ И ПРООБРАЗЫ

Кто первый появился на вологодской литературной тусовке - С.Фаустов или А.Трещалов? Они ведь оба начали с мелких публикаций в вологодской прессе, так как крупные публикации во времена застоя для них были попросту невозможны.

Трещалов, будучи пишущим человеком свободной профессии (сейчас это называлось бы «журналист на договоре») – писал все подряд, и однажды его занесло в газету «Вологодский подшипник», где напечатали его заметку «Стандарт самодеятельности». Это был, кажется, отклик на концерт известного самодеятельного композитора Владимира Андреева. Трещалов, как обычно, шатался по городу в поисках строчек, зашел на музед на пр.Победы, десять минут послушал, покурил на крыльце и, недолго думая – выдал. И рассеянно подписал свою фамилию, хотя до этого печатался под псевдонимами. Газета попала к Андрееву, тот расстроился страшно и тут же принес опровержение. Редактор Наталья Полищук ничего опровергать не стала, поэтому заметки Андреева очень не сразу попали к Трещалову...

«А кто автор?», - воскликнул легкомысленный автор, и с испугом увидел свою фамилию. Потом карьера Трещалова пошла без потрясений, так как карьеры не было. Он то работал, то не работал, то уезжал, то приезжал... Пока он себя искал, легкомыслие, добродушие и леность сыграли с ним злую шутку – его статьи 80-х годов постепенно забылись, а сам он перекочевал в анекдоты так же, как это было с Чапаем и Петькой. О чем и повествуют анекдоты, собранные совершенно разными, даже не знакомыми между собой людьми. Надеюсь, издатель их разыщет и опубликует.

С Фаустовым другая история. Будучи человеком солидным, обремененным научной степенью и работой в ВУЗе, он не желал светиться в прессе. Но однажды, придя в театр «Аквариум», он был поражен глубиной и философичностью пьесы. А поскольку театр нуждался в поддержке и в хорошем общественном мнении, появилась о нем статья господина Фаустова в самой молодежной газете города...

Еще одно отличие между Трещаловым и Фаустовым: если первый писал обо всем подряд, от бардов до выступления мэра в заштатной библиотеке, то Фаустов изначально не любил чиновников и сосредотачивал внимание только на вопросах культуры, впрочем, и это понятие он не признавал. Ему интересна не культура как структура, а сам творческий процесс.

Трещалов всю жизнь пробегал в рваных джинсах и пиджаке из пестрого букле, а Фаустов – приверженец строгих костюмов и пуловеров черного цвета. Трещалов простодушен, любит пиво и компании, а Фаустов донельзя сдержан. Он даже смеяться себе никогда не позволяет, и если смешно, то сдерживает смех с сомкнутым ртом. И предпочитает уединение...

Трещалов начинал много всяких проектов, но так ничего не довел до конца, а Фаустов автор двух книг и собственной теории в области поэзии. До сих многие вологжане трепетно хранят старую карту «Вологда с птичьего полета», которую издал Фаустов в рамках проекта «Свеча». Трещалов так и живет до сих пор в заводской общаге и работает дворником – это позиция. Фаустов – человек с определенным положением в социуме. Написав книгу «Харизма вологодской литературы», он стал членом Союза российских писателей и четыре года был председателем... Он выступает на радио и телевидении, дает интервью зарубежным обозревателям. Правда, бывшая коллега по союзу Т.Тайганова критиковала его работу, приведшую по сути, к развалу вологодского отделения союза, но и она сама добилась весьма скромных успехов на этом поприще.

Не кто иной, а именно Трещалов стал персонажем романа Г.Щекиной «ОР». Арик Трещалов по жизни, изображенный как обозреватель еженедельника Арий Арьевич Трещалов, веселый гуляка и обожатель женских ног, любит «побулькать об искусстве», но никогда и никто не может дождаться от него статей. На презентации книг и картин он ходит попить винца и пообщаться. Образ узнаваем, ничего не скажешь. Может, действительно, пока говоришь о живописи в сигаретном чаду – это интересно, это плюстит. А как сел писать – очарование пропало. Ну, и Бог с ним.

С Фаустовым, напичканным идеями по самые брови, литартель «Ступени» столкнулась лоб в лоб в 1996 году. Первая же идея – издавать пресс-релизы лито «Ступени» была подхвачена литовцами и пошла «на ура. Галина Щекина на каждое заседание тащила пачку одноразовых листовок, которые расхватывались без возврата. Обсуждение стали содержательней, людей стало больше, да и авторам хотелось

получить лишнюю публикацию. Поэтому на задней обложке книги «Харизма вологодской литературы» оттиснуты несколько названий тогдашних Пресс-релизов. Их даже по библиотекам, помнится, разносили. Но кто будет хранить листовки? Это вам не книги Вологодской писательской организации. Однако пресс-релизы дали практический результат – и это книга «Харизма вологодской литературы».

Презентация ее прошла в пресс-клубе «Красного Севера», в составе публики видны были корреспонденты городских газет, которые уснули от умных разговоров. И напрасно. Далее – моя заметка в «Насон-городе» 1997 года:

«ХАРИЗМА НАЧИНАЕТСЯ ПРОСТО»

Игорь Шайтанов, вологжанин, живущий в Москве и возглавляющий Букеровское жюри, сказал однажды на встрече с журналом "Арион": литература кончилась. С тех пор многое изменилось, и сегодня ему "хочется открывать имена". И его заинтересовало одно книжное событие в Вологде - 25 декабря в пресс-клубе "Красного Севера" анонсирована необычная книга Сергея Фаустова "Харизма вологодской литературы". В беседе с Н.Веселовой он узнал о литартели "Ступени", объединяющей упомянутых авторов и об отделении СРП, возникшем на базе литартели. "Я член союза московских писателей, а то, может, вступил бы, "- пошутил Шайтанов.

«Харизма...» писалась последние три года, а ее истоки - в далеком двадцатилетнем возрасте автора, когда еще в Вологде жил В.Астафьев: с ним и его вологодскими собратьями по перу автор познакомился за праздничным столом у себя дома. Тут тоже просто - дядя автора М.П.Еремин, профессор литературного института, наезжал тогда к сестре в Вологду.

"Харизма вологодской литературы" - не перечень вышедших книг, не просто "комментарии по поводу". Угол зрения автора позволяет бросить взгляд на вологодскую литературу в конце XX века, когда наряду с традиционным ее руслом возникает пугающая новизна. Новизну можно не принимать, отрицать, но сделать вид, что ее нет - уже невозможно.

Автор книги С.Фаустов несколько раз "прыгает через голову": анализирует труднодоступный текст, применяет для этого нелитературный инструментарий, а также показывает творческий процесс, фактически находясь внутри него и им же управляя. Ни для кого не секрет, что приход Фаустова в литартель "Ступени" сделал заседания более дискуссионными и волнующими. Его краткие сообщения воспринимались то как

свежий ветер, то как хитрая провокация. Они стали отдельной главой "Харизмы..."

Что касается рассматриваемых авторов, то среди них больше женских имен. Отвечая на вопросы женского радиоклуба "Марина" на областном радио, С.Фаустов подтвердил это, определив феминизм как гуманизм и как реакцию на деградацию мужчины. "Женщина более готова к испытаниям, тогда как мужчина ориентирован на успех и обречен быть мальчиком... Наверно, поэтому женская поэзия так сложна, эмоциональна и сильна - И.Метляева, О.Кузнецова, Н.Сучкова, Т.Тайганова".

Традиционные тексты известных прозаиков В.Плотникова и А.Цыганова прочитаны Фаустовым через призму мифологизации. Прозаик и поэт С.Донец прочел на заседании в пресс-клубе целый доклад на тему "Харизмы". При этом он сам - персонаж книги, и он же ее первый читатель. Другой персонаж - поэтесса О.Кузнецова воскликнула, что от новизны "Харизмы" крыша едет, а прозаик Н.Веселова читает "Харизму вологодской литературы" как художественное произведение. Поэт М.Сопин сказал о "Харизме": "Это несомненный успех. Я долго ждал появления такой книги. Фаустов - первый человек, который показал еще одно мировоззрение, отличающееся от устоявшегося и устаревшего. В нескольких местах книги я чувствовал, что автор удерживает себя в узде, чтобы не производить хирургии с живыми людьми, хотя это придется когда-то сделать. После прочтения возникает вопрос, не является ли человек с его представлениями и его существующим мировоззрением, охватывающим "литературную вилку" от XI до XX века, лишним на границе с третьим тысячелетием?"

"Я сопротивлялся выходу "Харизмы", - признался критик С.Фаустов, - потому что она не дописана. Обидно ставить точку, когда еще столько не сказано. Будем считать, что это первый том". (Тамара Сизова)

Но продолжения не последовало.

Другое, не менее «харизматичное» яблоко стукнуло Фаустова по голове почти через десять лет. Размещая свои тексты в сети Интернет на Стихи.Ру и став популярным сетевым автором, Фаустов обнаружил, что критика изжила себя и вывел новую теорию, изложенную в работе «Гипотеза поэзии»... Придя на заседание Лито в Пантелеевском доме, он так и заявил, что с критикой пора покончить. Но нет критики, так, стало быть, и критики не нужны? Все были в шоке, но сам критик Фаустов

только усмехался. В течение долгого времени он искал острей литературы, подталкивая реагировать на книги и выступления – а тут вдруг: нет критики. А без нее поэты как ...эти самые...на льду.

Вообще, яблоки идей падают на этого человека слишком часто, и в духе времени можно сказать – «пипл» не поспекает... Но Фаустов не демократ-разночинец и в пипл ходить не стал. За ним, правда, замечено одно такое хождение: в картинной галерее, когда там был 25-й юбилей лито «Ступени», он запустил Птицу Творчества. Запускать журавлика в потолок было с его стороны неосторожно. Музы не клюют на дешевые эффекты...

И все же Фаустов сам стал прообразом еще одного героя – Бороды Эпикурейца в повести Г. Щекиной «Банкет». Но не потому, что носил в те времена прибалтийскую бородку.

Трещалову повезло – будучи по жизни хорошим человеком и отменным разгильдяем, он был поднят с пола, отряхнут и облечен в одежды обозревателя. Он в «Оре» так пьет, так говорит - заслушаешься.

Фаустов - наоборот, скрытный человек, сухой, воспитанный, каким его узнали поэты на лито «Ступени». Но в молодости он тоже был немножко разгильдяем, так вот - об этих грешках молодости, о том, что обычно скрыто от глаз толпы - и написана повесть «Банкет», где ночь-полночь, но вот тут - сидят пьяные друзья Бороды, а вот тут – «деть» Бороды на горшке (как мы знаем, у Фаустова трое взрослых детей).

Но поскольку Фаустов есть в реальности – иначе он не был бы председателем Вологодского отделения Союза российских писателей! – а Борода всего лишь персонаж, вопрос о первичности Фаустова и вторичности Бороды Эпикурейца здесь даже не обсуждается. Или обсуждается, но не здесь.

«Комар должен быть пьяный. - Борода поставил стакан с водкой на торшер, где клубилась туча комарья. И ничего не пролил. О, жест Эпикурейца!»

«Тихо, - сказал Борода. – Я настаиваю, чтобы профессура удалилась». «Борода глубоко задумался. Думал он всегда красиво и долго. Его серые очи излучали неземной свет». «Борода устал готовиться ко дню рождения, происходившему

постоянно и не просекал дислокацию». «Борода был пацифистом и поспорил на три ящика пива, что крымские татары теперь вернуться». «Тут все подошли поближе и увидели, что в траве сидит голый ниже бороды Борода Эпикуреец. Все в куртках, а он в плавках». «Борода не любил суеты по утрам. Он гордо говорил, что не был в трех местах - на зорьке, на вечерке и на конференции. Поэтому была у него полнота ощущений...»

«Борода был сложное сочетание сачка и работяги. Он то и дело отправлял в ВНИИГПЭ заявки на изобретения. Всего около 70 отправил, около 50 авторских свидетельств получил. Все стены дома можно повесить. То есть каждую неделю при ежедневной трудовой вахте, при постоянстве пива и водки, при бесконечных международных матчах, занятиях по графику, и длинных шахматных партейках! Шеф каждую минуту мог нагрнуть, поставить вопрос торчком! Приходилось быть наготове. Однажды, застав в лаборатории жуткий бардак, дым столбом и гору бутылок, Шеф, подобно Борману, зловеще сказал:

- Я поражен.

Никто не мог преодолеть столбняк. Но это сделал только такой человек, как Борода. Он повернул фотогеничное лицо в три четверти и с пафосом ответил:

- Я тоже». (Г. Щекина, «Банкет»)

Даже без всяких пояснений читатель может догадаться: перед нами приключения из жизни молодого Фаустова, так как старый Фаустов молчалив и загадочен, а Борода, несмотря на бороду, говорлив и простодушен. Корень в том, что и Фаустов, и Борода работают в каком-то институте и иногда занимаются наукой: Борода в перерывах между банкетами, а Фаустов - в перерывах между литературой. И в том, и в другом заключена некая неуловимая харизма, а о ней внятно написал Фаустов.

Возможно, между персонажами всей этой троицы есть какая-то связь. Возможно даже, что это один и тот же человек. Но это всего лишь гипотеза, а не аксиома. И уж тем более не парадигма.

Владимир Петринчик:

«ДА Я ПОДСИДЕЛ МИХАЛЫЧА»

Михалыча я знаю давно, с августа 1976 года. Тогда-то он был простым человеком – заведующим лабораториями кафедры

теоретических основ теплотехники Вологодского политехнического института. Я пришел на кафедру в должности старшего лаборанта и сразу начал подсиживать Михалыча. Через некоторое время он был переведен с должности заведующего лабораториями (150 рублей в месяц) на должность ассистента кафедры (125 рублей). Я его подселел!

Но, тем не менее, хорошие отношения сохранились у нас с Михалычем и по сей день.

Александр Красильников: «АНАЛОГИИ»

В армии я познакомился с удивительным человеком – Дмитрием Вернером. Grimаса судьбы: выпускник мехмата ЛГУ был вынужден служить полтора года рядовым Советской Армии. Меня поразили сила духа этого физически довольно слабого человека и его жизненная философия: пусть все идет, как идет. И вместо того, чтобы учиться в аспирантуре, готовить кандидатскую (которую он, кстати, защитил через год после демобилизации), он все полтора года носил солдатскую форму.

Каково было мое удивление, когда через несколько лет я познакомился с человеком, внешне на Димку абсолютно не похожим, но абсолютно совпадающим с ним по жизненным подходам и внутреннему духу. Я не раз позже поражался ответам Михалыча на те или иные вопросы, которые, с моей точки зрения, требовали какого-то вмешательства, стремления что-то изменить, Михалыч обычно говорил: «А зачем? Пусть все идет, как идет». Наверное, это самое главное, что отличает его от многих окружающих.

Что удивительно, ведь Михалыч не только тоже защитил диссертацию, но и занялся литературой, в том числе и в интернете. А Димка, тоже преподаватель, профессор университета штата Коннектикут, открыл первый в интернете сайт анекдотов на русском языке. Возможно, Димкины анекдоты и не соответствуют литературным устремлениям Михалыча, но аналогичным образом и творчество Михалыча не вошло в собрание анекдотов Димки.

Вот из-за всех этих аналогий я и считаю их обоих своими друзьями.

Татьяна Плен:

**«БЕЛЫЕ БЕСЕДЫ О БЕЛОМ СВЕТЕ В БЕЛЫЕ НОЧИ
СРЕДЬ БЕЛЫХ СНЕГОВ»**

- Это вопрос?
- Нет, ответ.
- Очень хорошо.
- Дискуссия.
- Энтропия растет. Ее нужно понизить.
- Натянуть тетиву пространства
И послать времени новую стрелу.

- Наноэкспериментально наука установила первородство яйца. Будто она не знала, что из яйца вся динозаврья стая есть пошла.

- Знала, но утверждала, что мезозойские земляне вымерли без следа.

- А может, наука не отличала яйцо, из которого курица появилась, от яйца, которое она позже снесла?

- А кто ее знает... И все ж разобрались.

- Ну, за нанонауку! Ура!

- Где лучший город на Земле?

Там, где земляничные поляны?

Или это город, самый удобный для просто жизни?

- Или город особой литературной харизмы.

- Это ответ?

- Нет, вопрос.

- Очень хорошо.

- Можно подумать.

- И попутешествовать.

Елена Румянцева: «ОН САМ»

Мы договорились, что я принесу материалы для сборника о Нем. И надо же: только я позвонила в дверь, как мне открыл не кто-нибудь, а Он сам. Но я хотела сделать это втайне от Него! Чтобы он потом не говорил, что мы полгорода подняли! Оказалось, жены нет, и я впала в столбняк. Он тоже замер, понимая, что что-то не так.

- Вы один? – почему-то спросила я.

- Нет! – быстро ответил Он, отрезая мне пути к отступлению.

После чего я надолго замолчала.

- Но Галя обещала мне помочь... - пробормотала я.

- Но ее нет, - молвил Он.

Это было и так понятно. Помолчали еще.

- Можно переписать? – намекнула я. И показала издалека флэшку.

Где-то играла музыка, и раздавался резкий смех

- Кто же будет переписывать? - озадачился Он.

Было понятно, что это не должен делать Он, иначе он все увидит. А мне было неловко идти через всю квартиру в сапогах. Где-то рывками вскрикивал рояль.

Ушел Он вглубь и стал щелкать клавиатурой. Но Он же не сказал, чтоб я проходила, поэтому я продолжала находиться в столбняке. Через некоторое время Он вышел и стал смотреть, как я стою.

- Видимо, переписывать надо тебе самой?

- Видимо, я создам папку? - обрадовалась я.

Оставив сапоги, я на цыпочках прошла по ковру в нитках и стала переписывать файлы с флэшки. Через пять минут все было готово.

- Не буду читать, - уверил Он меня.

Я заулыбалась. Он сам заулыбался. Все бы ничего, но мне еще нужна была Его фотография. Я трусливо скрыла этот факт, и позже снова пришла, когда Его уже не было. Жена Галя выдал мне Его фотку «с бородой», и я пошла...

Но самое странное знаете что? Что в первый раз до Его дома меня подвез мой начальник. А тот точь-в-точь как Он.

И разговаривает так же, и по работе общается так же. Так же по телефону кивает молча, хотя собеседник не видит. Тоже Телец, тоже умный, и очень тихий. Только на десять лет моложе. Приходя на работу, я как бы вижу Его. А уходя с работы, жду в гости компанию, в которой все ждут Его. Когда Его нет, все спрашивают, где же Он. А когда Он Сам приходит, все молча смеются. Вот почему так? Не знаю.

Рита Грин: «ЧТО НЕЗАБЫВАЕМО»

Как-то утром, за завтраком, случайно услышала сообщение о том, что в каком-то институте, исследуя мозг, задели электродами участок мозга и... подопытный человек вспомнил ВСЁ, что уже давно забыл. Правда, после того, как были удалены электроды, память стала ослабевать и, в конце концов, он опять все благополучно забыл.

А в это время, слушая передачу, я безжалостно ругала себя за то, что, пообещав написать воспоминания из моего детства, ничего конкретного вспомнить не могла. Вместо них были только щемящие ощущения тихой радости и любви. Вот если бы вспомнить хоть малую толику того, что было с нами! Но мой мозг, утомленный многочисленными гипертоническими кризами, не удержал ничего! Вот такой ужас!

Просматриваю фотографии, их мало сохранилось у меня. Вот Сереженька маленький, годика два, стоит голенький (почему-то маме нравилось фотографировать нас в таком виде), видимо, замерз, плачет, топорщатся кудрявенькие светлые волосики. Мне не пришлось с ним нянчиться - были няньки, поэтому никаких неудовольствий и хлопот он мне не доставил, к тому же он не был плаксой и ябедой. Я училась в старших классах, а Сережа с Томочкой еще были «мелочь пузатая». Им всегда было интересно подсмотреть, чем это я там занимаюсь у себя в комнате, они приоткрывали дверь и дразнили меня: «Рита-брита-колбаса», да не один раз, пока я не выдерживала и не выбегала за ними, кто первый попадает, тому и достается от меня. Но больше и чаще всего попадало сестричке Томочке, братишку я щадила, он был ещё маленький и не вредный. Драться я любила всегда, за что мне часто и заслуженно попадало от мамы.

А вот Сережа постарше: худенький мальчик в розовой рубашоночке и широких сатиновых шароварах, остановился набегу. Видно, что ему очень весело и хорошо бегать по прекрасному сосновому лесу, в котором так вкусно пахнет смолой, где шелковый подстилок из еловых и лиственничных иголок, где так много всего интересного, так много неизвестного, где тут же рядом его друзья.

В 17 лет я уехала из дома. Отправив меня учиться в Ленинград, родители мои, в первую очередь, мама, мечтавшая получить высшее образование и так его и не получившая, что нисколько не умаляло её достоинств, хотели, чтобы у меня было настоящее столичное образование. Я до сих пор удивляюсь тому, как они смогли меня, домашнюю, тихую, девочку, любившую приврать для повышения самооценки, отпустить так далеко от дома, от родителей, от сестры с братом. Я жила в общежитии, в комнате, где обитало еще 12 девочек разного возраста, положения, воспитания. Некоторые только что окончили школу и получили место в общежитии, так как происходили из малообеспеченных семей. Иные уже в том году заканчивали институт и были закаленными в жизненных, любовных и прочих боях амазонками. Они-то и уберегали и предостерегали меня от ошибок. Я тогда этого не понимала. Только уехав из дома и простившись с маминым диктатом, я вдруг снова получила его с избытком и поэтому очень была недовольна, но именно он, этот диктат, спасал меня от многого, что могло испортить мою жизнь. Но, Боже мой, как я скучала по дому! Как мне не хватало всего того, что я оставила там. Помню, написала домой о том, как я соскучилась по тушеному зайцу, охотился на которого папа и которого мама мастерски готовила. Что ж, мама, приготовив, выслала его в посылке. К сожалению, за то время, пока посылка двигалась от Якутска до Ленинграда, несмотря на холодное зимнее время, заяц приобрел определенный аромат. Просто выбросить его было невозможно. Девчонки вымочили его в марганцовке и уксусе, высушили, натерли чесноком, подогрели в духовке, накрыли стол и в комнате был настоящий пир. Ели припахивающего зайца, пили чай с конфетами и печеньем из той легендарной посылки. А после, ночью, я долго, с наслаждением, плакала, вспоминая

свою жизнь дома. Почему-то горше всего было думать о братишке Сереженьке, который пошел в тот год в школу. Мне прислали фотографию, где он стоит в школьной серой форме, подпоясанный ремнем и в непомерно большой фуражке, веселый и гордый. Глядя на фотографию, я плакала в подушку, чтоб никто не слышал. Ночами мне снились страшные сны: вот он идет в школу, поскользывается и падает, сломав ногу; то попадает под машину; то его обижают чужие мальчишки. Иногда меня будили, потому что я стонала во сне, иногда кричала или не спала всю ночь. А однажды, на каком-то фильме о старинной жизни, где мальчик возраста брата, так похожий на него, замерзает на горке, потому что мать предпочла ему любовника... в общем, очнувшись я на улице, куда меня вывели люди, оказалось, что со мной случился обморок.

Оторвавшись так рано от родителей, я каждый год стремилась приехать домой, и одна из причин - желание увидиться с братом, ведь он рос и выросл уже без меня. Спасибо, спасибо и еще раз спасибо моим родителям! Несмотря на то, что я стояла им огромных денег, учась без стипендии так далеко, они позволяли мне приехать в Якутск на летние каникулы. А лето в Якутске, на даче, мне кажется, было самым любимым и самым замечательным временем в жизни. Так хорошо мне было еще только на Мауре, поэтому мне всегда хотелось вернуться в якутское лето, что практически было невыполнимо, и теперь, при первой возможности, я езжу на бычок, на Мауру, и от этого счастлива.

К сожалению, привыкнув к студенческой разбитной жизни, я успокоилась и все меньше стала думать о доме, об оставленных там родителях и брате с сестрой. Как они жили, как выросли - все это отошло на второй план, у меня была своя непростая жизнь. Окончив институт, я вернулась в Якутск, покалеченная, но выжившая после жалкой и несчастной любви, но не потерявшая надежды на её возвращение. И родители (удивляюсь!) опять отпустили меня в Ленинград, откуда, в конце концов, вынуждена была уехать, признав, что я не нужна там никому. Приехала я тогда в Анапу к маме и лечившемуся после перенесенной операции Сереже. Как мы там купались с ним в теплом Черном море, поедали горы фруктов, объедались чебуреками! Там он научился так красиво плавать и нырять, что

восхищало меня, именно там он получил мощный заряд здоровья и энергии. И именно про Анапу я вспомнила в те страшные дни, когда мой сынок медленно таял, переползая из одной тяжелой болезни в другую... Но это уже другая история.

Приехав в Калининград, где я опять на короткое время соединилась с семьей, я увидела высокого красивого мальчика-юношу со стеснительной и милой улыбкой, узнала о его любви к музыке «Beatles», рок-музыке. Было удивительно интересно узнавать его снова. Он выучил английский язык, потому что на нем пели «Beatles». Я его страшно уважала за это, потому что сама так и не смогла чего-то достичь в изучении языков. Я страшно гордилась тем, что он, решив написать на «Би-Би-Си» письмо о музыке, которая ему так нравится, поделился со мной, и хотя я в то время понимала, чем это ему может грозить, я не сказала ему «нет, не посылай». Во всяком случае, он отправил письмо, и чудо свершилось, ему не только ответили, но и прислали баснословно дорогую для всех битломанов пластинку с их последним альбомом, который надолго сделал брата самым популярным человеком уже в Вологде, куда вскоре он переехал вместе с родителями.

В начале 60-годов в Калининграде было еще много живописных руин, оставшихся после войны, они были прекрасными декорациями для военных фильмов и фильмов о послевоенной жизни в разбитых войной городах. Снимался, ставший впоследствии популярным, молодежный фильм «Где ты теперь, Максим?». Уж и не помню, как попал на съемки в массовку Сережа, (он в то время учился в старших классах), видимо, были приглашены ребята из местных школ, а его даже отобрали играть в эпизодах. Иногда, после работы, я приходила и смотрела, как они там разбирают развалины, насыпая полные носилки камней и песка, настроение на съемочной площадке было бодрое и веселое. Познакомилась и разговорилась с помрежиссера и он, узнав, что я сестра Сережи, сказал, что этот мальчик очень интересный – похож на молодого Стриженова. Я была горда. Фильм получился хороший. Мы, сколько показывали его, столько и смотрели. И всегда с нетерпением ждали появления на экране Сережи с носилками или идущим на танцы. Он был в вельветовой курточке с белым воротником-апаш.

Еще я узнала, что он очень хотел учиться в Ленинграде в университете на философском факультете, но родители старели, возможность учить ребенка на стороне иссякли. Это нам с Томой повезло, а ему пришлось заниматься тем, что его в то время совсем не привлекало. Но талантливый и умный человек везде и во всем талантлив: он стал прекрасным преподавателем одной из самых сложных и трудных дисциплин – теоретической механики.

А потом у меня началась интересная работа, я вышла замуж и, наконец, после нескольких неудачных попыток, удержала ребенка в себе. Меня больше ничего в этой жизни не интересовало: мне нужно было во чтобы то ни стало родить его, жизнь без него теряла для меня всякий смысл.

Родился у меня сын Владик. Так как муж в это время служил на китайской границе, мы жили с сыном вдвоем и, начиная с первого года жизни, ездили в Вологду, к папе с мамой, которые на лето привечали нас в своем доме и на даче. Сережа работал и учился, у него была своя жизнь, но он всегда находил время поиграть с племянником, позаниматься, повозиться. Как они были близки, как понимали друг друга, как положительно влиял Сережа на него. Иногда наблюдая за ними, я удивлялась тому, как они разговаривали, понимая друг друга с полуслова, я еще ничего не поняла, а они уже смеялись, никакого напряжения, никакого недовольства тем, что он так ему надоедал своими бесконечными вопросами, всегда был терпелив, ироничен и философски спокоен. Владик даже говорил с его интонациями и иногда выдавал такие же афористичные фразы, что сразу же напоминало мне Сережу, и вызывало всплеск теплых воспоминаний. Подрастая, сын никуда не хотел ездить, только в Вологду, к дяде, так он его называет и сейчас. А уж когда мы стали ездить на Мауру, на Сиверское озеро, на наш любимый «бычок» на берегу Шексны и там отдыхать и рыбачить, то воспоминаний об этом хватало на весь год. Мне достаточно было пригрозить тем, что мы не поедem к дяде Сереже летом, проблем с непослушанием как не бывало. В том, что у сына развился хороший музыкальный вкус, тоже заслуга Сережи. Многие песни «Beatles» сын, еще не зная языка, пел так, как слышал, его даже прозвали Хусотка, потому что он постоянно распевал одну из песен «Beatles», где были такие слова: «Джо,

Джо, человек, который думал (ху сот), что он одинок». («Jo, Jo was a man who thought he was alone»).

Однажды, уже в старших классах состоялось родительское собрание вместе с учениками, говорили о многом: о поведении на уроках, о поездке на пикник, о сочинениях на тему «Мой любимый герой». Все писали кто о чем, а отрывок из сочинения сына был прочитан с укором, потому что он не написал о Павке Корчагине, о Гагарине, о Героях войны и труда и прочих литературных героях. Ему и мне, как маме, поставили в упрек то, что он в своем сочинении назвал своим любимым героем своего дядю и написал почему. Это для неё, учительницы, было странно, а для меня было абсолютно понятно, потому что в то время Сережа действительно был кумиром и образцом для подражания во всем. Я так жалею сейчас, что не попросила это сочинение отдать мне, сейчас было бы очень интересно прочитать его, а тогда приходилось оправдываться и настаивать на том, что «тройку» за содержание ставить нельзя. Спасибо Сереже за то незаметное, но такое важное нравственное влияние на сына, которое сделало его таким человеком, какой он есть сейчас.

Сережа – мой младший брат, он намного моложе меня. Видимо, в отношениях к нему у меня в свое время присутствовали какие-то материнские чувства, хотелось помочь, оградить от неведомых опасностей. Сам он не жалуется никогда, ни на что, стойко переносит все удары судьбы, выпавшие на его долю. Это вызывает огромное уважение к нему и мне самой хочется соответствовать ему, как должна соответствовать старшая сестра. Что бы ни было, какие бы поступки я ни совершала, никогда, ни за что он меня не осуждал, не упрекал, всему находил оправдание. Откуда у него эта способность, как он может все прочувствовать, понять, объяснить, успокоить?

С возрастом я все больше стала ощущать себя рядом с ним младшей сестрой. Когда видишь, как он уверен в себе и в тебе, как он мудро и справедливо принимает всегда единственно верное решение. И это счастье!

Дарья Михеева: «ФОНАРИК СО СНЕЖКОМ»

В комнате темно. А за окном оранжевый фонарь. Из него большими хлопьями падает снег. Беззвучно, равномерно и бесконечно... «Это фонарик со снежком» - говорит мне папа. Я у него на руках и долго смотрю туда, молча. Я не знаю, откуда в фонаре берется снег, хотя уверена, что сыплется он именно оттуда. И не задаюсь вопросом, просто воспринимаю это как данность, как закономерность. Ведь это – «фонарик со снежком». А потом спать.

Я помню еще одну таинственную закономерность, относящуюся к ритуалу «ПЕРЕДСНОМ». Дверной *глазок* – он всегда светился в темноте. Если выглянуть из комнаты, то в конце длинной и темной прихожей, светилась желтая точка по центру. Папа берет меня на руки, и мы медленно приближаемся к ней. Сначала смотрит папа, потом я. Там все круглое и желтое и маленькая дверь напротив. Это все в глазке, а не за дверью. Тут тоже все как раньше, как надо. Значит, теперь спать.

Купание происходило в маленькой детской ванне и всегда с папой. Сначала он не знал, кого он будет купать. Потому что я отвернулась, и ему приходилось угадывать кто это. Он перечислял всех девочек из моей группы в садике, кого знал. И все напрасно. Когда он сдавался, я с восторгом поворачивалась, а он так удивлялся! В моей ванне всегда была живая пробка. В неожиданный момент она начинала шевелиться и выпрыгивать из дырки. А вместо нее появлялся чей-то палец. На голове мылилась пена, а потом папа из мыльных волос делал мне всякие рожки, и они торчали вверх.

В садик мне не хотелось. Утренняя летняя свежесть. Папа ведет меня за руку, я говорю: «хочу пить». Папа подводит меня к листику на кусте, а на нем капля. Я хватаю ее ртом и ищу еще такую же. Они блестят от солнца, и они сладкие!

Однажды я просыпаюсь утром и понимаю, что выходной, потому что не будили. Яркое весеннее солнце прямо в окно. Папа приходит и говорит, что пойдем на демонстрацию сегодня! Видимо, мне не особо важно, что именно такое эта

демонстрация, понятно, что что-то радостное. Я уже большая, мне четыре или пять. У меня пальто клетчатое до колен с малиновыми овальными пуговицами. У меня есть красный флажок и воздушные шарики. Мы шли, и с нами шли еще другие люди. И впереди нас, и сзади, их было много, мы шли все вместе, и все были радостные. Играла музыка, и такое яркое солнце было!

Когда я уже совсем выросла, и мне было шесть, однажды вечером папа с мамой стали куда-то собираться. Папа сказал, что маме надо в больницу. И я сразу поняла, что это как-то связано с маминым большим животом. Ну, надо так надо. Потом через какое-то время после разговора по телефону папа мне сказал, что у мамы появился ребеночек. Я запрыгала и сказала, что буду его всяко качать и нянчиться с ним.

- А бить ты его не будешь?

- Нет! Только качать и качать! – я же не думала тогда, что он потом вырастет.

Потом мы ходили смотреть на маму с ребенком в окне, решали, как назвать: Прохор или Илья. Я, конечно, выбрала Илью.

Папа ходил на рынок с большой сумкой на колесах. Приносил много еды. Однажды он принес из «Океана» большую рыбу и запустил ее в ванну. Она стала плавать там, как в аквариуме!

Папа всегда вносил противоречия в воспитание детей. Он по своей натуре не мог делать то же самое, что мама. А потом говорил: «я делаю так, как не надо делать». Если мама читала нам книги, то папа делал из них городушки. Мама укладывала меня спать днем, а я не хотела. Папа сказал, когда мама не слышала, что когда она уйдет, он позовет меня, и я встану. Я успокоилась и довольная стала ждать. Но когда папа позвал меня, я уже слышала это издали, так как через секунду уже крепко спала. Потом я часто вспоминала это и расстраивалась оттого, что так и не смогла встать. Это папины принципы противоречия, которые дали мне первые понятия о свободе выбора.

Я не помню, каким именно образом я стала слушать папину музыку, но началось это с четырнадцати лет. И это были Битлы.

Я стала постепенно перемещать кассеты с их музыкой с его полки на свою. Я забрала большие наушники. Папа стал мне постепенно давать всякие источники информации – книги, блокноты, подшивки, и я ушла в них. А потом была и другая английская музыка 60-х, 70-х... Это было то, что впервые по-настоящему нравилось мне. Несомненно, это и сформировало мои музыкальные вкусы. Хотя я и училась на тот момент музыкальной школе, но только после Битлов у меня начала развиваться настоящая музыкальность. Я стала импровизировать и сочинять.

Мы с папой мало говорим друг с другом. Не потому, что мы разные и не о чем поговорить, а скорее наоборот. Он знает ход моих мыслей. Папа знает себя, значит и меня. Поэтому ему не нужно каждый раз объяснять мне что-то новое, он знает, что я пойму это сама, когда нужно, если вообще понадобится.

Тамара Белякина: «ДОБРЫЙ ГЕНИЙ ЭТИХ МЕСТ»

Посвящается Серёже

Большой новый дом из толстых сосновых брёвен в сосновом лесу. Сразу от большой веранды вниз спускается песчаная гора.

Тепло, солнечно, пахнет горячим сосновым духом.

Возле меня возятся в песочке с совочками двое детей трех-четырех лет.

Девочка на редкость красивая, с большими карими глазами и длинными ресницами. И рядом мой братик – с тоже большими серыми глазами и длинными ресницами.

Они сидят на корточках со своими лопатками, но, кажется, не очень заняты песочком. Они рассматривают друг друга так, как дети рассматривают бабочек, гусениц или жуков. Но исподтишка, не в упор, и о чём-то потихоньку разговаривают.

Сижу и я рядом, люблюсь ими обоими.

Вдруг смотрю – а что делает девочка!?

Она сидела с опущенными глазами, а тут вдруг стала медленно-медленно поднимать ресницы – поднимет чуть-чуть и задержится, потом ещё чуть-чуть поднимет и опять остановится. Как бабочка крылышками!

А братик мой смотрит на неё во все глаза, как замороженный!

И вдруг девочка окончательно подняла широко раскрытые глаза!

И они несколько мгновений смотрели в эти красивые глаза друг другу!

Я сама ещё была девчонка, но я как будто что-то поняла из взрослой жизни, как будто они сказали друг другу: «Я люблю тебя. И понимаю тебя. Но мы ещё маленькие». Если бы это было не так, я бы не запомнила на всю жизнь эту сцену.

Тогда эти дети показали мне, как кокетничает маленькая женщина (будучи уже взрослой девушкой, я тоже пробовала так поднимать глаза ☺), и, как маленький мужчина, братишка выдержал эту атаку женского кокетства и заглянул ей прямо в душу (будучи взрослой девушкой, я долго ждала такого взгляда ☹).

На новый 2008 год Коля решил не смотреть осточертевший оголтелый телевизор, а посмотреть лучше фильм Антониони. У меня оказалась в руках интересная книжка, и я тоже не смотрела телевизор. Звуки фильма не мешали мне.

Но вдруг я услышала: «Путники шли в горах в сопровождении индейцев. И неожиданно в самом неподходящем месте они остановились и отказывались идти дальше. Без всяких объяснений. И никакие уговоры не помогали. Спустя некоторое время они встали и пошли дальше. Их спросили: почему же они останавливались?»

- Наши души отстали от нас, и мы их дожидались!»

Поморские рыбаки в Северном море знают его и понимают море так, как женщины знают свой дом. Море непредсказуемо, может произойти что угодно, но поморы готовы ко всему и знают, что надо делать.

А Он смотрит – и «умелые» его глаза создают его собственную картинку, на которой безумства моря житейского мгновенно очищаются от безумия и преображаются мягкой усмешкой Врубелевского Пана...

Какое огромное счастье – печка!

Печку создаёт печник. Он должен быть Мастер!

Но вот мужчина должен принести дров, растопить её.

Дальше она, благодарная, работает сама - за этих двух мужчин.

Один труд – мудро сложить из кирпичей и глины сооружение с трубой.

Другой труд – нарубить дров.

А получается Чудо – вроде солнца.

Не-е-е-т, не знают южане такого чуда!

Им тоже иногда хочется погреться, но....

Японцы, например, ставят жаровню с углями под стол, засовывают под него ноги, а потом раздвигают окна и любуются на падающий снег.

А узбеки среди тридцатиградусной жары над такой жаровней жарят свои бараньи шашлыки. Цветут розы, а пахнет горелым мясом.

А мы прибегаем и распластываемся на горячей стенке, и она не жалея отдаёт своё тепло. Воздушные струи циркулируют. Дышать легко. А внутри томятся щи да каша.

На севере печка - это наше всё!

- Ну что, брат, огонёчек, теплишься?

- Да, брат, вот люблюсь своим отражением в шарах и бусах.

А ты как?

- Горим, брат, горим! У нас тут такие температуры бушуют! И конца-краю нет. Все соседи по Галактике раскочегарились!

- Скажи на милость! А сдалека так и не больше нас!

- Хе! Сдалека-то тебя и не видно!

- Ладно-ладно, я для хозяйки свечу, а она знаешь, как нас любит! Ляжет на диванчик и любитесь нами. У неё от нас на душе тепло. А на вас попробуй, полюбуйся на морозе - тут же нос отморозишь!

- Зато мы - вечные.

- А мы тоже долго простоим, хозяйка так решила! Зато как дорога наша краткость!

- Ладно-ладно, согласен, не будем ссориться. Мы так хороши на оконном стекле - вы отражаетесь, а мы заглядываем. Давай светиться дальше!

...Вот общеизвестно, что Татьяна Ларина обаятельный женский образ. А как обаятелен мужчина с такою душой!!!

Риточка, Серёжа и я были когда-то очень молодыми.

А Серёжа был самым молодым.

И вот поехали мы как-то с Серёжиным другом на двух машинах на речку Тошню.

Был ещё летний, но уже по-осеннему прохладный бессолнечный денёк. (Пока я пишу, над верхушками сосен пролетел очень редкий здесь самолёт, зачем, почему?)

Так вот, на реке достал Серёжа своё подводное обмундирование: резиновый костюм на шерстяной трикотажной подкладке, подводное ружьё, ласты и дыхательный аппарат – и всё это надел на себя.

А речка Тошня протекала в этом месте по зелёной равнине – узкая, но глубокая. Нырнул Серёжа и минут сорок не выныривал.

Его видно было, - как-будто где-то там, в глубине, плавает большая рыба. Когда он, наконец, вылез, то был синий от холода и весь дрожал.

Ему сразу же налили стакан водки, он стащил с себя костюм, и мы залезли в машину – Серёжа в серединку, а мы с Риточкой обняли его и прижались к нему, чтобы согреть.

Но он дрожал так, что машина ходила ходуном, как на самой тряской дороге!

Потом он рассказал, что караулил там, под корягой, какую-то крупную рыбу, очень хотелось ему её подстрелить! Холодная вода, свет только чуть брезжит, лежишь в воде неподвижно и ждёшь рыбу, боясь спугнуть, пока есть воздух в аппарате, - сорок минут – это же вечность!

Мой Стёпа занимался скалолазанием в пещерах.

Спускаешься эдак по канату на глубину, в холодную темноту, положим, метров на двадцать, а там уклон, съезжаешь по нему –

и вдруг обрыв! и летишь туда, не знаю куда! А внизу по-прежнему темно и холодно – 4 градуса – какая-нибудь пещера с лужей воды, и надо залезать опять в какие-то щели и узкие ходы, чтобы перейти в другую пещеру. Так вот, Стёпа мой лез-лез по проходу и застрял – сам он длинный и тощий, и так закрутился в проход, что его полностью заклинило – не может ни рукой, ни ногой пошевелить в этом каменном плену. Я не знаю, как он освободился.

А Петя, будучи отроком, лазил по «магистралке».

Все дома в Академгородке соединены общей канализационной и другими коммуникативными системами. Войти в них можно из любого подвала любого дома и путешествовать под землёй через весь городок в любом направлении.

Конечно, где-то что-то перекрыто, но в общем можно пробраться при некоторой сноровке и умении. Там ребята обустроивали себе логово в одном из отсеков и проводили время часами. А однажды заблудились и выбрались через канализационный люк прямо перед Университетом, на глазах у милиционеров, посреди маёвки, которая тогда проходила.

Это я называю «глубокое погружение».

Такой обряд инициации для мальчиков.

Есть место на земле – Гора Маура. Идешь-идешь вверх по дороге и оказываешься вдруг на самой макушке. Отсюда видно далеко на все четыре стороны, на все 360 градусов. С одного конца горизонта до другого течёт, прячась и извиваясь, широкая Шексна. По ней изредка медленно проплывают баржи. Огромное небо с населяющими его облаками так же близко, как лесочки и близлежащие монастыри, до которых можно дойти, если всё идти и идти.

Их два и оба видно с этой горы – один – Кирилло-Белозерский, а другой – Горицкий. Нас туда привозит Серёжа. И маленькие карапузы Даша с Никитой держась за руки, не капризничая, идут за папой весь долгий путь.

Не могу найти слов, чтобы описать, что на земле? – цветник ли это из полевых цветов, выращенных каким-то добрым гномом – хозяином тех мест? Какие-то красненькие, синие, фиолетовые,

жёлтенькие, беленькие – все вместе расцвели – без имени и без названья!

Им и дела нет, как их зовут!

Где-то далеко виднеется жёлтый глинистый обрыв, рядом ели стоят, вернее, - живут.

Покой и воля.

Всем, кто будет читать это, известны эти места.

И все знают, кто добрый гений этих мест.

ФРАЗЫ ФАУСТОВА

(опубликовано в газете «Вологодский комсомолец»)

Мое кредо: никогда не говорить ни одной фразы, которая не допускала бы двойного истолкования. На все должно быть не менее пяти точек зрения.

Мой метод: некоторые сначала подумают, а потом говорят, а я сначала говорю, а потом смеюсь.

Мой девиз: советский смех – самый смешной в мире.

Схема смеха: икота – катастрофа смеха.

Главный РНПаЦан города.

Большая ТВ-опупея.

Только советские суды имеют в качестве своих подсудимых гордость всего человечества.

Не могу поступиться принципами: не могу удержаться от смеха.

Она детей порола...под звуки рок-н-рола.

Советская сказка. Входит проситель в обком, а ему навстречу милиционер: «Проходите без документов, я вам и так верю. Входит проситель в кабинет, а навстречу ему функционер. Проситель: «Извините, я по такому-то делу, если не туда, то направьте...» Функционер хватает его за белые руки: «Стойте, никуда не ходите, сам помогу».

Левые – это те, кто все время хочет есть. Правые – это те, кто, пользуясь левым пайком, все же считают свое дело правым. В процессе борьбы левые правеют, а правые левеют.

Митинг. Вот тут некоторые говорят, что я клевету на партию. Но это клевета. Я товарищи клевету не на партию, а на аппарат.

Соревнование по боксу. Товарищи! Специальный приз вручает директор завода «Мосспецжелезобетон».

Реплика председателя СТК: «Товарищи, поорганизованнее. Не будем уподобляться, простите меня, Съезду народных депутатов».

ФРАЗЫ ФАУСТОВА

(записал Алексей Чесноков, Санкт-Петербург)

Выводы повторяют цель в прошедшем времени.

Например,

Цель: написать стих с хорошим качеством в срок.

Вывод: стих написан.

Работа выполнена в срок и с хорошим качеством.

В мире может быть чего угодно, но это ничего не означает, потому что автор из чего угодно создаст свой собственный мир.

Докладываю: стих прочитан. Смысл воспринят. Все запомнено, учтено, что написано.

Мы недавно грибы собирали в лесу. Прежде, чем их сорвать, срезать, то есть, мы их фоткали, а я еще в кадр пускал пузыри

мыльные. И вот на фото: гриб, а около него радужные пузыри, можно подумать, что из него. Никакой нечистой силой и не пахнет. Она такого выдержать не может.

Но зато и как весело-то. Ходишь так, веселый, нечесаный...

Здесь вся соль и мудрость, выраженная совершенно честным образом. Это результат честного творческого труда. Не вдохновение, не притворная красивость, не заблудшая идейность, не показная поэтичность, а только честность.

Всякая редакция стиха - это притворство.

Алексей, а ты еще не получал рецензию счастья? Хочешь, я тебе пошлю. У меня их две, кажется.

Так много вопросов не к месту и некстати. Не к стати. Не к моей стати. У моей стати нет вопросов.

Гравюра в хорошей раме под позвоночником полезна от радикулита. Пара подсвечников медных в ногах полезна против артрита и улучшает кровообращение в конечностях. Томик Бодлера под подушкой укрепляет шейные позвонки. Серебряная фляжка с коньяком спасает от бессонницы.

ФРАЗЫ ФАУСТОВА

(записала Елена Румянцева, Вологда)

2005 год

Чтобы быстро есть, надо много пить.

Жизнь большая и Москва тоже большая.

Вся жизнь – это оговорки по Фрейдю.

Надо, чтобы ООН объявила 2006 год – днем душевнобольного человека.

Я болею душой, но я не душевнобольной.

Сообщение от Михалыча: «У меня еще и конца не видно».
Красильников: «Мы без конца тебе рады»

Что ни подумаешь - все правильно.
Искушен искусно во всех искусствах.

Культура с высокой колокольни ответит.

Вся библиотека Ивана Грозного распродана депутатами.

Драма Островского «Лесной комплекс».

Лучшее проявление тупизма – говорить про IQ.

Узкий круг – это широкое понятие.

Смысл жизни – быстрота восприятия быстроты жизни.

2006 год

Об использовании новогодней елки после праздников:
«У меня елка большая, можно сделать бетономешалку».

Фетисов серьезно сказал, что будем анализировать.

На Митьков надо было ходить 20 лет назад.

2007 год

У вас цейтнот на мои мероприятия, у меня цейтнот на ваши.
Каждый человек априорно готов к радости.

ФРАЗЫ ФАУСТОВА (из неопубликованного)

Синтезатор - это серый волк: он подражает голосам козлят (музыкальных инструментов), чтобы потом их съесть.

У хеви метл тяжелая судьба: он дитя тяжелого рока.

Брейк-данс - сногшибательный танец.

Стиль диско подобен грибному дождю: кончился так же внезапно, как и начался.

Один динамик хорошо, а два – стерео.

Делу время, а видео час - больше нет кассет.

Джентльменский набор: кофе «арабика», кубик Рубика и аэробика.

Объявление в кассе: пошла ва-банк.

Плавание - гребля врукопашную.

Зуб даю за то, на что глаз положил.

Потеря чувства меры: количество перестает переходить в качество.

Задача пишущего: когда изливаешь душу, не залить бумагу чернилами.

Поп-фан-тюльпан.

В жизни есть де-факто и де-юре, а в искусстве ни того, ни другого. Этим они и отличаются.

Могущественный комментарий: он создает политику, искусство, спорт – и делает людей счастливыми.

Современность - это бесконечная сиюминутность.

Самое надежное на свете - самолеты, отлетающие свой срок.

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие В. Пуханова о С. Фаустове.....3

Часть I ФАУСТОВ - АВТОР1. Проза

Вхождение.....	4
Фарфоровая чашка.....	6
Заснеженный тамбур.....	6
Анестезиолог.....	8
Анестезиолог-2.....	10
Праздник.....	12
Письмо.....	17
Президент.....	19
Аллегория.....	22
Экстрим.....	24
Трещаловское. Анекдоты Трещалова.....	26

2. Эссе Фаустова о литературе, культуре

Провинция как столица.....	36
«Рой» С. Алексеева.....	40
Что делать с Японией? (В. Васильев).....	42
«Умница Джек» Ю. Богословского.....	43
Грустный таксидермист (о В.Смите).....	44
Глушитель (о А. Цыганове).....	47
Литературный критик В. Суворов.....	56
Спектакль в «Аквариуме» (Де Костер).....	60
Спектакль в «Аквариуме» (Дюренматт).....	62
Мистерия-реликт: браво.....	64
Стандарт профессионализма.....	65
О творчестве Яна Крыжевского.....	66
<u>3. Диктатура уха (о рок-музыке).....</u>	<u>69</u>
Двойная фантазия Леннона и Йоко.....	82
<u>4. Сельский альбом (стихи).....</u>	<u>94</u>
<u>5. Арки (экспериментальные стихи).....</u>	<u>102</u>

Часть II. О ФАУСТОВЕ - « И ВСЕ ЭТО О НЕМ»

Алексей Чесноков. Фаувала.....	110
Андрей Коков. Органичный брэй-брэнд Фаустов.....	115
Михаил Ромм. «Инклюз из эсклава».....	117
Сергей Донец. Когнитивный диссонанс.....	120
Регона Соболева. Рассеивание и концентрирование (метод Фаустова).....	132
Нина Писарчик. Параллельное и противоположное в одном.....	135
Валерий Архипов. Нескучный коммент.....	137
Галина Щекина. Птица под куполом.....	139
Елена Юшкова. Скромный харизматик.....	142
Анна Антонова. Критика Фаустова как фигура высшего пилотажа.....	144
Козетта Закавыкина. Фаустов как микроскоп и валенок.....	146
Михаил Еремин. Читал. Но спорил (письмо Фаустову).....	146
Эвелина Ракитская. Письмо из сети.....	151
Тамара Сизова. Образы и прообразы.....	154
Владимир Петринчик. Да, я подсел Михаилыча.....	160
Александр Красильников. Аналогии.....	161
Татьяна Плен. Белые беседы.....	162
Елена Румянцева. Он сам.....	163
Рита Грин. Что незабываемо.....	164
Дарья Михеева. Фонарик со снежком.....	170
Тамара Белякина. Добрый гений этих мест.....	172
Фразы Фаустова.....	177
Приложение (фото).....	184

Начало работы в Вологодском политехническом, 1976

Сергей ФАУСТОВ

185

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

**В Вологде с Н. Сучковой и Т. Тайгановой
(проект «Единство в книге») 1996**

На презентации «Харизмы вологодской литературы» в
пресс-центре «Красного Севера», 1998

Сергей ФАУСТОВ

187

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

25 лет лито «Ступени» в картинной галерее. 1996

Запуск Птицы Творчества в картинной галерее

В Вологодском государственном техническом университете.

В лаборатории средств противоскольжения (ошиповки) ВГТУ

В Москве на подведении итогов Илья-Премии. 2004

В Лондоне с Севой Новгородцевым

В Ливерпуле

С Виктором Суворовым в Лондоне

Сергей ФАУСТОВ

194

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Импровизации на губной гармонике и гитаре

В кругу семьи – за строганиной

Фото - parusnik

ФАУСТОВ КРУПНЫМ ПЛАНОМ :

[сборник авторских материалов С. Фаустова и статей о нем]. Библиотечная серия, выпуск 5, посвящается 60-летию со дня рождения С М. Фаустова. Составитель серии Щекина Г.А.

Предыдущие выпуски: №1 – В.Архипов, № 2 – М. Сопин, №3 – М. Жаравин, № 4 – Г. Щекина.

В книге использованы фотографии из личного архива С. Фаустова. Подготовка издания проводилась совместно с Центральной городской библиотекой. Над книгой работали Г. Щекина, Е. Румянцева, Л. Молчанова, А. Астафьева. В оформлении обложки использована графика Н. Черкасовой. Вологда, «Свеча», 2008. Тираж 100 экз. Отпечатано ООО «Фирма «Леда» 160035, г. Вологда, ул. Зосимовская, За. Формат 60x84/16. Заказ 192, 2008 г.